

Олег Николаевич Верещагин

Тимур и его «коммандос»

Аннотация

Я писал эту повесть в 2002 году — и прошу не судить её очень строго. Иными были реалии, иным был я — у меня (и не у меня одного...) на краткий момент появилась надежда, что всё по-настоящему, что грядёт истинное возрождение России и гибель её врагов... Этим надеждам не суждено было сбыться. «Сортирный мочильщик» оказался убогой пустышкой. Увы. Тем не менее — клуб, о котором я рассказал в повести, существует до сих пор. Он выстоял, выжил и остался прежним. Поэтому посвящение, которое я делаю в начале повести в виде эпиграфа — актуально и ныне. И кстати. Название этой книги появилось раньше, чем на экраны выполз идиотский фильм, снятый идиотами для идиотов и имеющий то же название.

Верещагин Олег Николаевич

Тимур и его «коммандос»

*В удачу поверьте —
И дело с концом!
Да здравствует ветер,
Который в лицо!*

*Мальчишкам из клуба "ПОГОНЯ" —
с благодарностью за их существование!
Автор.*

*Благодарю Пашку Зубкова,
ученика 8-го класса Кобяковской ООШ
Кирсановского района Тамбовской области,
который взял на себя тошнотворный и неподъёмный для меня
труд
— перепечатать эту повесть на компьютере заново.*

*Кстати!
Все претензии за ошибки и оЧЕПЯтки, которые вам
встретятся — к нему...*

МОСКВИЧИ В ПРОВИНЦИИ.

Будет новая беда —

Прямиком спеши сюда.

Чай и мы в лесу не звери,

Чай поможем — завсегда.

Л.Филатов.

"Про Федота-стрельца,

удалого молодца".

1.

ГДЕ-ТО НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ. НАЧАЛО 90-Х ГОДОВ XX ВЕКА.

Несколько домов в станице уже горели. В безветренную жаркую погоду дым отвесно поднимался вверх на большую высоту и только там нехотя расплывался широкими лепестками. Слышно было, как часто и безобидно потрескивают сухие, отрывистые очереди автоматов Калашникова — в разных концах станицы, перебивая друг друга: стреляющих было много. Донёсся истошный людской крик... Временами гулко бухали охотничьи ружья — кто-то пытался защищаться. Тогда автоматная стрельба становилась злей и гуще в каком-то одном месте, хлопали один или два нестрашных гранатных разрыва — и всё... Защищаться станичникам было почти нечем — согласно новому законодательству "независимой республики" иметь огнестрельное оружие могли лишь "представители господствующей нации"

Впрочем их тоже убивали. Уже давно в станице бок о бок жили разные люди. И трудно было представить себе, что твой сосед может оказаться "оккупантом" и "врагом нации". Не один и не два человека попытались — кто словом, а кто силой! — остановить убийства русских. И поплатились. Те, кто пришёл в станицу ранним утром, были злы. И у них были автоматы.

Пришедшие называли себя "воинами Аллаха". Но мечеть, построенную недавно, они подожгли тоже, потому что старый мулла первым попытался их остановить, а когда его просто оттолкнули — проклял убийц и хватал их за руки, не давая стрелять в "неверных". Пришельцы застрелили старого священника на пороге дома бога, которому молился он — и они.

Мальчику было четырнадцать или пятнадцать лет. Он уцелел потому, что встал немного раньше остальных жителей станицы — проверить снасти перед рыбалкой. Отец говорил, что пора уезжать на север, семья уже собралась и, перебирая удочки, кулан, баночки с наживкой, сложенные заранее в сарае, мальчик лениво думал, что это глупая затея — с отъездом. Нет, он был уже не сопляком и видел, что творится. Но не верилось в то, что случилось этим утром.

Поэтому он всё-таки едва не погиб. Когда послышался звон разбитого стекла, автоматные очереди, а потом — два гранатных разрыва, и из-за дома во двор вошли несколько незнакомых людей с оружием, он просто застыл растерян в дверях сарая и стоял

минуту, не меньше. И только когда двое всё ещё не замечавших его — каким-то чудом! — убийц пошли к сараю, и он разглядел их лица, и ещё старую советскую, офицерскую форму одного, и капитанские звёздочки на его погонах, и понял, что сейчас умрёт — только тогда он бросился через весь сарай, спотыкаясь о барахло, к заднему окошку, пролез в него каким-то не представляемым образом и через огород побежал со всех ног к речке. А сзади коротко хлопнул взрыв — в сарай бросили гранату. Просто так входить в чёрное нутро поопасались и не пожалели небольшой округлой РГД5, похожей на фрукт киви, которые скоро появятся в магазинах на севере, куда так и не уехала семья мальчика...

Ни отец. Ни мама. Ни старшая сестра.

Теперь он лежал за камнями на холме реки. Мокрая одежда давно высохла, но он, не двигаясь, вжимался в камни и никак не мог поверить, что всё, происходящее — правда.

ГЛАВА 1.

Пистолет Данила купил на Воронежском железнодорожном вокзале.

Его звали именно Данила, и он с упрямой решимостью отстаивал своё имя, предотвращая попытки сократить его на модного "Дэна" самым доступным любому мальчишке способом — с помощью кулаков. Способ был доходчивым — к пятому классу Данилой его стали называть все. И вот сейчас он скучал возле чемоданов. Люська утасила маму покупать мороженое, и Светлана Александровна, беспомощно пожав плечами, сказала сыну:

2.

— Постой с вещами, мы сейчас... Принести тебе мороженое?

— Не надо, мам, спасибо, — отказался Данила. — Вы идите, я покараулю.

Светлана Александровна улыбнулась. Она выглядела усталой, как и всякий человек, фактически уже месяц занимающийся переездом с детьми, и Данила внезапно ощутил жалость. Его матери — уверенной, деловой, настоящей бизнесвумен — вовсе не шла эта усталая растерянность, с которой она оглянулась на сына, когда неугомонная Люська целеустремлённо утасила её куда-то вниз, где успела разведать ларьки с мороженым.

Данила поглубже сунул руки в карманы джинсов и с интересом оглянулся — высокий худощавый подросток с тёмно-рыжими лохмами над внимательным прищуром серых глаз, длинноногий и плечистый; даже просторная безрукавка не могла скрыть его спортивного телосложения. Данила увлекался футболом, плаванием и боксировал уже два года, хотя никогда не задумывался, зачем ему нужен спорт — просто он чувствовал себя неуютно, если не двигался и предпочитал лучше идти, чем стоять и бежать чем идти.

То, что он успел увидеть по пути на юг, ему понравилось. Дважды побывав с матерью и сестрой за границей, он плохо знал Россию за пределами Московской области. Воздух тут был свежее московского, насыщенного смогом и особенно жуткого в жаркую погоду люди говорили по-другому, смешно напирая на некоторые буквы, и казались проще и доступнее; было не так шумно — всё это привлекало вниманием и примирило Данилу с переездом. Пришлось ведь оставить школу, немногочисленных, но хороших друзей, спортивный клуб и привычную с детства Москву. С некоторой опаской Данила подумал о том как будет устраиваться на новом месте. Матери что — она едет работать, ей не понять проблем четырнадцатилетнего подростка (хотя Данила смутно подозревал, что причина переезда — и в нём и в Люське), которые возникают, когда являешься на совершенно новое место. Данила хорошо помнил, как несладко приходилось новичкам в его собственном классе — престижном и элитном.

Кроме того "юг" ассоциировался у Данилы как что — то связанное со словами "фронт", "Чечня", "экстремисты", "боевики". Слова были тревожными, и он помнил, что именно на этом вокзале, где они сейчас ждут поезда и грузовую платформу под BMW и прицеп, несколько лет назад прогремел взрыв. Взрывы гремели и в Москве — во время памятного

теракта в метро искалечило хорошего знакомого Данилы, искалечило непоправимо всего лишь потому, что он случайно оказался там, в переходе. Но Данила не мог избавиться от ощущения, что именно сейчас въезжает в прифронттовую зону.

Правда, люди вокруг выглядели вполне обычными. Да и не шляться же тут, в самом деле, террористам? После успешных действий русских войск они и у себя-то прячутся, а уж за пределами Кавказа давно ничего не взрывали... Данила бездумным взглядом проводил высокого мужчину в полувоенном, широко прошагавшего на перрон по центру вокзала. Мужчина был похож на отца.

Мальчик вздохнул. Он скучал по отцу, хотя временами начинал его ненавидеть за развод, на котором именно отец настоял, когда Даниле было шесть лет, а Люська ещё не воспринималась, как разумное существо. Жили они тогда плохо, всё шло наперекосяк, и отец ушёл. Но одновременно Данила страшно гордился отцом. Как-то перебирая в библиотеке подшивки журналов для школьного реферата, он обнаружил большую статью с фотографией отца и фамилией, вынесенной в заголовок рваными красными буквами. Статья была о русских добровольцах на Балканах и командире отряда. Фамилия стояла чужая, но отца Данила узнал сразу, а журнал спёр самым наглым способом. Можно было заказать ксерокопию, только не оказалось нужных денег...

И всё-таки он не захотел встретиться с отцом, когда тот в прошлом году приехал на Мальту, где Серёгины отдыхали. Приехал, как сказала Светлана Александровна, чтобы

3.

встретиться с сыном.

Данила не вышел к нему.

Мальчишка подумал, что зря отказался от мороженого.

— Парень.

Данила обернулся. Звали явно его. Рядом стоял мужчина лет 30 — темноволосый, небритый, одетый в старый камуфляж, вытертые джинсы и раздрызганные кроссовки. Водкой от него не пахло, но и симпатий незнакомец не вызывал совершенно. Через плечо у мужчины висел армейский рюкзак.

— Да? — настороженно спросил Данила.

— Ты проездом? Москвич? — настойчиво спросил незнакомец. Мальчишка покосился на двоих сержантов, стоявших совсем недалеко, возле газетного киоска, и ответил:

— Вам это зачем, извините?

Он давно усвоил, что с незнакомцами лучше не разговаривать, а уж если заговорил — держаться вежливо, но неопределённого тона. Поболтать можно, а что-то рассказывать — зачем?

— Да ты не бойся, я не бандит и не маньяк, — мужчина подвигал челюстью и улыбнулся: — хотя конечно, это ведь каждый может сказать-то.

— Именно, — подтвердил Данила, улыбнувшись в ответ.

— Я сразу допёр, что ты из центра, — добавил незнакомец и вдруг спросил, понизив голос, но прямо: — Слушай тебе оружие нужно?

— Оружие? — вырвалось у мальчишки. — Какое оружие? — он снова огляделся. Сержанты никуда не ушли — стояли, лениво посматривая по сторонам, держа руки на коротких автоматах. — какое оружие? — Повторил Данила.

— Хороший пистолет, — торопливо сказал мужчина. — Слово, очень хороший! Тэтэ, настоящий польский, не китайский. Восьми зарядка. Патроны — не дефицит, их завались... Ещё сменная обойма и полста патрон к ней. Я б не продал, но... — он со страдальческим видом махнул рукой: — Короче бабки нужны. Завис, как люстра под потолком.

Данила никогда в жизни не делал ничего противозаконнее кражи того журнала и подбрасывание петард в почтовые ящики особо вредным соседям. Но ПИСТОЛЕТ?! Как и все мальчишки, Данила обмирал при одном виде оружия. А уж иметь его — СВОЁ

СОБСТВЕННОЕ?! Это была даже не мечта, а сон. Тщательно культивируемая жизнью в большом городе осторожность ещё что-то шептала...но одновременно с этим еле слышным шепотом он услышал свой собственный голос:

— Покажите.

Мужчина кивнул и, присев на лавку, поставил рядом рюкзак. Распустил горловину лениво и неспешно, словно решил просто покопаться в своих вещах. Данила присел рядом.

Прямо сверху на каком-то барахле лежал пистолет. Почему-то при виде его Данила тут же пришло в голову определение "боевой"- ничто другое к увиденной вещи не приходило. Это был определённо ТТ-"Тула-Токарев", прославленный пистолет времён Великой Отечественной и — увы — любимое оружие сегодняшних "братков". Его сразу же хотелось взять в руки — большой, длинный, с насечёнными щёчками рукояти из зернистой пластмассы, вытертом на округлом курке, спуске и мушке воронением.

— Не палёный? — бывалым тоном спросил Данила. Продавец хмыкнул:

— Ну...Ты что, на малине его покупаешь? Убивать из него убивали. Но там, где это было, палёного оружия не бывает. Там война. Берёшь?

В кармане джинсов Данилы лежали почти три тысячи рублей — часть из тех денег, которые он заработал, разнося рекламу. Эту работу ему устроила мама, хотя она и карманными деньгами снабжала Данилу довольно щедро — желание сына подработать ей

4.

понравилось. Для Москвы деньги это были небольшие, но здесь?..

— Сколько? — спросил он небрежно. О ценах на такое оружие ему ничего не было известно, но он знал, что "макаров" стоит в коммерческом исполнении двести долларов — почти вдвое больше, чем у него было.

— Две триста, — назвал мужчина странную, некруглую цифру — и Данила подумал, что он, кажется, честный: запрашивает, точно подсчитав, сколько ему нужно, а не от балды, чтобы бабки срубить с пацана. — За весь комплект — с патронами и обоймой, и продавец помялся и извиняющимся тоном добавил: — Дешевле не могу. Я потому к тебе и подошёл — у нас просто так никто не купит, а с теми, кто может, связываться неохота. Вижу — парень из Москвы, ну, думаю, рискну... Есть сколько?

На ощупь, ориентируясь по знакам для слепых на купюрах, Данила отсчитал четыре пятисотенных и три сотни, потянул из кармана.

— Есть?! — мужчина, следивший за его манипуляциями, откровенно просиял: — Куда тебе скинуть-то?

— Данила поднял с чемоданов и расстегнул свою спортивную сумку — легкую, из синтетики, с эмблемой компании " BRITISH AIRWAYS".

ГЛАВА 2

Поезд Воронеж-Ростов-на-Дону проходил через Горенск-Колодезный — город у границы с Украиной, куда и ехали Серёгины. Данила не отходил от окна в коридоре — тут было удобнее смотреть, чем в купе, где мешали столик и активно лезущая под локоть Люська.

Он и представить себе не мог, что существуют на свете такие просторы! До Воронежа за окнами поезда тянулись леса, из них внезапно выскакивали города, деревни, сёла, дороги, разворачивались вдоль поезда ленты рек, открывались голубые глаза озёр. Потом шли участки, степи, рассечённые заградительными полосами, лесов стало меньше, а иногда подолгу тянулись зеленеющие поля. Поезд проскакивал небольшие станции, на которых останавливались лишь электрички и пригородные дизели — и Данила наблюдал за кусочками жизни совершенно ему незнакомых людей, подсмотренными из окна купейного вагона. Это было интересно и странно: вот ты видел мальчишек на велосипедах, вот

мужчина курит на крыльце — а в следующую секунду всё увиденное осталось где-то далеко позади. Даниле нравилось немного подумать, пофантазировать, чем занимаются увиденные мельком люди сейчас, когда между ними и поездом — уже несколько километров. У каждого из них своя жизнь — и может быть, они тоже думают об увиденном в окне прогрохотавшего "скорого" парнишке... Данила несколько раз прошептал про себя, запомнившиеся строчки из любимого кинофильма "Брат-2": "Я не знал, что у меня есть огромная семья..." Потом прошла мимо проводница, покосилась недоуменно, и он, смутившись, больше ничего не шептал, а просто смотрел. Ему, привыкшему либо к Москве, либо к ленивой многолюдности дачного посёлка, либо к дальним курортам, эта бесконечная завораживающая ширь за окном казалась сказкой. Вон, над небольшой речушкой — белая крепость, как из буклетов "Золотого Кольца России". Здорово. И почему-то впечатляет больше, чем Кремль. Мальчишки загорают у подножия стен, над обрывом — с уроков, наверное, умотали. Тут уже можно загорать...

Дверь купе была открыта, и Данила видел, когда заворачивался, широкие листы "Воронежского курьера" с заголовками передовицы "Задолженности по зарплате будут выплачены!" — и ниже мелким шрифтом: "Встреча мера с представителями профсоюзов".

Прямой жирный шрифт "миньон", кегль пятнадцать пунктов, отметил Данила профессионально. Трудно не научиться разбираться в журналистском деле, когда мама — журналист.

5.

Отвернувшись к окну, он улыбнулся — там у подножия холмов мелко зеленели какие-то фруктовые рощицы. Мама где могла покупала местные газеты — это профессиональное, она даже неинтересные статьи читала очень внимательно, изучая, как они написаны, напечатаны проиллюстрированы. Железный мама человек.

— Красиво, правда?

Светлана Александровна вышла в коридор, доставая сигарету и становясь рядом с сыном, глядя в окно.

— Это абрикосы, — кивнула она на рощицы. — Те самые, которые в магазине за деньги.

— Ты бросила, — напомнил Данила суровым голосом, говорившим, что разговорами о бесплатных абрикосах его не отвлечёшь. — По утрам опять будешь кашлять.

— Не ворчи, — озорно сказала женщина, взлохматив сыну волосы. — Я могу позволить себе расслабиться?

— Ложись на диван, подними ноги повыше и упрись ими в стенку, — посоветовал Данила, косясь на сигарету. Мать волновалась, вот что это означало. — Люська дрыхнет?

— Уснула, — Светлана Александровна сунула сигарету в угол красивого рта, потом решительно смяла её и бросила за окно. — Ну вот, не дал покурить.

— Я мог получить наследственную астму, — поучительно сказал Данила. — Ты куришь в нашем присутствии и подаёшь нам плохой пример. Вдруг мне захочется попробовать?

— Держи, — Светлана Александровна достала пачку "Парламента". — Понравится — скажешь.

— Ладно, — засмеялся Данила — Мам, да ты не волнуйся, мы там нормально устроимся. Все. Ты же сама говорила — это твоя малая родина.

— Даниил, — задумчиво и серьёзно ответила Светлана Александровна, — ты по своей сопливости и не представляешь себе, что такое — руководить газетой.

— Газетой! — фыркнул Данила, небрежно вывешивая руку за окно. — Городская многотиражка, весь штат наверняка меньше техобслуживания в твоём отделе. И название дурацкое "Красный Маяк!" Ещё бы назвали "Красный фонарь"!.. Ма, почему ты не захотела купить пистолет? Или даже дробовик, тебе разрешили бы...

— Ты же знаешь, я боюсь оружия и не умею с ним обращаться, — Светлана

Александровна сощурилась подозрительно: — А зачем тебе оружие?

— Нам, — уточнил Данила. — Юг. Террористы. Будёновск. Одноногий Джон Басаев.

— Любая газета — посильнее бомбы, напомнила мама. — Даже в райцентре. Особенно в райцентре, потому что там меньше конкуренции и борьбы за умы людей... А насчёт названия — правда старомодное, но менять его опасно.

— Почему? — удивился Данила.

— Люди, особенно в провинции, вообще консервативны, — поучительно ответила Светлана Александровна. — Новое название может отпугнуть подписчиков, а от этой газеты и её рейтинга, не забывая, зависит наш уровень жизни. Но эти проблемы я как-нибудь решу, а вот ты...

— Я свои проблемы тоже решу сам, — с уверенностью (которую он не ощущал) пообещал мальчик.

— Кулаками? — грустно осведомилась у единственного сына мама.

— Почему нет? — Данила продемонстрировал крепкие кулаки.

— Ох, не этому я тебя учила, — вздохнула Светлана Александровна. — Наверное, нужно было как-то тебя по-другому воспитывать.

— Да я же просто тебя успокаиваю, ма! — возмутился Данила. — Тебя послушать я просто ищу, где подраться! А я, между прочем никогда первый не начинаю.

— И на дискотеке, когда тебя забрали?

6.

— А фиг ли эти рэперы свой дубовый музон крутят?! Мы им сперва сказали — мирно сказали! — чтоб валили. Там знаешь. Какие слова есть, в этих песенках? "Убей свою мать за то, что она родила тебя!" Ясно? А они в ответ: "Чисто брат, крутим, что хотим!" Какой я им "брат"? Данила сморщил нос.

— Ты хоть помнишь, каким образом я тебя вытащила из КПЗ? — печально осведомилась Светлана Александровна.

— Ну и что? ты бы видела как разбегались они! — гордо ответил Данила.

— Ну а за чем ты кричал: "Валите отсюда, понаехали разные!..." Данила, у них же на родине у кого война, у кого что. Что за расизм домашнего разлива?

— Ма, я этого не понимаю, — честно признался Данила. — У них война. А мы-то, тут причём? Я, Вован, Санёк, Рафик — он кстати, татарин, Рауф — азербайджанец, но я же с ними дружу, а они со мной, нормальные ребята! А эти? Мы, что ли, к ним пришли и войну организовали эту? Они, что от нас в Россию сбежали. Сами у себя всё разорят, разворуют передерутся и бегут по белу свету, да ещё и разную гадость с собой привозят. Ты знаешь, про что я. И при чём тут расизм какой-то?

— Не хочу с тобой спорить, — задумчиво сказала Светлана Александровна.

— Потому, что ты сама так считаешь, — лукаво улыбнулся Данила.

— М-м... Да, может быть.

— Считаешь, и не "может быть", а "точно".

— Данила, — предостерегающе сказала Светлана Александровна, — насчет оружия. Ты этот разговор уже не первый раз заводишь, и я беспокоюсь. Чем дальше на юг, тем больше шансов его найти. И если я...

— Клянусь не бриться, не пить, не курить и не трогать руками найденные пушки и танки до особого разрешения товарища Серёгиной, моей мамы, единственной и неповторимой.

Светлана Александровна взлохматила волосы снова. Кажется, она раздумала курить.

— Подстричься бы тебе надо.

— Не пугай меня, ма, — укоризненно сказал Данила.

...Что у него есть дедушка — мамин папа — Данила знал всегда, хотя никогда дедушку не видел. Бессменный редактор газеты Горенска-Колодезного "Красный Маяк", он прервал всякие отношения с дочерью Светланой, когда она, в середине 80-х окончив журфак

Воронежского Государственного Университета, подалась в Москву вместо того, чтобы вернуться на родину — уехала с каким-то парнем, которого даже не представила отцу. Отношений с дочерью убеждённый коммунист-редактор, считавший, что от трудностей бегать в столицы — худший вид трусости, никаких не поддерживал, даже не известил её о смерти матери.

В начале 90-х семья Серёгиных вместе со всей страной, газетой, где работала Светлана Александровна и спортшколой, где трудился её муж, отец Данилы и Люськи, вступила в период кризиса и, не выдержав его развалилась в 93-м. Светлана Александровна с двумя детьми билась, как рыба об лёд, стараясь удержаться на плаву, не пойти на дно, что временами ей явно грозило. От природы решительная (она и в Москву поехала не потому, что испугалась трудностей!), Серёгина ушла из помирающего издания и начала бороться за существование самостоятельно. помогли упорство женщины и чудо — её пригласили на работу в одну из крупных московских газет, тогда как раз становившихся могучей силой, которой побаивалась и мафия, и правительство. Кому — то из руководителей издания вспоминались талантливые статьи "С.А.Серёгиной", читанные когда-то, и он озаботился найти журналистку.

На новом месте Светлана Александровна развернулась с лихой настоящей русской бизнесвумен. К середине 90 — х прошлые годы вспоминались как далёкий кошмар, а ещё через

7.

пару лет Серёгины жили в двухэтажной квартире престижного района, по городу передвигались на новеньком BMW, Данила (а позже — и Люська) пошёл из старой школы в "элитную", летом семья ехала отдыхать на хорошие заграничные курорты или жила на большой даче в Подмоскowie. Светлана Александровна заняла пост начальника отдела и очень гордилась тем, что всего добилась без махинаций и жульничества, только своим талантом и упорством. Может быть, ещё и поэтому Данила выглядел среди многих своих одноклассников "белой вороной", искренне считавшей, что бросать куски гамбургеров в школьном туалете нехорошо — он помнил время, когда на самом деле знал, что такое БЫТЬ ГОЛОДНЫМ.

Но вместе с достатком (по меркам Москвы; в других местах это называли бы "богатством") к Светлане Александровне пришло непроходящее беспокойство. Не за себя за детей. За внешним благополучием Москвы и москвичей, как грязные подсобки за сверкающей витриной универмага, скрывалось множество отвратительных вещей, даже неизвестных жителям "глубинки" — и хорошо знакомых Светлане Александровне; особенно — как журналисту. В городе встречалось множество людей со странноватыми наклонностями. Данила помалкивал, но женщина хорошо знала, что в его классе почти половина учеников пробовала или регулярно употребляет наркотики. Курили и выпивали там почти все, в том числе — девчонки. Ей даже страшно было представить себе, что и её мальчик может однажды попробовать эту гадость. Она — то хорошо знала, что все рассказы о якобы "вылечившихся" наркоманах — обычная реклама клиник и лекарств. Подрастала Люся — а с девочками в сто раз больше проблем, чем с мальчиками...

Себе Светлана Александровна могла признаться в том, что сейчас она с большим удовольствием покинула бы город, в который так стремилась, из-за которого порвала с отцом, в котором добилась успеха. Просто уехала бы вместе с семьёй именно в глубинку, и скучая по ней, представляла себе несколько идиллически. Уехать было можно. Денег скопилось достаточно, и они не лежали мертвым грузом, а были аккуратно распределены по банковским долларовым вкладам и ценным бумагам надежных компаний, приносившим немалые дивиденды. Квартира стоила столько, что где-нибудь в Карелии или белгородской области на её стоимость можно было купить двухэтажный особняк, пару машин не из худших, дачу и участок земли.

Проблема была в том, что Данила совершенно правильно определял мать, как

"трудоголичку". Светлана Александровна физически не могла не заниматься журналистикой — своим любимым делом. А найти в провинции место журналиста было ой как непросто — да и неприятно, несколько лет поруководив двумя сотнями людей, подчиняться кому-нибудь в числе двадцати-тридцати сотрудников заштатной газетёнки.

Неизвестно, какой выход нашла бы Светлана Александровна из сложившегося положения. Нашла бы наверняка — это точно, но когда? Однако в апреле 2001 года, в самом начале месяца, умер отец. Дед Данилы и Люськи.

Светлана Александровна съездила на похороны. Вернулась задумчивая и печальная, ничего толком не рассказала. Как понял Данила, дед умирал очень тяжело, умирал от рака, но до последнего момента не желал видеть дочь. Вплоть до того дня, когда болезнь свалила его в постель, он продолжал руководить своей газетой. Теперь уже именно СВОЕЙ — в середине 90-х, когда "Красный Маяк" без дотаций стал тонуть, теряя подписчиков, сокращая штаты, упрямый (вот в кого пошла Светлана Александровна — да и сам Данила, наверное, и Люська!) старик за гроши выкупил у администрации. И стал не только главным редактором — теперь уже независимым! — но и владельцем. Опираясь на оставшихся самых верных сотрудников и приняв на работу кое-кого из молодых (о своей дочери он и не вспомнил!) старый журналист сумел поставить дело так, что газета не только выправилась, но и начала приносить прибыль, и вновь поднял тираж и застрашал тех, кто по мнению редактора, "мешал нормально жить

8.

людям". Если не в областных масштабах, то в районных — точно. Отцу Светланы Александровны даже предлагали баллотироваться в мэры Горенска-Колодезного, но он отказался, заявив, что каждый должен делать ту работу, в которой разбирается.

Потом старик умер. Умер от болезни, которая настигает чаще всего именно тех, кто не умеет жить, волнуясь лишь за себя. Наверное, он всё-таки понимал, что умирает, задолго до того как слёг. Иначе просто не успел бы просто составить завещание, согласно которому всё имущество — движимое и недвижимое — завещал дочери, от которой шестнадцать лет отрекся с прямо-таки средневековым фанатизмом. Светлана Александровна ничего никому не сказала, но вместе с завещанием ей передали аккуратно собранные вывески ВСЕХ её напечатанных в Москве статей. Отец собирал их все эти годы.

И тогда Светлана Александровна решила: ЕДЕМ.

Скандал на работе был страшный, настоящая битва, в которой она выстояла одна против всех, кто искренне или из корыстных побуждений не хоте отпускать её с работы. В конце концов расчёт ей дали, хотя с тех пор иначе как "безумная Светка" не упоминали. Позади осталась беготня, хлопоты с продажами и покупками, с досрочными экзаменами для Данилы и досрочными мелкими и крупными делами, встающими на пути любой другой мигрирующей семьи.

Серёгины ехали на малую родину — в Горенск-Колодезный, Воронежская область.

ГЛАВА 3

Ольховая имела только одну сторону. Второй её стороной была аллея, давшая улице своё название. Аллея, в свою очередь, росла по берегу спокойной речки с желтоватой водой; над речкой серел простой железный мостик.

Почти половины самой улицы не было тоже. На её месте громоздились серо-пыльные развалины. В одном из дворов Данила заметил беседку, увитую хмелём — беседка сохранилась, а самого дома не было.

— Это террористы взорвали? — спросила с заднего сиденья машины до сих пор настороженно молчавшая Люська.

— Нет, конечно, — успокаивающе ответила Светлана Александровна. — Тут будут

строить дома для семей офицеров, которых выводят откуда-то с юга, вот и снесли старые здания. Надеюсь, наш дом пощадили.

Но развалины всё равно производили гнетущее впечатление. Скрашивало лишь общую неприглядность то, что во многих местах среди них возились люди, урчала и взрывала техника, и уже поднимались кое-где фундаменты новых зданий. Строили тоже военные, машины помечали знаки строительных войск, тех самых стройбатов, которые все так клянут и которыми пугаю призывников.

— Тут есть гарнизон? — поинтересовался Данила. Светлана Александровна кивнула:

— Пограничники — рядом украинская граница.

Мимо проплыли одни развалины — обтянутые жёлтой лентой с чёрной записью МИНЫ. Несколько человек в скафандроподобных рыли среди руин с миноискателями и щупами, протыкая их острыми штырями щебень и землю. На обочине лежали... мины. Кучками, словно стройматериал. На одной из кучек сидел офицер с блокнотом. На другой — тоже, только вместо блокнота у него был бутерброд с колбасой. Двое солдат с автоматами за плечами, ленивые и раскисшие от жары, гоняли от ограждения стайку мальчишек несознательного возраста, тщетно пытавшуюся скрыть свой эгоистичный интерес к сложенным на обочине предметам.

— Господи, — вздохнула Светлана Александровна, — ну и соседство!..

...Война прошла через Горенск-Колодезный дважды. В июле 1942 года войска 4-й

9.

танковой армии вермахта, преследуя отступавшие на Сталинград части нашего Юго-Западного фронта, оккупировали город. Но захватчики пробыли в нём недолго. Уже в декабре того же года 1-я Гвардейская армия генерала Кузнецова с ходу освободила Горенск — Колодезный, выбив из него итальянцев, которым генерал Паулюс доверил прикрывать флаги своей армии при наступлении на Сталинград. Союзнички немцев воевать не умели и не хотели — они просто драпали от гвардейцев, оставив город почти неразрушенным.

Но за короткий период войны в Горенске-Колодезном осталось немало подарков, подобных тем, что лежали на обочине дороги. К счастью, большинство из них были заскладированы и не представляли такой опасности, как безо всякого порядка разбросанные боеприпасы или установленные по давно уничтоженным планам минные поля. Но всё равно — приятно мало. Хотя местные жители научились к смертоносным сюрпризам философски — почти как жители далёкого молдавского села в старинном смешном и непонятном фильме "Трембита", где на мины ставили корыта и вешали их для баланса на колодезные подъемники — "журавли".

Однако, для приезжих это было немалым испытанием. Обнаружить в саду дома, куда приехал отдыхать на лето, полутонную авиабомбу, которую хозяева используют как стояк для навеса — согласитесь, это немного нервирует.

...Ольховая оказалась длинной, и вскоре пошли вполне обычные дома, которые можно встретить и на окраинах Москвы. Возле них встречались такие же обычные люди. Почти каждый дом не выходил окнами прямо на улицу, а стоял в глубине солидного участка, прикрываясь весёлой майской зеленью кустов и деревьев. Из-за калиток наблюдали за проезжающей машиной философского вида здоровенные собаки, которых Люська провожала скучающим взглядом.

N207 был вполне обычным двухэтажным домом за железной, в петлях хмеля, оградой, окружавшей подзапущенный сад, через который вела узкая дорожка из серых плит ракушечника. Ставни дома закрыты, зелёная краска на них местами облупилась. "Он спит, — неожиданно подумал Данила, — и ждёт, наверное, кто придёт к нему...а может ему снится прежний хозяин?"

BMW с прицеплённым к нему грузовым трейлером остановился, и Светлана Александровна, положив руки на руль, смотрела на дом. Данила увидел, что на ресницах матери поблёскивают крошечные капельки. Почувствовав взгляд сына, женщина улыбнулась

ему и тихо сказала:

— Шестнадцать лет... Надеюсь, мы покажемся ему не хуже отца.

— Мальчишка понял, что мать думала о том же, о чём и он.

— Он же должен тебя помнить серьёзно, — и ободряюще ответил Данила и вылез наружу, сказав: — Я открою ворота.

Он потянулся, осматриваясь. В калитку, как видно, ещё входили, а вот въездные ворота заплёл всё тот же хмель. Данила вошёл во внутрь и огляделся. Изнутри сад казался ещё более запущенным и диким. В нём царил зелёный молчаливый сумрак, чем-то похожий на сумрак морских глубин.

Даниле стало не по себе. Возникло ощущение, что из за кустов и деревьев за ним наблюдают не то что недобрые, а оценивающие — вот правильное слово! — глаза. Мальчишка поспешил к воротам и, кулаком подняв засов, распахнул их сильным рывком, обрывая плети хмеля.

...Дом оказался большим. Не только КАЗАЛСЯ, но и ОКАЗАЛСЯ. Когда Данила распахивал ставни, закреплённые железными штифтами, насквозь проходившими через стены, оторвавшийся карниз "приласкал" его по голове.

— Вот блин, — проворчал он, одной рукой потирая ушибленное место, а другой

10.

прилаживая карниз в прежнее положение, — работа сама на голову упала...

На первом этаже — прихожая с лестницей наверх и вниз, в подвал, заваленный разным барахлом и холодный, как Арктика. Из прихожей двери вели на кухню, в столовую, совмещённые ванную и туалет с общей газовой колонкой (Данила долго не мог понять, что это такое), чулан и зал, который был один размером чуть не с весь первый этаж московской квартиры. На втором этаже оказались четыре(!) спальни и кабинет деда, сплошь заставленный книжными полками, на которых в ряд выстроились строгие, тёмных цветов издания полных собраний сочинений (по прежним временам — большая "подписная" редкость, Данила это знал!), подшивки "Красного Маяка" и сотни других самых разных книг, газетных и журнальных подшивок. У Серёгиных тоже было не мало книг, но всё-таки не столько и не таких. Стоял тут довольно новый компьютер со всем обеспечением (и подключенный к Интернету через местную телефонную станцию!). А на одной из стен висели фотографии — много-много. Там были дед и бабушка, ещё какие — то люди и места, и Люська звонко рассмеялась, когда мама показала ей на снимке выпучившую от сосредоточенности глаза маленькую девочку в белом платье, с большими бантами и сказала: "Это я".

— А где военные фотографии? — поинтересовался Данила. — Дед ведь воевал.

— Он никогда не рассказывал про войну, — покачала головой мама. — А снимки есть — в альбомах где-то. Потом найдёшь.

Одно напоминание о войне в кабинете все-таки было. Над столом в стеклянной коробочке висела медаль "За отвагу". Данила её узнал — на серо-синей ленточке, потёртой и порванной, с вытершимися красными буквами, танками и самолётами. Только на этой медали была ещё красная звезда — тоже облупившаяся. Такой звезды не было на виденной Данилой раньше "За отвагу" — у одного из журналистов маминого отдела, воевавшего в Первую Чеченскую.

— Только одна? — спросил Данила. Светлана Александровна грустно улыбнулась:

— Дурачок... Остальные папа... ну, дедушка... не доставал. А эта висела, сколько себя помню... Ну, хватит, пошли разбирать вещи.

На чердаке дед оборудовал мастерскую. За домом стояли сарай, гараж и располагался заросший огород с неработающей системой полива.

Почти вся мебель была на местах. От этого возникало ощущение, что приехал в гости. Серёгины привезли с собой немного вещей, и они мало подходили к дому — современного стиля, лёгкие, плавных очертаний, броских цветов, эти вещи, как и хозяева их, казались

чужаками среди строгих, сумрачных, прямоугольных старожилов.

Странно было пользоваться множеством чужих вещей. Казалось, что они прямо в руках оживают после долгого сна...

...Был уже первый час ночи, когда Данила перестал таскать вещи. Мама и сестрёнка спали уже давно, часа два, а он всё сновал между трейлером и домом, то по комнатам, придерживаясь хорошего правила: вещи нужно ставить по местам СРАЗУ, а не загромождать ими коридоры и прихожие — мол, "потом расставим", потому что это "потом" превращается в недели, а то и в месяцы, в течении которых бывает невозможно найти самое необходимое.

Сбросив кроссовки, Данила уселся на диван и включил телевизор пультом. Попал на новости ОРТ, последний выпуск. На Ближнем Востоке шли бои израильтян с арабами. Папа Римский к чему-то призывал людей мира, хотя совершенно непонятно было, как выполнить его призывы, если обиды, из-за которых вцепились друг другу в глотки в разных точках планеты, чуть ли не древнее христианства.

Данила пощёлкал пультом. Телевизор принимал ОРТ, НТВ, TV6, "КУЛЬТУРУ" и местный канал "БРИЛЛИАНТ". Ничего интересного не встречалось, мальчишка выключил телевизор и подумал, что здорово — из вещей ничего не попортилось по время перевозки машины и прицепа по жездэ. Потом подумалось, что завтра мама пойдёт на работу в СВОЮ газету. И ещё — что он сын владелицы городской газеты. Звучало солидно — в Москве о себе такого Данила сказать не мог, слова льстили его самолюбию. Снова пришла старая мысль — неплохо было бы стать журналистом. В этой профессии Данила понимал и умел, считая, что лишних профессий не бывает. Но к этой его скорее тянуло по привычке, а если честно — Данила не знал, кем он станет. Его мечты были смутными и неопределёнными, но работа, конечно же, должна была быть интересной и любимой. А значит, такой она и будет.

"Но кем же стать? — сонно думал он, разглядывая серый экран телевизора. — Люська, например, хочет стать королевой. Стать, что ли, братом королевы? Непыльно, но и неинтересно... Ещё будет время подумать..."

Занятия в школе должны были идти целую неделю, потом — выпускные экзамены... заранее сдав их Данила растянул себе каникулы, но сейчас сомневался правильно ли поступил — лучше бы сразу встретиться со своими будущими друзьями... ну и врагами. Да и понять, что тут за школа. И сколько их тут — населения-то около тридцати тысяч. Мама сказала, что после школы можно будет поступить в Воронежский Университет и пояснила, что после московских и петербургских ВУЗов он считался лучшим в стране, она и сама его окончила.

Надо бы завтра посмотреть город, подумал Данила. И ещё подумал, что очень насыщенным получился день. Мысль была взрослой, Данила подумал её — и успел ещё осознать, что спит, прежде чем заснул по-настоящему.

ГЛАВА 4.

Данила проснулся от писка Люськи наверху — она требовала, чтоб ей подали мюсли с молоком. Послышался голос Светланы Александровны, её шаги по верхнему этажу. Данила, сцепив пальцы на затылке, тихо застонал и пошевелил ногами, пытаясь размять их. Насчёт мюслей он был уверен, что их нет. Но, кажется, были чёрствые бутерброды... Свесившись с дивана, мальчишка начал лихорадочно нашаривать кроссовки. Не миновать бежать в магазин... а где он?.. и сколько времени?.. Он посмотрел на часы — семь! И попробуй отказаться. Люська и так в полном возмущении, что Даниле можно не ходить в школу, а её — приходится.

Светлана Александровна, одетая в халат китайского шёлка, появилась в дверях. Данила окаменел, держа в руке кроссовки.

— Уже проснулся? — осведомилась женщина, не обратив ни малейшего внимания на странный вид сына и вообще выглядя очень озабоченной. — Данила...

— Я иду, иду, ма, — поспешно сказал мальчишка, просовывая ноги в кроссовки. — Ты деньги куда положила?

Светлана Александровна ничего не успела ответить. В дверь позвонили (странно, но именно этот звонок УБЕДИЛ Данилу, что здесь и в самом деле его дом).

— Открой, пожалуйста, — Светлана Александровна поспешно ретировалась наверх, сказав: — Деньги я сейчас принесу.

За дверью стояла улыбающаяся полная женщина в свободном то ли платье, то халате, державшая в руках накрытый миской поднос.

— Здравствуйте, — удивлённо кивнул Данила. — В смысле — доброе утро...я... Мы тут...

— Доброго ранку, — ещё шире улыбнулась женщина. — А я з вечору бачу — у вокнах свит.

Мой мени говорит — доня Александра Даниловича приихав, з ранку поднеси им чого до нового мисту... А ты хтось — вночек Александра Даниловича?

— А... да, — кивнул Данила.

— От то для вас, — женщина без церемоний всучила поднос (снизу он оказался горячим) Даниле. — То от мени. Кулебяка з яйками, да з мясом... Ой, лышенько! Светик!

11.

Она всплеснула руками, и Данила понял, что мама спустилась и стоит рядом, причём её поведение в следующие минуты тоже выглядело необычно. Она воскликнула: "Тётя Фрося!" — и, быстро почти прыгнув вперёд, попала, как маленькая девочка в объятия утренней визитёрши. Предоставив Даниле переминыться с ноги на ногу и менять руки под горячим блюдом, молодая и пожилая женщины обнимались, целовались и даже заливались слезами, чего в отношении своей матери Данила и представить не мог. Тётя Фрося реагировала на встречу бурно и непосредственно. То она вспоминала, как таскала Светлану Александровну на руках и " вона була як криска — розова да спиклява", то разразилась рыданиями, рассказывая о последних минутах деда, что он " як тяжко вмирал, а перед самым-то концом и гуторит: " Ты Хрося, доню позови. Игде Саша?" — но тут же слёзы высыхали, и тётя Фрося заявляла " то добре, що вы приихав до ридного краю — чого вона Москва, тьху!", а потом снова пригорюнивалась и сообщала " младший-то мий у Чечне. Лякаюсь я — вобьют..." Причём мама отвечала ей на том же странном языке, немного похожем на тот, которым ломали свою речь украинские " самостийники" по телевизору. Мама в таких случаях всегда смеялась и говорила, что это не настоящий украинский, а плохая подделка под него. Наконец в последний раз облобызав Светлану Александровну и не успевшего шархануться Данилу, тётя Фрося отбыла домой, пообещав всемерное содействие и защиту перед лицом житейских невзгод.

— Она по-украински говорила? — поинтересовался Данила. Мама, промакая растёкшуюся тушь салфеточкой, отрицательно покачала головой:

— Нет, это суржик. Такая речь в тех местах, где вместе живут русские и украинцы...

Тётя Фрося у моей мамы, твоей бабушки, училась. Надо же, — Светлана Александровна покачала головой, глаза её были блестящими и удивлёнными, — а я её в первый приезд и не навестила... Вот теперь, кажется, мы дома, а, Данила?

— Увидим, — дипломатично ответил сын. — А что такое кулебяка?

— Кулебяка? — удивилась и обрадовалась Светлана Александровна. — Где?!

— Вона тут, — серьёзно отозвался Данила. — Уси пальцы мне сожгла.

— Спалыла, — поправила Светлана Александровна. — И ты молчал?!.

— ...Что ты будешь делать? — поинтересовалась Светлана Александровна. И заметила: — Люська, не сопи, как крот. И не объешься.

— Вкусным не объедаются, — категорично ответила девчонка, оторвавшись от очередного куска кулебяки. — А она вкуснее, чем макдональдс. Или это он?

— Она, — уточнила Светлана Александровна, — и никакой макдональдс с его

полупереваренными котлетами рядом с ней не лежал... Всё равно не сопи. Данила?..

— Буду продолжать расставлять вещи, — мгновенно отреагировал мальчик.

— Скажи ему, чтобы за мной зашёл, — безапелляционно потребовала Люська. — Пусть зайдёт, потому что школа новая и я не найду дорогу обратно.

— Язеду за тобой сама, — пообещала Светлана Александровна, понимая, что требовать этого от Данилы — уже перебор. — Данила, ты не увлекайся, пройдишь по городу, посмотри, как и что.

— Ближе к вечеру, ма, — откликнулся Данила. Благородный ей за то, что она взяла на себя Люську. — Темнота — друг молодёжи, ты же знаешь.

— И пусть он не сидит по столько в ванной, — продолжала качать права Люська, — я читала, что если мальчишка много сидит в ванной — это — говорит об отклонениях.

— Людмила! — возмутилась Светлана Александровна. — Где ты этого нахваталась?!

— Наша воспитательница говорила. Ещё в детском саду, — сообщила Люська.

— Мы вовремя уехали, — подытожила Светлана Александровна.

— ...Некоторые люди заочно изучают по путеводителям не только города, но и целые страны. В результате, был уверен Данила, когда они на самом деле в эти страны попадают, то

12.

теряют половину удовольствия. Или даже больше, потому что главная составляющая удовольствия — встреча с неизвестным.

Конечно, Горенск-Колодезный — не Париж и не Лондон. Он лучше, потому что в первом не протолкнёшься от туристов и придурков, вечером на улицу вообще не выйти — а во втором так мрачно, что к концу первого же дня пребывания выть хочется. И темноты Данила дожидаться не стал, хотя отправился гулять вечером — просто куда глаза глядят и ноги идут. Через большой пустынный базар, на котором деловито шуршали мётлами уборщицы и бегали откормленные собаки, он вышел на сперва на улицу, полную работающих магазинов и магазинчиков. Улица казалась пустынной. Впрочем, Данила понял уже, что теперь ему долго будут казаться немногочисленными даже переполненные по здешним понятиям места — после московской толчеи и суеты в любом месте и в любое время дня и ночи. Тут люди не составляли неотъемлемой части пейзажа.

Ради интереса он посмотрел цены в магазинах. Привозных продуктов почти не было, и Данила поразился дешевизне еды — она оказалась вдвое дешевле московской! Зато вещи, бытовая техника, косметика — стоили почти вдвое дороже. А оформление магазинов выглядело не хуже столичного.

Два кривых, переходящих друг в друга переулков, где гоняли мяч ребята по младше Данилы, заросли вишней и теми самыми абрикосами. Переулки эти вывели мальчишку на широкую лестницу, одновременно являвшуюся улицей. Лестница опускалась к причалу, заставленную лодками, но вид жёлтой сонной воды вызвал у Данилы брезгливую скуку и, повернув в ещё один переулок (на одной его стороне дома были двух-, а на другой — трёхэтажные, причём крыши оказались вровень!), он неожиданно для себя оказался в районе тех самых строительных развалин, только с другой стороны, кажется.

Вдали ещё рокотала техника, но шум её казался отдалённым. К груде кирпича был прислонён древний, проржавевший кусок жести, на котором сохранились следы белил, складывавшиеся в слова: "ОСТОРОЖНО, МИНЫ!" Очевидно, табличка была ещё довоенных времён. Этой угрозой, скорее всего, можно и пренебречь...

Мальчишка постоял у развалин, рассматривая остатки домов. Часть из них ещё смотрела слепыми окнами. Вспоминалась песня из любимого Данилой ДДТ:

Мёртвый город хоронит

Свои голоса.

Потерялись и бродят

Между стен небеса.

Рождество наступило.

В подвале темно.

Сколько душ погубило

Напротив окно...

В щербатом окне слева сверкнул осколок стекла. А если не осколок, а снайперский прицел?.. Данила пригнулся, перебежал к развалинам, но треснулся коленкой в торчащий угол и зашипев, запрыгал на одной ноге, потом сощурился на тот же блеск и улыбнулся — улыбнулся своей игре, пытаюсь быть взрослым. Но играть не перестал — потрусил по улице дальше, внимательно оглядываясь и перебега от укрытия к укрытию...

Именно благодаря этой своей игре он и смог остаться незамеченным до самого последнего момента. Он углядел возле осыпавшейся стены настоящий (хотя неузнаваемо ржавый!) немецкий пулемёт с откинутыми и навечно приржавевшими сошками. Поставил его на осыпь, прицелился по стволу... И сообразил вдруг, что у него на достаточно целой мушке — настоящая мишень.

Заигрался, что ли? Данила подался в сторону, выпустил пулемёт, чтобы посмотреть, кто

13.

там, в развалинах. И увидел следующее

Там разговаривали трое мальчишек. Двое — примерно ровесники Данилы, а третий лет двенадцати. Точнее разговаривал именно младший и один из старших — тощий, длинный, в джинсах, белой майке и высоких кроссовках. Второй — бритый наголо, в зеркальных очках, кислотно-розовых бриджах, чёрной тишотке и высоких ботинках из ярко-алой кожи — пританцовывал рядом, держа на плече бумбокс, от которого шли проводки наушников.

О чём они говорили — слышно не было, разве что тощий бурно жестикулировал, напомнив Даниле обезьян в Московском зоопарке разболтанными, вихлястыми движениями всего тела. Вот младший мальчишка что-то протянул тощему — тот присмотрелся и взял какой-то пакет. Развернул — теперь Данила услышал его возмущённый голос:

— Еще раз такое принесёшь — и я этим пакетом дам тебе по морде!.. А, чего другого раза ждать!

Он ударил младшего по лицу, — но не пакетом, а раскрытой ладонью, несильно, но голова у того мотнулась. Бритый засмеялся, а тощий милостиво сказал:

— Ладно, на, держи. Высший сорт. Но уговор — следующую партию поделишь с кем из одноклассников, понял?

Мальчишка ответил неразборчиво, но поспешно схватил протянутый тощим белый пакетик. Надорвал, уронил, быстро нагнулся, схватил пакетик — Данила видел, как трясутся у него руки. Старшие оба засмеялись — весело, издевательски. Мальчишка не обращал внимания — он сыпал что-то на тыльную сторону ладони.

Данила втянул воздух сквозь зубы. И, поднявшись с корточек уверенно вышел из-за развалин.

Пушеры — а Данила был уверен, что это именно они продавцы наркоты — заметили его сразу. Точнее, заметил тощий и толкнул бритого, а тот снял очки и они вдвоём уставились на незнакомого мальчишку пустыми взглядами, от чего Даниле пришлось сделать над собой усилие — ему стало страшно. Но остановиться он не мог.

Потому что город ему понравился.

Он прошёл между мальчишками и, взяв младшего за тонкое, горячее запястье, резко вывернул руку. Потом наступил на пакетик и растёр его подошвой кроссовки. Мальчишка вскинул на Данилу блестящие глаза, губы у него были приоткрытые, с белёсым налётом, на скулах — резкие треугольники румянца, как при высокой температуре.

— Эй остынь, остынь, — без особой обиды, скорее с насмешкой, сказал тощий, вклиниваясь между Данилой и младшим мальчишкой; он оказался одного с Данилой роста. — В чём проблемы? Кокаинчик отличный, настоящий снежок, не какой-нибудь там фуфель, чистенький... Или ты из общества друзей ментов? А, погоди! — тощий хлопнул себя по лбу. — Ты, наверное, тоже хочешь? Оп! — он ловким движением извлёк откуда-то еще один пакетик. — Это не химия там разная, не думай, это природные дары, одна экология! — он подмигнул Даниле и хлопнул его по плечу: — Давай попробуй, это классно, улет!

Всё, что Данила собирался сделать — увести младшего мальчишку. Потому что тошно было смотреть на происходящее. Этих двоих он не боялся, но и драться с ними не собирался, привыкнув за время жизни в Москве, что наркота — зло неистребимое, бороться с ним опасно и глупо, можно только втянуться самому и не дать втянуться тем, кто тебе симпатичен.

Но этот хлопок по плечу!.. Данила опомнился только в тот момент, когда его ладонь — не кулак, а ладонь — размашистым шлепком выбила пакетик из рук тощего.

— Ах ты!.. — взвизгнул тот перекосив лицо. — Ну сейчас!..

Он сунул руку в карман джинсов. И Данила уложил его — хуком в челюсть. Пушер опрокинулся на спину, разбросав руки, пружинный нож вылетел из кулака и брякнул о камни. Второй — с бумбоксом — отскочил, рот у него открылся, очки выпали из пальцев, глаза —

14.

Тупые — сделались злыми и испуганными.

— Не суйся, — коротко и спокойно предупредил его Данила. Бритый часто закивал, но тут же осклабился. Данила инстинктивно обернулся — по улице бежали ещё двое, размахивая обрезками велоцепей: здоровенный блондин и цыганистый парень в жилетке на голое тело. Бритый поставил бумбокс и достал из кармана пружинный нож.

— А! — он выметнул в сторону Данилы кулак, из которого выпрыгнуло лезвие.

— Осторожно... он боксёр... — размазывая кровь по лицу и не спеша вставать, прогундосил тощий.

— Тебя где закопать, ка-аз-зёл? — спросил бритый. — Здесь? — нырок ножом влево. — Или здесь — нырок ножом вправо. — Тут ещё долго разгребать будут, а пока над тобой крыски поработают...

Данила ждал, подняв кулаки. Какого чёрта он оставил пистолет?! Купил оружие, называется... Ни разу в жизни ему не приходилось драться за то, чтобы остаться в живых. Это было настолько непривычно, что он даже не испугался, только подумал: а сможет ли он справиться с тремя?.. Нет, с четырьмя, эта сволочь тоже поднялась на ноги...

Побежавшие разошлись влево-вправо, со свистом раскручивая велоцепи. Данила потерял драгоценное время, ему не хватало опыта уличных драк: надо было ударом ноги добить получившего нокдаун тощего ещё до того, как он поднялся, а потом сразу напасть на этого, с ножом — с ним Данила вполне смог бы справиться, пока под бегут те двое...

— Ты зря в это влез, брат, — бритый сплюнул.

— Поищи себе брата... — и Данила означил район поисков с точностью до миллиметра.

Ну почему он не взял пистолет?! Мальчишка не представлял себе, как стал бы стрелять, но был уверен, что эти подонки тогда просто не осмелились бы напасть.

Теперь он не жалел, что ввязался. Наоборот — в нём начала разгораться злость, особенно после ненавистного "брата". И вообще — город ему понравился, а кто такие эти

бакланы, чтобы портить ему настроение и торговать тут разной дрянью?!

Первым бросился на Данилу именно этот, с ножом. Бритый. Ни черта он не понимал, хоть и брился "под Тайсона". Целил ножом в пах, и Данила, двинувшись навстречу удару, пропустил нож у бедра, а сам врезал дважды — хук левой в скулу и прямой правой в солнечное. Бритый лег на месте не пикнув, но спину Данилы вдруг рассекла жгучая, выбившая из глаз боль. Он не понял, что это такое, сразу оказался на колене, получил пинок в плечо и опрокинулся на бок. "Быстро — встать!" — мелькнула трезвая мысль, но тело отказалась повиноваться приказам мозга — боль в спине вспыхнула снова.

— Мочи-и-и!!! — радостно завизжал тощий. Данила увидел размытый, сероватый диск вращающейся в кулаке приближающегося блондина цепи — и, закрыв лицо скрещенными руками, подтянул колени к животу.

А дальше было совсем всё не так, как должно произойти — и вполне закономерно по мнению Данилы, который по-прежнему не верил, что его могут убить.

Он даже не понял, откуда взялись спасатели. Не понял, сколько их так быстро они двигались — всё тем же боксёрским скользящим шагом, только стремительней, чем Данила.

Один из атаковавших поймал крутящуюся в руке блондина цепь — рукой поймал! А дальше... цепь захлестнула шею блондина, потом его грудь почему-то ребром подалась вперёд, словно выпертая изнутри — и он повалился лицом на щебень, не успев даже вскрикнуть. Цыганистый бросился было на помощь, но...

— Хха! — голова его мотнулась от удара ногой. — Хха! — рука с цепью жутковато выгнулась в неправильную сторону, цепь улетела в развалины. — Хха! — он сломался от удара кулаком в печень. — Хха! — удар ногой в затылок свалил его в щебень рядом с блондином.

Тощий снова лежал — завывая, как сирена и разбросав ноги. Вот теперь Данила смог

15.

разглядеть своих спасителей...

— Все? — спросил тот, что свалил двоих с цепями: темноволосый, невысокий, крепкий парнишка с яркими синими глазами, одетый в джинсовые шорты, кроссовки и пятнистую майку, рельефно обтягивающую впечатляющую мускулатуру. Парнишка всё ещё подпрыгивал на месте с поднятыми в стойке кулаками.

— Да, — отозвался второй, — их и было всего двое. Этот, как сам Данила, оказался в безрукавке, джинсах и высоких кроссовках — выше своего товарища, но тоньше, белокрысый и темноволосый. И тому и другому было лет по 13–15. — это белокрысый тощему, и тот, икнув замолчал.

— Что для нас один на десять — равный бой, — как стихи прочитал темноволосый, перестав подпрыгивать и повернулся к Даниле. — Давай, вставай.

— Вы кто такие? — поинтересовался Данила, найдя в себе силы подняться — по спине текло, он это чувствовал.

— Вообще-то это мы должны спрашивать, кто ты такой, — беззлобно ответил белокрысый. — Итак?

Данила ещё не понял, с кем имеет дело. Не исключено было, что это конкурирующая группировка, и он безо всякого почтения ответил:

— А я эту территорию контролирую.

— Да? — удивился белокрысый. — Минуточку, а мы тогда кто?

— Олег, по-моему он хамит, — печально высказал свою точку зрения темноволосый. — Цэ ж москаль. А москали Россию Сатане продалы, тэ ж уси бачилы. Що ты ты за одын, хлопче? — снова обратился он к Даниле. — Белокрысый Олег, всё так же улыбаясь, весело сказал:

— Ладно тебе, Сашко, ты же видишь, парень приезжий... Мы, незнакомец, те, кому по ночам не спится, — обратился он к Даниле. — Ну а имена наши ты уже слышал. Теперь назовёшься?

— Данила, — буркнул мальчишка. Белобрысый прищурился:
— Дэн, что ли?
— Данила, — ошетинился Данила. Сашко уже нормально спросил:
— Как в "Брате-2"? Смотрел?
— Смотрел, — кивнул Данила. — Ага, как там.
Он втайне гордился сходством своего имени с именем главного героя.
— Ну-ка повернись, — Сашко бесцеремонно развернул Данилу спиной и присвистнул, что в развалинах откликнулось эхо. — Ну тебя и полоснули! Надо шить, ты знаешь?
— Поговори с ним, Сашко, — сказал белобрысый Олег. Данила повернулся — боль вновь стекла вдоль спины. Олег держал за плечи мальчишку, про которого совсем забыл — тот смотрел себе под ноги и прерывисто дышал.
— Сейчас, — Сашко пожал плечами. — погоди, мы решим как быть.
Он отошёл с этими загадочными словами. Данила попытался дотянуться до спины, но Олег удержал его — неожиданно сильно:
— Не трогай, ты что. У тебя рана, как от сабельного удара, цепи-то со свинцом! Хорошо, что по башке не врезали, ты бы сразу с катушек... А дерешься ты хорошо, только с ними — не на ринге. Скажи, — Олег прищурился, — ты полез потому, что видел, как они сбывают наркоту?
— Да, — кивнул Данила. — Не люблю эту дрянь.
— Мы тоже, — кивнул Олег, — но кое-кто покупает, эти пользуются.
— А они кто? — поинтересовался Данила. Олег вздохнул:
— Уфф... Они шестёрки мафиозные, сами местные, а работают на ростовские группировки. Есть и приезжие, и цыгане. Набегают временами, оборону шупают.
— А вы, значит на местных работаете? — Уточнил Данила. Олег удивлённо посмотрел на

16.
него, потом немного обиженно спросил.
— Ты что же решил, что мы мафия какая?
— А, что нет? — с иронией спросил Данила. — сферы влияния делите.
Олег хотел, кажется обидеться, а потом рассмеялся.
— Нет, мы не по той части... Просто шли с тренировки, мы всегда тут срезаем. И, похоже, придется вернуться к нам, подлатать тебя.
— Вы воюете с мафией? — добивался точности Данила. Он замаялся:
— Ну...не то что воюем. Просто не пускаем её в наш город. Мы не одни, не думай. Мы просто помогаем взрослым. Понимаешь я говорю "мы" — а мы — это дети офицеров погранотряда и десантной бригады. Ну и многие местные ребята с нами. А ЭТИ — они не просто мафия с наркотой, — пояснял Олег. — Они ещё хотят, чтобы мы тут друг другу горло поперегрызли, как уже бывало. Чтобы я обходил Сашку стороной, потому что он украинец, "хохол", Сашко ненавидел тебя, потому что ты русский, "москаль", а ты набил мне морду за то, что я немец, "фриц".
— Ты немец?! — удивился Данила.
— Олег Кройц, — представился полностью Олег. — У нас тут кого только нет. Вот они и хотят, чтобы мы по своим норкам разбежались. Теми, кто так живёт, легко управлять, а запугать таких вообще ничего не стоит.
— И не страшно вам ввязываться в мафиозные дела? — ещё на до конца, спросил Данила. Олег помотал головой:
— Это страшно, если по одному. А когда все вместе, то они сами боятся. Они же там все трусы. Молодцы против овец. Вот и в наш город почти не суются.
— Он прицелился и, поддав ногой бумбокс, расколотил его о камни. Подошёл Сашко, толкая перед собой мальчишку:
— Его зовут Мишка, он с Привокзальной, — отрекомендовал он младшего, — Возьмём

с собой. Он только травку пробовал, тяжёлыми вообще не пользовался, а кокаин хотел первый раз.

— Врёт, — прищуриваясь определил Олег. Мишка сипло сказал:

— Не, правда... Батка напился, я из дома срулил. А тут они. Я им и раньше разные вещи на травку менял.

— Дурак, — беззлобно сказал Сашко и отвесил мальчишке подзатыльник. Тот опустил голову, не пытаясь огрызнулся или вывернуться из-под руки Сашки.

Олег поставил ногу на плечо тощего, который всё это время злобно зыркал по сторонам.

— Мало вас били? — участливо поинтересовался немец. — Так вот передай — ещё сунетесь со своим добром, мы вас бить перестанем — начнём калечить... Ну, ты идёшь? — это он спросил уже у Данилы. — Тут правда недалеко.

Данила прислушался к своим ощущениям. В принципе, болело не сильно и можно было и домой пойти.

Но ему стало интересно.

ГЛАВА 5.

Развалины они пересекли очень быстро. Сразу за ними было написано снова "ОСТОРОЖНО, МИНЫ!" На этот раз — уже новая надпись, на куске шифера. Олег не обращая на неё внимание, кивнул:

— Нам сюда.

"Сюда" оказались широкие замусоренные ступени какого — то закрытого на висячий замок склада. Выглядел этот склад мрачновато.

— Это чёрный ход, — успокоил Олег, — через старый крытый рынок, он пока на ремонте...

17.

Ключ у тебя?

— Держи, — Сашко передал Олегу длинный ключ. — Шагайте, а я этого поведу через парадное.

— Ты на Сашка не обижайся, — сказал Олег, возясь с замком. — Он придуривается много, а так пацан правильный.

— Да я и не обижаюсь, — Данила с интересом осматривался: они вошли в большой пыльный зал с кафельными стенами и эмалированными прилавками. Сзади стукнула дверь. — А у вас что — спортклуб?

— И "спорт" тоже, — кивнул Олег. — Пошли, вон туда.

Они пересекли зал. За дверью в углу оказался короткий тёмный коридорчик, ступени вниз, ещё один зал — поменьше. У Данилы на миг мелькнула мысль, что всё эта какая — то ловушка, но... Олег толкнул ещё одну дверь и показал рукой:

— Пришли, давай.

За дверью был вестибюль — раздвижная дверь наружу, ни одного окна, пластик на стенках и на полу, на потолке — мощный светильник дневного света, но он не горел. Вестибюль освещался лишь одной лампой — над огромной картой мира на стене напротив входа. Данила обратил внимание на то, что в карту тут и там воткнуты флажки на булавках. Мальчик присмотрелся: на одних, чёрных, горело алое пламя, на других, белых, золотилась восьмиконечная звезда.

— Что это значит? — с интересом спросил Данила, кивая на карту, слева от которой висел белый каплевидный щит со всей той же остроконечной звездой. Выше нее скрещивались топор и меч и алела надпись:

С.П.Ю.К.И.Ф.

"ХОРТ"

— Флажки с пламенем, — места, где в мире идут войны, — пояснил Олег. — А с перуникой — где славяне подвергались гонению и угнетению.

— А что такое "СПЮКИФ ХОРТ"? — поинтересовался Данила. Олег ответил гордо:

— Спортивный патриотический юношеский клуб исторического фехтования "Хорт". Хорт — это охотничья собака... Да пошли, наконец!

Становилось всё интереснее и интереснее. Историческое фехтование Данила видел не только по телевизору, но и на Московских праздниках, где члены самых разных клубов выступали на показательных поединках — было здорово. Поэтому Данила охотно шагнул в гостеприимно распахнутую Олегом дверь в коридор, в конце которого горела лампа. Олег обо что-то споткнулся, чертыхнулся, отодвинув к стене большой мешок. На стенах между дверей, идущих справа и слева в шахматном порядке, угадывались какие-то плакаты, карты, гербы, фотографии. За одной из дверей мальчишеский голос пел под гитару:

— Я в атаку последнюю шёл,
Но судьба изменила герою.
Да к тому ж — оказался тяжёл
Тот снаряд, что упал под горою.

А потом тишина. Тишина.
Не слышать перестука винтовок...
И вползают на грудь ордена,
Давят лапками божьих коровок...

И теперь больше не тяжело,
И предсмертные слёзы просохли,
Да к тому ж — умереть повезло,
Те, кто выжил — в плену передохли...

— Все еще здесь? — пробормотал Олег о чем-то своём. — Пошли, пошли, Данила.

Последняя дверь слева открылась — в коридор вышел рослый человек в хорошем костюме, с узким лицом, словно выдубленным ветром и зноем. Олег встал по стойке "смирно", пропуская мужчину и вскинув к виску правый кулак. Проходя мимо, тот ответил

18.

таким же салютом.

— Астафьев, Николай Палыч, — тихо сказал Олег, — наш спонсор... Бывший афганец, жутко богатый, но хороший. У него Звезда Героя, а он возится с нами, — Олег подтолкнул Данилу дальше, к светлому параллельному коридору.

Этот коридор оказался меньше, с одной дверью в торце. А в другом торце, в тупике, под лампой около знамени стоял часовой.

Знамя было тяжелое, на стянутом металлическими кольцами древке, с навершием виде двуглавого орла и рисунком, повторяющим рисунок на щите в вестибюле, только в левом верхнем углу был небольшой, в четверть полотнища, государственный флаг России.

Стоявшему на карауле мальчишке было лет тринадцать. Высоко подняв подбородок и глядя прямо перед собой, он держал руки на рукояти длинного меча без ножен, упирающегося между ног острым концом. Светло-зеленую куртку с отложным воротником и четырьмя накладными карманами (френч называется, вспомнил Данила) перетягивали поясной и два поясных коричневых ремня, одного с курткой цвета штаны оканчивались над самыми кроссовками, на голове сидел лихо заломленный светло-зеленый берет с кокардой, тоже повторявший эмблему клуба. На плечах френча чернели погоны — с красной продольной полосой, на которой золотился ромб. Ни на Данилу, ни на Олега мальчишка внимания не обращал.

Обе стены тупика — по сторонам от знаменного поста — занимали два больших плаката. На чёрном фоне золотыми буквами.

Слева Данила прочёл стилизованные под кириллицу слова:

ДВЕНАДЦАТЬ ЗАПОВЕДЕЙ ВОИНА:

1. Помни, что достойная смерть лучше недостойной жизни.
2. Бесстрашно смотри в глаза любому врагу, человек он или животное.
3. Когда видишь, что целятся в друга, подставь под пулю своё сердце.
4. Не основывай свободу на чужом рабстве.
5. Рви с прошлым, если это надо для будущего.
6. При любых обстоятельствах стой прямо.
7. Не упорствуй в своих ошибках.
8. Отстаивай истину, если даже ради неё придётся бороться со всем миром.
9. Верь в человечество, даже если разочаровался в отдельных людях.
10. Ставь общее выше личного.
11. Береги от мозолей руки, но не бойся мозолей на руках.
12. Люби блеск звёзд больше, чем золота.

А справа тем же шрифтом шла другая надпись:

ГИМН С.П.Ю.К.И.Ф. "ХОРТ":

Курганами славы покрыта родная равнина:
И Днепр, и Морава, и Висла, и Волга-река...
Ты лжёшь, чужеземец, что медленна кровь славянина,
Что в грозные годы душа славянина робка!
От нас убегали монгольские орды Мамая,
Солдат Бонапарта мы в наших снегах погребли,
На полчища Гитлера кованный меч поднимая
Мы грудью закрыли просторы славянской земли!
От Дона и Вислы до Савы, Моравы и Дравы
Коврами цветов мы над пеплом покроем луга.
Могилы славян вознесутся курганами славы —
И пахаря плуг разровняет могилы врага!

19.

— В сторону! — Олег отеснил Данилу к стене и снова отдал салют. Из коридора вышел мальчишка помладше стоящего в карауле, но одетый так же. Его рука взметнулась к виску:

— Будь готов!

— Всегда готов! — отчеканил часовой. Сменщик положил руку на рукоять меча:

— Служу России!

— Служу России! — отрубил часовой, и они в несколько отточенных движений поменялись местами.

— Пошли, шепнул Олег, тут рядом.

За второй дверью оказался спортзал — большущий, хорошо обставленный тренажерами и с несколькими дверями. Но, прежде чем войти туда, Данила обернулся на часового у знамени.

Высоко подняв подбородок и глядя прямо перед собой, тот держал руки на рукояти длинного, льдисто сверкавшего меча без ножен...

...Двое мальчишек младше Данилы и Олега — босиком, в подвёрнутых спортивных штанах, — мыли в зале пол. Старательно и не обращая на вошедших никого внимания. Олег потянул Данилу к одной из дверей, но гость застыл, широко раскрыв глаза.

Он был поражён. Поднималось в Даниле восхищение, смешанное с завистью к тем, кто

может бывать тут каждый день.

На стенах висели схемы и диаграммы, касавшиеся успехов в спортивных состязаниях — это было понятно. Но над двумя обитыми металлом дверями на плакате Георгий Победоносец поражал не змея, а дьявола, по низу плаката шла надпись:

ХОЧЕШЬ МИРА — ИДИ ВОЕВАТЬ!

Справа от входа — ещё один плакат: мальчишка — турист на фоне красной гранитной скалы опирается на посох, ногу выставил вперёд — и отбрасывает на камень две тени: современного солдата, опирающегося на автомат и древнего воина, опирающегося на копье. В верхнем правом углу буквы цвета русского флага гласили: "От славного прошлого — великому будущему!" Слева — третий плакат: двойной ряд воинов, сдвинутых щиты, склонивших копья; на месте одного щита — черная брешь, а в ней — надпись: "Займи своё место в строю!"

Плакаты были яркие и красивые, хотя явно самодельные. Но не они привлекли внимание Данилы и восхитили его. На свободном месте стен — а его было немало — в два ряда, опоясывая весь зал броневым поясом, висели доспехи и оружие: щиты, шлемы, кольчуги, панцири, мечи, луки, топоры, копья и масса других вещей, название которых Данила не знал, но которые одинаково привлекали сумрачной, совершенной красотой.

— Это всё... настоящее?! — вырвалось у Данилы.

— У нас не коллекция "нового русского", наставительно сказал Олег, — конечно настоящее.

— Почему так много? — Данила озирался, пожирая оружие глазами.

— У каждого свой комплект, — буднично пояснил Олег.

— И твоё здесь?! — почти завопил Данила.

— Вот они, мои... Хочешь ближе посмотреть?

— Зачем себя травить? — печально ответил Данила. — Пошли в ваш медпункт, накапаешь мне валерьянки.

В зал вошёл Сашко.

— Тимур сейчас будет, — сообщил он.

— Он что, тоже здесь? — удивился Олег.

— Сидели, рюкзаки штопали, — ответил украинец, и они с Олегом захохотали, что-то вспомнив, а Данила ощутил себя обидно чужим. — Доспехами любуешься? — спросил Сашко.

— Вон и мои...

20.

— Куда наркошу дел? — прервал его Олег.

— Его Мишка зовут, — ответил Сашко. По буквам Милошевич, Йошка Фишер без "и краткое", Ширак, Клинтон, Ампилов.

— Куда ты Милошевича в эту компанию впихнул? — хмыкнул Олег.

— Звиняй, — развёл руками Сашко, — больше ничего в голову не пришло. А Мишку я там оставил, с ребятами. Тимур сказал.

— Нас иногда знаешь, как зовут? — Олег показал на дверь справа и пошёл первым, объясняя через плечо: — Тимур и его "командос", вот как. Читал "Тимур и его команда"?

— Нет, — признался Данила.

— Они там, в Москве, недоразвитые, — сочувственно заметил Сашко.

— Я кино смотрел! — возмутился Данила. Сашко кивнул:

— Я ж говорю — недоразвитые.

— Короче — зовут так, — повторил Олег. — Мы не против. Тимур — это наш руководитель, тренер, ну и всё такое... Тимур, а фамилия — Лей, он, кстати, тоже немец.

За дверью оказался хорошо обставленный медпункт. При виде сверкающих инструментов в стерильных шкафах, кушеток, покрытых холодильными даже на вид

клеёнками и глазастых ламп на гофрированных шеях-стоянках Даниле стало не по себе. Он поспешно опустил на одну из кушеток и уже сидя начал снимать рубашку.

— Это рубище можно выкидывать, — констатировал Олег. Сашко, вымыв руки, ловко заправлял в кривую иглу нитку и готовил пинцет, перекинь и биоклей БФ6.

— Вы что, сами мне шить будите? — как можно равнодушнее поинтересовался Данила.

— Могу и я, — вызвался Сашко. — Знаешь, было...

— Тимур зашьёт, — свирепо посмотрев на друга, ответил Олег. Сашко махнул рукой:

— Як хочете... Что ещё?.. А, вот.

Он достал баллончик "Sports Spray", хорошо знакомый Даниле по футбольным баталиям.

— Куда? — осведомился Олег. — На открытые раны нельзя. Новокаин достань.

— А что за второй дверью? — поинтересовался Олег, чтоб перебить неприятный холодок. — Ну, за металлической?

— Оружейка, — буднично ответил Олег.

Чудеса ещё не кончились.

— Настоящая, — уныло спросил Данила.

— А как же?! — возмутился Сашко. — "Калашниковы", гранаты...

— ...учебные, невозмутимо дополнил Олег. Сашко комично возмутился:

— От так всю дорогу обламывают!

— А ты не трепись, — посоветовал Олег. — Ты, Данила, не думай, что все хохлы такое трепло, как он. Это исключение... Но вообще-то, — продолжал он, — там ещё пентбольных автоматов куча. Играл в пентбол?

— Играл, — кивнул Данила.

— Ну вот... И ещё мелкашки есть, ТОЗ-8, старые, но надёжные, патроны к ним. Газобаллонники: карабины РПШ-В и пистолеты "корнет".

— Богато живёте, — заметил Данила. — Воевать, что ли, собираетесь?

— Да мы не собираемся... — начал Олег, а Сашко закончил:

— ... только с нами почему-то всё время воюют. С чего бы это?

— Готовитесь? — уточнил Данила. Олег кивнул:

— Не без этого.

— А то что получается: у нас сплошная фиеста, а у них — газы, — развёл руками Сашко:

— А-абыдно, панымаешь... О! Тимур!

21.

Данила быстро повернулся к двери. На пороге стоял рослый, плечистый молодой мужчина — лет 25, в спортивном костюме и белых кедах. Загорелый уже, с ёжиком волос латунного цвета и весёлыми голубыми глазами.

— Привет, — Тимур протянул руку: — Так ты и есть Данила, который не любит, чтоб его звали Дэн?

— Ой трепло-о-о... — простонал Олег, морщась и косясь на Сашку. — Ой мальчик-колокольчик...

— Я тоже не люблю, когда меня зовут "Тим", — сообщил Тимур. — Ну-ка, покажись...

— Ого, как тебя!

— По-моему, пора открутить им головы, — воинственно заявил Сашко: скрестив руки, он стоял возле шкафа с инструментами. — Та й казаты, що так воно й було.

— Пусть милиция этим занимается, — возразил Тимур, — а мы их уже учили. Сравни, как было раньше, и как теперь.

— Если их не учить, опять обнаглеют, — буркнул Сашко, оставшись явно при своем воинственном мнении. Тимур взял кусок мыла и направился к умывальнику.

— Ну, сейчас будем шить, — объяснил он. — Потерпишь.

— Это был не вопрос, а приказ.

— ...До дома Данилу вызвался проводить Олег. Конечно, Данила бурно вознегодовал, но его новый знакомый поднял ладонь:

— Всё нормально. И я хочу быть уверен, что и у тебя тоже. Только погоди, сейчас в одно место зайдём.

Он оставил Данилу в коридоре, а сам скрылся за одной из дверей. откуда немедленно послышалось: " Я, между прочим, сто раз говорил, чтоб рюкзаки в коридоре не валялись!" — и ответные неясные оправдания. Данила ещё раз огляделся, повернулся, чтобы рассмотреть стены — и увидел, что стоит прямо под галереей фотографий. Их было несколько десятков, в черных рамках, рядами закреплённых на стенде из планок. Надписи никакой не имелось, только на верху стенда почему-то была закреплена фигура греческого воина, склонившего голову в шлеме с пышным гребнем. На фотографиях же оказались вполне современные военные.

— Смотришь? — спросил Олег, неслышно подойдя сзади.

— Да, — кивнул Данила. Заморозка начала отходить, спину ломило и хотелось домой, но он спросил — было правда интересно: — А кто это? И почему тут грек?

— Не просто грек, а спартанец, — поправил Олег. — Помнишь Фермопильское ущелье?

— Царь Леонид, — правда вспомнил Данила уроки истории в пятом классе. — Да, помню.

— Пусть персов — тьмы, не перечать

Свободна Спарта, значит, честь

Сохранена — ну и к тому ж...

Нас все же триста! — прочёл Олег. — Он с тремя сотнями воинов задержал огромную армию персов. А это — герои другого ущелья. И их было не триста, а девяносто...

...Кончалась зима 1999–2000 годов. Разгромленные ошметки бандитской армии Шамиля Басаева и иорданца Хаттаба разбежались от русских войск после того, как провалилось вторжение в Дагестан, а многие главари были убиты во время бегства из Грозного. Кто спешно уходил в горы, а кто пытался выбраться в соседние государства, где было немало сил, готовых предоставить бандитам "и стол и дом".

— Самая крупная банда — больше двух тысяч наёмников во главе с самим Хаттабом — решила уходить в Грузию через Веденское ущелье. Там, недалеко от Улускерта, на высоте 776.0 незадолго до этого была выставлена в качестве заслона 6-я парашютно-десантная рота 104 полка воздушно-десантных войск — псковские десантники. 90 человек во главе с

22.

командиром роты гвардии майором Сергеем Григорьевичем Молодовым. Их позиции перекрыли ущелье наглухо.

— Конная разведка донесла Хаттабу, что впереди — русские солдаты. Не желая терять время и своих боевиков, иорданец решил " договориться" с десантниками — от них требовалось за большие деньги лишь ненадолго уйти в сторону, пропустить банду и сделать вид, что ничего не было.

И — жить. Иначе...

Но когда разведчики донесли главарю, что в ущелье стоят "голубые береты" — Хаттаб сказал: "Эти не уйдут". И велел начать. Атаку двух тысяч против девяносто человек, у которых только и было стрелковое оружие, да гранатомёты.

Десантники ещё могли уйти, когда с гиком и свистом волна обкутившихся для храбрости анашой бандюг начала накатываться на позиции роты. Но отступить? Сдать позиции? спустить русский флаг? Никому это даже не пришло в голову, хотя приходилось выбирать самым ужасным для человека выбором: жизнь — или смерть.

ЭТО БЫЛО 1 МАРТА 2000 ГОДА.

Бандиты не прошли. Раз за разом атаковали они высоту. Сотни трупов покрыли её

склоны. Бандиты врывались в траншеи — десантники встречали их прикладами, штыками, лопатками и кулаками, выбивая обратно. И — контратаковали в ответ, умножая потери врага.

Но врагов было слишком много. Всё реже и реже слышались крики "ура!" и команды офицеров. Десантники бились уже поодиночке, отрезанные друг от друга, среди тел врагов и павших товарищей.

Последним погиб заместитель командира роты старший лейтенант Воробьёв. Дважды раненый, он лежал в расщелине скалы, враги не заметили его. Офицер мог бы остаться в живых. Бандиты спешили — время было потеряно, подходили подкрепления наших, надо уже уходить, бежать обратно в Чечню, в ловушку, из которой не удалось вырваться. Но вот Воробьёв увидел поднявшегося на высоту в сопровождении двух телохранителей важного боевика. Это был друг и земляк Хаттаба, бандит Идрис.

Очередь из расщелины. Трое бандитов валятся мёртвыми.

В офицера летят гранаты...

Из девяноста защитников высоты уцелело шестеро. И молчит, склонив голову, герой Древней Спарты, отважный царь Леонид...

...Так рассказал Олег. Данила ещё раз пробежал взглядом фотографии, задержался на майоре Молодове. Совсем не героическое, остро-костистое, лицо. Нашёл старшего лейтенанта Воробьёва. Молодой еще, совсем не старше Тимура. И все — офицеры, солдаты — такие обычные. Живые.

Данила вдруг испытал непривычный острый стыд. За то, что он НЕ УЗНАЛ никого, не вспомнил об этом случае годичной давности.

— Пошли, мне домой пора, — неловко попросил он. Олег кивнул и зашагал к выходу.

Всю дорогу они молчали. Олег посвистывал, отмахивая рукой, как на параде. Данила тоже не заводил разговор, хотя очень хотел побольше узнать о клубе. Быстро сгущались сумерки — одиннадцатый час. И только возле дома Олег удивлённо спросил:

— Ты здесь живёшь? А почему? Это же дом Александра Дани...ло...вича... Чёрт!!! Ты его внук?!

— Ну, — кивнул Данила. — Мы с мамой вчера приехали. А ты знал деда?

— Я?! — Олег вытаращился. — Да у нас его все знали, а военные — особенно... Ну... — он тит раз осмотрел дом, словно не узнавая его. — Ну пока.

— Пока, — Данила пожал ему руку и еще какое-то время смотрел, как Олег уходит. У

23.

мальчишки было странное чувство — словно его обманули, пообещав что-то и тут же отобрав.

А ещё ему не хотелось, чтобы Олег уходил. Но это только в книжке, да и то глупой, можно сказать другому мальчишке: "Давай дружить."

В жизни так не бывает.

ГЛАВА 6.

Пятые сутки Данила не мог найти себя. Он почти никуда не выходил и откровенно хандрил, с трудом скрывая это от мамы, чтобы не портить ей настроение — у неё работа началась удачно.

"Лучше бы я пошёл в школу, — хмуро думал Данила, валяясь на кровати. — Мне бы точно не было так паршиво... Но у них там классно!" — он даже в мыслях старался себе не признаваться, что тоскует в основном из-за увиденного в клубе.

Подниматься всё равно было нужно. Ероша волосы и потягиваясь, Данила уселся за стол и, запустив руку в его верхний ящик, достал пистолет. В этом столе — старожиле дома — ящики сантиметров на десять, не меньше, не доходили до задней стенки. Сделано это было специально, или к столу подбирали почему-то новые, случайные, ящики — Данила не

знал, но тайник получился классный, а пистолет удобно вешался скобой на выступающий шуруп. Положив перед собой ТТ, Данила придвинул найденный в библиотеке деда новый справочник "Из чего стреляют в СНГ?" Книжка была полезной — благодаря ей мальчишка узнал, что является обладателем модели ТТ с оружейного завода в Радоме, восьмизарядной, калибра 7,62 (мощные патроны, мощнее 9-миллиметровых к "макарову" и многим другим пистолетам). Его ТТ отличался от базовой советской модели наличием предохранителя, что избавляло от непроизвольного выстрела при падении оружия на твёрдые поверхности — и усиленным зубом защёлки магазина, что, в свою очередь, препятствовало от выпадению его от гнезда в рукояти; этим, по словам справочника страдали советские модели. От китайских ТТ польский выгодно отличался качеством патрона и стали, из которой изготовлялся. Кроме того, по книжке Данила получил представления, как разбирать оружие и ухаживать за ним. Оружейное масло Данила купил на второй день, во время своей короткой вылазки на базар, оказавшийся при свете дне шумным, как московская улица.

Закончив процедуру чистки пистолета (зачем? Он ведь всё равно из него не стрелял!), Данила нехотя занялся утренним туалетом, потом также нехотя оделся и отправился на кухню — поесть. Никогда в жизни ему не было так скучно...

...Машина с визгом промчалась по улице за оградой, когда Данила ловил вилкой последний кусок жареной ветчины (местной, полученной в дар от тётки Фроси и умопомрачительно вкусной). Мальчишка, хотя вскинул голову в окно, ничего не заметил. Небо хмурилось. Оно хмурилось вторые сутки, стояла тёплая тишь — дождя следовало ждать с минуты на минуту.

Он собирался подняться из-за стола и запихнул посуду в раковину, во входную дверь отчаянно заколотили, словно не замечая кнопки звонка. Данила поспешил открыть — И стучавший ввалился в комнату с поднятой рукой, сжатой в кулак.

— Оле-ег?... — удивлённо протянул Данила.

Да, это был Олег Кройц, одетый в форму клуба "Хорт" — но в жутком виде: штаны разорваны на левом колене, по правой щеке словно провели тёркой, глаза — белые, грудь ходит ходуном, берета нет.

— Извини, — выдохнул он, облизывая кровь с губы. — Я вспомнил, что ты тут живёшь... извини... У тебя мопед... или велик... есть?

— Велик, — недоумённо сказал Данила, отступая. Олег увидел телефон на столике и рванулся к нему, крикнув:

24.

— Я позвоню?! Велик, ну скорей же велик!

Наверно, он находился в окончательно обалделом состоянии, потому что не заметил "кит-рэли", настоящего американского "туриста", стоявшего у крыльца — покинуть друга в чужие руки в Москве Данила категорически отказался, и велосипед переехал в Горенск-Колодезный со всеми Серёгиными. Данила сдёрнул с полки у входа ключ и бросился наружу — снимать замок со спиц. Но хорошо слышал, как Олег надсаживался в трубку, словно стараясь без телефона докричаться до собеседника:

— Я!.. Скорее!.. Да!.. Не успел!.. Да, наверное!.. Я там!.. У москвича!.. Нет, некогда!..

Сняв замок, Данила оглянулся через плечо и увидел, что Олег стоит, уткнувшись лбом в стену. Данила прыгнул на крыльцо:

— Что случилось-то?!

Тихо, но зло Олег ответил:

— Тот мальчишка Мишка, которого Сашко подобрал. Он вроде как у нас остался. В милиции кое-что рассказал. А сейчас мы с ним шли — за квартал отсюда. Я отошёл — пепси купить. Вдруг — "десятка", зелёный металлик; по тормозам, дверь открылась, Мишку внутрь — по газам. Я за ними бегом, со всех ног, почти догнал, но споткнулся, полетел, только вот, — он криво улыбнулся, — недалеко, и сел фигово... Но я знаю, где они должны быть! — он оттолкнулся от стенки. — Велик где?

— У крыльца... — Данила задержал дыхание. — Погоди я с тобой.

— Ты? — глаза Олега сделались удивлёнными, и Данила разозлился:

— Я, а что такого?!

— Ничего, — Олег вроде даже смутился, — я ничего... Просто... — он быстро оглянулся на лестницу второго этажа и достал из кармана штанов старый "вальтер". — У тебя же нет... а там, может...

Сердце ухнуло куда-то вниз, словно сорвалось со стопора — как, наверное, у тех десантников, когда они всё оценили за доли секунды и выбрали себе судьбу. "Вот оно, — подумал, замирая, Данила, поняв, что это и правда ОНО и надо действовать, раз уж решил. — А ты решил?" — спросил он себя. Да, можно было пожать плечами и с огорчённым лицом сделать шаг в сторону: а ведь и правда, нет оружия, что ж, удачи тебе, нельзя, так нельзя...

Только вот — ЧТО ПОТОМ?!

— Подожди! — Данила кинулся к лестнице, сопровождаемый недоумённым взглядом Олега. Крикнул, уже прыгая по ступенькам: — Подожди, только не уматывай один — я мухой!

...Он сунул пистолет под рубашку за ремень, пачкая живот маслом. В карман джинсов — запасную обойму, снаряжённую, коробку с патронами... Данила старался двигаться быстро, максимально быстро. Ему становилось страшно, но этот страх не сковывал, а бодрил, словно пробежка по морозцу утром. И куда больше он боялся, что Олег уедет.

Но Олег ждал — ждал у входа. Сбегая по лестнице, Данила вытащил из за пояса ТТ и, демонстративно взведя его, поставил на предохранитель, а потом убрал обратно. Спросил:

— Ты на багажник? Или сам покрутишь?

Олег молчал одну секунду. Не больше. Эту секунду мальчишки смотрели друг другу в глаза. И у каждого было оружие, а впереди — бой. В любом случае — бой. Потому-то эта секунда значила больше, чем иной раз — годы и годы знакомства.

— Покручу, — коротко ответил Олег.

...Дождь всё-таки пошёл. Точнее — полил, тёплый и частый, словно заштриховавший всё вокруг косой линейкой. Тропинка превратилась в красноватое от глины месиво, и Данила мысленно наградил себя медалью за то, что не соблазнился два года назад купить швейцарский горный — хороши бы они тут были; а сейчас большой "рэли" брал самые раскисшие места за счёт инерции. Олег молча крутил педали — перед Данило болталась его

25.

спина.

Они ехали всё время по прямой — выехали из города, проехали какими-то огородами и пилили по тропинке между холмов — пологих и однообразных, как солдатские каски, с мокнущими у подножий рощицами. Казалось, что холмы растут из-под земли. В грязи уже виднелся след одной легковушки — это значило, что "десятка" проехала тут уже после того, как начался дождь.

— Откуда ты знаешь, что они поехали сюда? — уважительно спросил Данила. Олег ему ответил, не оборачиваясь:

— Такие лохи машину не водят. Они вешаются на руль и жмут прямо. Вот мы и едем прямо... Тут! — он соскочил с велосипеда так резко, что Данила едва не плюхнулся в грязь. — Я велик бросаю.

— Бросай, — с искренним безразличием откликнулся Данила, доставая пистолет. Олег достал "вальтер" и спросил:

— Ты из своего когда-нибудь стрелял?

— Нет, — помотал головой Данила.

— А вообще стрелял?

— Угу. И неплохо.

— Если придётся стрелять — меня из клуба вышибут, — Олег сплюнул, по его

длинным волосам вода текла потоками: — И вообще — такой подарочек...

— Кому? — не понял Данила. Олег ответил неопределённо:

— Есть тут... — и оглянулся на дорогу, плохо различимую за дождём. На дороге было пусто. Олег сплюнул снова, будто старался избавиться от мерзкого привкуса: — Пошли, — сказал он, шмыгнув носом.

...Сарай (прочный, из бетонных блоков, но крытый камышом) стоял на склоне холма. Возле его дверей, нелепо накренившись, замерла невеста как туда забравшаяся легковушка. Рядом с ней было пусто, около сарая — тоже никого.

— Дождя испугались, фуфели, — сказал Олег зло. — Ну, сейчас вам война и немцы, — И рассмеялся своей шутке. Данила-то забыл, что Олег и есть немец, да и не до этого было — живот то скручивало резкой болью, то отпускало. Но Олег уже перебежал тропинку и лез вверх по склону. Данила бросился за ним, не сводя с сарая глаз. Он ждал выстрела — всерьёз, и вперёд летел, как на крыльях.

— Олег добежал до сарая первым — как раз в ту секунду, когда изнутри высунул знакомое рыльце тощий парнишка, с которым Данила "познакомился" в развалинах. Сейчас Данила смог лишь фиксировать происходящее — всадив два расставленных "вилкой" пальца под челюсть тощему, Олег выдернул его наружу, словно на рыболовном крючке, приласкал коленом в пах и пинком отправил впереди себя в сарай. Данила добежал как раз когда Олег шагнул внутрь.

В сарае было полутемно, однако происходящее различалось достаточно хорошо. Всё те же Бритый, Блондин и Цыган стояли около привязанного к ржавой бороне — лицо у мальчишки опухло и было перемазано кровью.

— Ну, как там? — спросил не оборачиваясь, Блондин — он держал в руке револьвер.

— Не очень, — огорчил его Олег, поднимая пистолет. Данила тоже прицелился, ощущая непонятную отстранённость от происходящего.

— Олег! — крикнул Мишка, дёрнувшись.

— Тихо, — приказал ему Олег. — Брось наган, урод, и всё — пять шагов влево — НУ?!

Револьвер глухо стукнул о земляной пол, и Данила перевёл дыхание. Нет, стрелять не придётся, если что — и так справимся...

— И тот уже к ним прилип, — сказал Цыган и матерно выругался, глядя на Данилу.

26.

Тот промолчал, но посмотрел Цыгану в глаза, заставив опустить взгляд.

Олег тем временем отвесил хорошего пинка горе-часовому — тот, спотыкаясь, пересёк сарай и влип башкой в стенку рядом со своими поделниками.

— Стойте смирно, Бандар-Логи, стойте и сморите, — сказал Олег и засмеялся. — Данила, развяжи Мишку.

Переложив пистолет в левую руку, а правой доставая из кармана складной "крокодил", Данила подошёл к мальчишке и несколькими движениями отлично заточенного лезвия перерезал мохнатые веревки. Мишка вскочил и тут же поднял револьвер, отскочив к Олегу — тот хлопнул его по плечу:

— Молодцом.

— Всегда готов, — серьёзно ответил Мишка.

— Ты, монстрик, — командовал между тем Олег, обращаясь к тощему, — вон верёвка. Вяжи своих побратимов — правую переднюю к левой задней. Всем есть! Живо! — эти слова Олег проорал "отмороженным" голосом — так, что все трое у стены плюхнулись на пятые точки, а тощий засуетился с верёвкой. — Лучше вяжи, — предупредил Олег, — а то я тебя по закону военного времени шлёпну. Или посажу на борону... — и Олег со вкусом назвал место, которым посадит тощего на борону. Тот вздрогнул и ускорил темп работ.

— Машина, — насторожился Данила — он услышал гул мотора.

— Глянь, — сказал Олег. Данила прыгнул к двери, приоткрыл её. Внизу, на склоне, стоял забрызганный грязью милицейский УАЗик, от него вверх по мокрой глине лезли двое

ментов с пистолетами и мальчишка в форме "Хорта".

— Наши, — сообщил Данила.

— Убери пистолет, — приказал Олег, быстрым движением убирая "вальтер". Данила завозился — мешал ремень. — Всё, доигрались, — с удовольствием сообщил Олег пленным. — больше вас никто не отмажет. Кому такие придурки нужны? Колония распахнёт вам свои гостеприимные объятия. Тебя посодють — а ты не воруй. Простое правило.

— Всех не посадите, — вдруг угрожающе сказал блондин. — Мы бессмертны, потому что так, как мы живём, жить легче и проще. А по ваши конкретно души, по ваш клуб долбаный и по ваш городок уже...

— Завали хлебальник, — процедил Цыган.

— Пой, пой, — усмехнулся Олег, забирая у Мишки револьвер.

Дверь с треском распахнулась — внутрь ворвались менты, а за ними — незнакомый парнишка. Только теперь Данила обратил внимание, что у него на погонах, как и у Олега по три ромба.

— Сдаём вам, товарищ лейтенант, — Олег за ствол протянул револьвер, кивнул в сторону связанных и тощего, который сжался в комок: — И этих по второму разу.

— Кройц? — лейтенант скользнул взглядом по Даниле и деловито осведомился: — Показания?

— Будут, — заверил Олег. — По наркоте, по оружию, по похищению несовершеннолетнего...

Тощий захлюпал — жалко и противно. До сих пор молчавший Бритый вдруг заорал:

— У них, у них два ствола, гадам буду! — он заизвивался. — Ну у них же!..

— У вас есть оружие? — взгляд лейтенанта задержался на Даниле, тому стало не по себе.

— Нет, откуда, — покачал головой Олег. Данила просто молча помотал ею.

Милиционер отвернулся.

ГЛАВА 7.

— Он догадался, что у нас пистолет, — тревожно сказал Данила. Олег отмахнулся:

27.

— Виталий Романович? Да чего ему догадываться, он это знает. Просто кто же рубит сук, на котором сидит-то? Лучше пистолеты у нас, чем у бандитов.

— Дождь-то — ой-ой! — громко объявил парнишка, приведший милицию. Он стоял возле открытой двери и смотрел наружу.

В УАЗике оставалось одно место. Но кто же поедет один, бросив товарищей? Данила боялся, что ему скажут: "Ну, ты давай, поезжай..." — однако, такого не произошло.

— Во вливает, — задумчиво сказал Олег. Потрогал щёку и оглядел себя: — И я в таком виде ехал на велике? Мать застрелится, если увидит.

— Слушай, — повернулся незнакомый Даниле мальчишка, — а чего ты мне звонил, а не сразу в ментовку?

— Да понимаешь, — Олег потёр лоб и вдруг улыбнулся: — Ты ближе всех живёшь, вот я и позвонил — как будто по телефону это важно!

Все четверо переглянулись и захохотали теперь уже вместе, а потом так же вместе заговорили, перебивая друг друга:

— ...сiju ем, а тут звонок — думаю кого в воскресенье?..

— ...а он мимо велика пробежал и спрашивает: "Велик есть?!"...

— ...самый приколы был, когда Олег их чуть не догнал — этот тощий как завизжит: "Догоняет, догоняет!" — как будто их танк догоняет...

— ...думаю — ё-моё, где ж транспорт достать?! Хотел угнать, что попадётся...

— а у них "жигуль" наверняка угнанный...

— ...а я всё равно знал, что вы приедете...

— а мне там: "Опять вы?! Говори адрес скорее!" А я думаю — ведь без меня уедут, назвал свой...

— ...он рыло высовывает, я его цап и коленом между ног...

— ...не, но как остальные офигели!..

— ...ты прям как Каа из мультика — Бандар-Логи!..

Когда прохохотались, Данила предложил:

— Пошли ко мне, почистимся, выдохнем и чайку попьем. У меня сейчас дома никого, сестра у матери на работе.

— Ты как, Румата? — подмигнул Олег незнакомому. Данила удивился:

— Почему Румата? — и посмотрел на парнишку. Тот отмахнулся:

— А... — ну а Олег объяснил:

— Он прошлым летом играл Румату в "Трудно быть богом". Читал?

— Читал, — кивнул Данила. — Где играл, я не врубаюсь.

— Да в фильме, — сказал Олег. — Мы фильм снимали, в массовках столько народу было... Ну а он Румату играл.

— А он, — "Румата" кивнул на Олега и мстительно усмехнулся, — дона Рипата. Тот даже в жизни таким подлецом не был, каким его Олежка изобразил.

— Ну, в жизни его, положим, совсем не было, отметил Олег. — А знаешь, как его на самом деле зовут Джек.

— Джек? — переспросил Олега Данила.

— Джек, — подтвердил Румата. — Предки на Джеке Лондоне повернулись ещё в светлые детские годы. Ну и заклеили на всю жизнь. Я не против вообще-то.

— У тебя отец офицер? — поинтересовался Данила. Джек кивнул:

— НО-4 погранотряда, — и перевёл, — начальник отделения строевого и кадров А у Олега — командир парашютно-десантного батальона.

— Мы пять лет назад познакомились, когда отцовскую бригаду сюда перевели, — добавил Олег. — Клуба ещё не было. ну мы и подрались, потому что спорили, кто круче — погранцы или

28.

десантура... А у тебя отец тоже в газете работает?

— У меня нет отца, — коротко отрезал Данила и как ни в чём не бывало спросил: — А фильм вы снимали по-настоящему?

— Не по-игрушечному же, — пожал плечами Джек. — Сейчас тоже снимаем. Рабочее название "Илья Муромец ХХ1", остались только съёмка на природе и монтаж...Ну что, пошли?

— Может, разуемся? — предложил Данила, Олег вздохнул:

— Понимаешь, мы в форме... Это нарушение, короче... — он покачал головой, и Данила на миг ощутил выросшую между ними прозрачную. Но не подал виду — махнул рукой:

— Ладно, дома помою кроссовки... Пошли что ли?

— ...Ехать на велике вчетвером было, конечно, нельзя. Поэтому катили по очереди, остальные трое сзади и болтали.

— Значит, вы не только с мафией воюете, но и к Третьей мировой готовитесь, — уточнил Данила. Олег засмеялся:

— Далась тебе эта Третья Мировая!... Нет, конечно. И кино снимаем, и в походы ходим, и историю изучаем...

— И фехтуем, конечно, — добавил Джек. — Знаешь как здорово?

Мишка катил на велике, с трудом доставая ногами до педалей. Данила спросил:

— А вы как считаетесь? При ком?

— При военкомате, — объяснил Олег. — А содержат нас десантники, погранотряд,

немного — мэрия, но в основном — Астафьев, да ты его видел, Николай Палыча.

— А может, — сказал Данила с умудренностью столичного жителя, — он просто из вас боевиков готовит каких? Таких историй много.

— Нет, — убеждённо возразил Джек. — Ему это клеили. Комиссии приезжали разные, "общественность" наезжала — не всем наш клуб нравится.

— И ещё разное клеили, — поморщился Олег, — просто и говорить не хочется...

— Да... Но мы-то знаем, как с ним было, — сказал Джек, — хоть он не любит говорить про это. Он после Афгана в средней Азии служил. А там вначале девяностых война была, ну и русских убивать начали. Его семья квартиру в городе снимала. Когда он с товарищами туда пробился — там уже только... короче, не опознаешь. Жена, сын — помладше нас, и дочка — совсем маленькая. Он из армии ушёл, бизнесом стал заниматься, удачно. Разбогател. А потом раз — и несколько таких клубов по всей Воронежской области открыл. Потом — детский дом для сирот войн разных. И деньги тратит не считая. Правда, он на самом деле богатый очень. Как придёт — у наших младших праздник. Он с виду замкнутый, неприступный, а с ними... — Джек отвел взгляд и закончил: — С теми, кто его сыну ровесник... ну, сейчас ровесник, каким он тогда был — он с ними как отец. Особенно у кого дома нелады, — он понизил голос, — как у Мишки вон.

— А Тимур? — поинтересовался Данила. Олег покачал головой:

— У него тоже своя история, только мы не знаем — какая, его Николай Палыч нашёл. А вообще — он по контракту служил в Чечне.

— Здорово у вас, — искренне сказал Данила. Джек подтвердил:

— Здорово. Мы всех желающих принимаем. Правда, с кандидатским стажем.

— С лысыми погонами, — усмехнулся Олег и пояснил: — Один ромб — это дружинник. А два — стройник, три — десятник.

— Мы с Олегом десятники, — Джек выставил мокрое плечо.

— Да... Четыре ромба — полурядник, пять — урядник, четырёхконечная звезда — надурядник, две — полусотник, при — подсотник. А Тимур — воевода, у него на

29.

погонах перуника.

— А что за символика? — не понял Данила.

— Да самая обычная, — удивился Джек. — Ромб — символ Земли. Четырёх конечная звезда — Жизни. А восьмиконечная — перуника — бога Перуна. Это древнеславянские символы.

— Но у вас же не только славяне, — хитро покосился на Олега Данила. Тот показал кулак, но не всерьёз и ответил:

— Не только. Русские, украинцы — само собой. Немцев несколько. Ну и весь наш армейский интернационал — дети офицеров, а у нас в армии кого только нет. Да это ерунда. Тут как в анекдоте про кирпичи — лишь бы человек хороший попался, вот и всё.

— Если бы Россию только русские защищали, она бы давно пропала, — серьёзно ответил Джек. И добавил: — У нас не терпят даже близко от клуба тех, кто свой народ считает самым главным и безупречным. Но и тех, кто ни во что не ставит, мы тоже не любим.

— А много у вас народу? — любопытствовал Данила.

— Больше трёхсот человек, — гордо ответил Джек. — И около сотни кандидатов... Слезай, дай другим погонять! — крикнул он Мишке. Тот замотал головой и начал нарезать вокруг идущих старших круги.

— Ладно, пусть ездит, — вступился Олег. — Ты не против? — он посмотрел на Данилу.

— Конечно, пусть, — кивнул тот. — Значит вы интернационалисты.

— Ничего подобного! — возмутился Джек. — Это которые там разную Африку кормят и собственные деревни разоряют, чтобы с зарубежными коммунистами дружить?! Нет, мы

— патриоты! — уверенно объявил он. — Просто в России много разных народов живёт. И все они для неё живут.

— По разному бывает, — хмуро буркнул Олег. Он явно что-то вспомнил.

— Это он про осеннюю историю с цыганами, — недовольно объяснил Джек. — Была такая. Они тут около кладбища табор устроили. Во-первых, попрошайничали в наглуую, да это ещё ладно. Бабульки там разные в церковь идут, подают мелочь, а их малышня — ну, которая деньги выпрашивает — этой мелочь в обратную: "Бумажный давай!" Прикинь?! Так вот Олег как-то шёл по кладбищу из школы, там срезать можно. Видит, один сопляк на могильной плите пристроился — и гадит. Удобно, травка не мешает. Олег сзади подошёл и придал ему третью космическую. Тот завыл, что пол табора сбежалось: ребёнка обидели! Правда, пока они бежали, Олег успел гадёныша в это дело физией окунуть и повозить.

— Избили? — понимающе спросил Данила. Олег захохотал искренне:

— Они?! Ага, сейчас!

— Короче, батюшка в ментуру стукнул, — с удовольствием продолжал Джек, — и той же ночью их наладили из города... Только ты зря, Олег они тоже разные бывают.

— В фильме про Будулая, — непримиримо ответил немец. Джек серьёзно сказал:

— Олег у нас вообще человек суровых нравов. Зимой поехали мы на фестиваль в Воронеж — "Музыканты против наркотиков". Просто так поехали, музон послушать, там иногда продаются хорошие вещи. Ну, всем известно, что наркомафия как раз вот такие мероприятия всеми силами поддерживает, потому что на них наркоты расходуется — жуть! Молодёжь, много, толкучка, заведённые

30.

все — рай для пушеров... — Данила даже рот раскрыл от такой трактовки происходящего, а Джек с удовольствием продолжал, поглядывать на Олега: — Так вот он там взялся пушеров разоблачать. А метод разоблачения у него такой — как в гестапо, отзовёт в сторонку — и в дюндель, да, так, что бедняга падает. А Олежка карманы трясёт. Короче, в результате пришлось нам всем сначала драться — не бросать же его! — а потом кросс давать от ментов по пересечённой местности... — Джек подумал и добавил: — Ну и ладно. Всё равно музон был лажовый. Попа...ой, то есть — попса-а...

— Не любишь? — Данила заулыбался, увидев, какую рожу скроил Джек. — Я тоже ненавижу.

— Она не настоящая, да? — спросил Олег серьёзно, но глаза его озорно искрились, и Данила узнал реплику своего тёзки из фильма "Брат-2".

— Не настоящая, — подтвердил он. — Мне старые группы нравятся, которые ещё в 80-х годах появились. Ну и авторскую можно послушать. Я очень на Грушевский фестиваль хочу съездить.

— Мы тоже, — за себя и Джека ответил Олег.

— А вы в одной школе учитесь? — продолжал расспросы Данила. Олег ответил:

— А у нас тут она всего одна. Но очень большая. Раньше было несколько, в старых зданиях, а сейчас в центре четырёхэтажку построили. Точнее, пристроили три крыла к старому кирпичному — крест такой получился. Там парк хороший, в наших местах это важно.

— Тут зелени мало, — сожалеюще добавил Джек. — Мы раньше служили (он так и сказал "мы служили") в Карелии, вот там — да!

— Мать Джека в школе химичкой работает, — сказал Олег.

— Химиком, — поправил Джек, — названия профессий по родам не изменяются.

— А моя — дома, — Олег не обратил внимание на замечание, — с братишкой, в декретном. Вообще она врач. Они с отцом в Афгане познакомились, и я там родился.

У Данилы уже голова шла кругом от неожиданной информации.

— А наркотики, — безо всякой связи с предыдущими словами сказал Олег, — это оружие.

Самое настоящее, его не просто ради прибыли продают.

...Дождь продолжал лить, когда вся компания добралась к дому Данилы, который он, уходя, забыл закрыть. Уже попав внутрь, ребята притихли, как обычно бывает впервые в чужом доме — это позднее в таких случаях, освоившись, в дом вламываются, как к себе. А сейчас они задержались, расшнуровывая грязные, насквозь мокрые кроссовки, но следы за ними всё равно оставались.

— Ничего домик, — слегка завистливо сказал Мишка.

— Рад, что тебе нравится, — согласился Данила. — Ванная слева, там халаты висят, полотенца, пользуйтесь, я сейчас.

— Да! — вспомнил Данилину историю Олег. — Шрам-то у тебя не засекли?!

— Не беспокойся, всё нормально, — ответил Данила уже с лестницы, — я только вчера в вашу поликлинику ходил, попросил швы снять.

Раздевшись у себя в комнате, он приготовил сухую одежду и как следует вытерся полотенцем. Настроение было просто великолепное.

Внизу царил противоестественная тишина. Но потом что-то плюхнуло,

31.

раздался вопль Олега:

— 3-зара-за-а!!! — и хохот, звонкий, явно Мишки. До чего же этот мальчишка не был похож на того, кто меньше недели назад падал на колени перед пушерами!

— Данила! — крикнул — похоже, внизу, у лестницы — Джек: — Данила!

— Ау! — откликнулся Данила.

— Ничего, если я в холодильник залезу? Я поесть толком не успел!

— Давай! — заорал Данила. — Только про меня не забывайте — берите всё, что на вас глядит!

Он снова был голоден; даже сильнее чем утром.

Олег причёсывался перед зеркалом. Джек был виден через кухонную дверь — он сидел на корточках перед дверью холодильника. Мишка распевал в ванной чистым голосом:

— Дывлюсь я на нэбо,

Та й думу гадаю:

Чому я нэ сокил,

Чому нэ летаю

— Он там трудится, — злорадно сказал Олег, — и, пока всё не уберёт — не выйдет.

— Садист! — завопил Мишка.

— Поговори мне! — рявкнул Олег и смущенно повернулся к Даниле: — Ты извини, мы там воду разлили...

— Ерунда, — почему-то с таким же смущением ответил Данила. Мальчишки несколько секунд разглядывали друг друга, словно увидели впервые — одинакового роста и сложения, только Данила чуть поплечистей. Потом Олег протянул руку:

— Спасибо, что сразу помог, — негромко сказал он. — Ты правильный парень.

— Ерунда, — повторил Данила и добавил: — Знаешь, я утром так и подумал — судьба. Как... - он смешался, но закончил: — Как у тех десантников. Отступить можно... но нельзя.

— Судьба тут не причём, — покачал мокрой головой Олег. — Её вообще нет, а есть долг. Просто люди, которых определённым образом воспитывали, не могут поступить иначе, чем поступают. Все это и называли судьбой. Дураки называли, которые не могут понять, что такое должен. Так Тимур говорит.

— Выходит я правильно воспитан? — спросил Данила. Олег не принял иронии:

— Выходит, Данька... Ой, извини. Просто есть такая книжка у писателя Лукьяненко — "Мальчик и Тьма", там главного героя зовут, как тебя. Могу дать почитать. Хочешь?

— Давай, — Данила кивнул в сторону кухни: — Пошли посмотрим, что там Джек наготовил.

Джек резал бутерброды с ветчиной и развернулся вовсю. Кроме них на столе лежала

пачка детского печенья и стоял кипящий молочник между четырёх чашек с какао. Сам Джек с подозрительным видом рассматривал с подозрительным видом рассматривал вскрытую упаковку лососины.

— На кой чёрт вы её купили? — спросил он, поворачиваясь. — Покупайте копчушку местного завода — дешевле, вкуснее, а главное — настоящая рыба. Не в Москве живёте, чтоб синтетикой питаться... А дождь-то кончился.

— Мне можно? — из коридора появился Мишка, путавшийся в халате, как в смирительной рубашке.

32.

— Вытер?! — грозно спросил Олег, примериваясь откусить от бутерброда.

— Угу, — буркнул мальчишка, нацеливаясь на печенье. Джек разлил молоко по чашкам, заметил:

— Отличная тебе улица досталась. Тихая.

— М? — Данила вспомнил постоянный грохот техники на стройке.

— У нас в отряде в семь утра как горн даст — и весь сон долой, — пояснил Джек. — Тысяча человек на плацу — это вам не шуточки. Зато будильник не нужен.

— Тысяча! — фыркнул Олег, тоже потянувшись за печеньем.

— Плохо, что хорошей речки нет, — посочувствовал Данила. На него обернулись все трое.

— А чем тебе Колотьва не нравится? — удивился Олег. Данила пожал плечами:

— Канава какая-то...

— Канава?! — взвился Мишка. — Это тут, потому что её чистили, русло углубляли! А дальше за городом вдоль неё сперва леса идут — раз! А потом плавни — два! До самого Дона, она в Дон впадает! Там островков разных, уток, гусей, рыбы — тучи! И кабаны есть, и бобры, и... — он захлебнулся от обилия переполнявших его чувств и обиды за родные места.

— Правда, — подтвердил Джек. — Мы туда часто походами ходим. Без этой речки тут полупустыня была бы. В тех плавнях во время оккупации единственный в этих местах партизанский отряд скрывался. Немцы их найти не могли, плавни даже зимой не замерзают.

Какое-то время все четверо молча ели. Потом Данила напрямую спросил:

— А трудно вступить в ваш клуб?

— Трудно, — нахально ответил Мишка. Джек не глядя ловко поймал его нос пальцами и под возмущённо-гнусавый писк пояснил:

— Да нет, мы всех берём, говорили ведь. Просто приходи. Нужно разрешение родителей — и ты кандидат. А там...

— А выше не все пробираются? — в ответ на недоговорённость спросил Данила.

— Не все, — подтвердил Олег.

— Что, трудно всё-таки? — небрежно осведомился Данила.

— Не физически, — покачал головой Олег. — Просто не всякий может переступить через свои интересы и амбиции ради традиций и обычаев клуба, ради дисциплины.

— А то многие приходят: "Научите драться!" — улыбнулся Джек. — И всё. Больше у них и фантазии-то нет. Научите меня драться, я буду самым сильным на своей улице, а кто против — тому в грызло. А зачем нам такие? Ну и уходят.

— Не все, — возразил Олег. — Сашко был такой. А потом всё-таки перетерпел, остался — и понял, что уметь драться — не главное. Даже вообще — не важное. Вот эти скоты, шестёрки — думаешь, их драться не учат? У-учат, и за большие деньги, разные там сэнсеи и мастера, и хорошо учат! Мафиози своей смене даже спортивные лагеря организуют — по высшему классу!

— А побеждаем мы, — серьёзно подытожил Джек. И добавил: — Вот кто смог понять — почему, тот у нас и остаётся.

Разговор о клубе на этом и кончился — Данила не стал добиваться большего, а ребята не продолжали. Только Олег, когда уже собирались расходиться, вдруг сказал:

33.

— У нас послезавтра вечером в школе костюмированный бал — в честь окончания учебного года, традиция такая. Если хочешь — приходи, только костюм сооруди. Или достань.

— Эй, правда, — кивнул Джек, — приходи! Ты же всё равно в нашей школе будешь учиться.

— И в любом случае — я тебя приглашаю, — заявил Олег.

ГЛАВА 8.

Мастерская на чердаке оказалась кстати. Данила, хотя и рос без отца, руками работать умел и любил. Сложнее было просто придумать, в каком костюме идти на бал — для Данилы это всегда было мукой мученической.

— На каждом подобном балу он всегда встречал полным-полно космонавтов, спецназовцев, мушкетёров, пиратов и монстров, а ток же — почему-то — римских легионеров. Но были и очень оригинальные костюмы — как раз такой собирался забабахать себе мальчишка.

Люська мешала по мере сил, пока Данила не выставил её за дверь, которую с наслаждением запер. Сестричка вредно повопила под дверью, надеясь, что придёт мама, но потом свалила, на ходу скверно рифмуя "Данилу" с "дубиной".

Данила был счастлив. Нет, не при мысли о бале. Просто Олег так здорово сказал: "Приходи, я буду рад". И Джек кивнул, а потом они ещё прокричали с угла (Данила стоял на крыльце): "Эй! Приходи!" И сейчас можно снять трубку телефона и позвонить любому из них. Ни зачем — просто так, как Вовке или Рауфу в Москве, как всегда звонят друзьям. От этой мысли хотелось даже двигаться быстрее. Или вообще напевать что-нибудь вроде... Данила задумался, а потом во всё горло заорал, шныряя по чердаку в поисках необходимого:

— Этой ночью в спящем городе
Я летаю чёрной птицей —
А потом придёт мне в голову:
"Надо ж было так напиться!"

Упаду с шестого этажа
И пойду, пути не зная —
Виновата в это только ты,
Голова моя дурная!

Разбросаю обувь я везде,
Разбегусь в четыре стороны,
И кружатся над мои биде
Вороны.

Головой ударюсь в зеркало,
И осколки разбросаю!
От меня вчера ушла жена.
Почему ушла? Не знаю...
Пел он на мотив старой "Больно мне, больно!.."

Да, но что же всё-таки соорудить. Первый бал Наташи Ростовской... А что если — мундир военного?! Но не современного, а из ТЕХ времён?!

Не мушкетёра — это всем надоело, как реклама подгузников, а именно из войны с Наполеоном? Данила вихрем промчался через чердак, ссыпался вниз и осторожно заглянул в дедов кабинет — мама не любила, когда ей мешали. Но там её не оказалось. Она вообще

очень хвалила налаженный дедом коллектив и принципы работы, а потом признавалась, что таких специалистов, как дед, в столичных изданиях практически нет.

На полках с военной литературой Данила отыскивал наборы открыток, посвящённые русской армии в войне 1812 года, взял набор о пехотной форме и, стоя возле полок начал

34.

перекладывать глянцевые прямоугольники. Форма была красочной, но очень сложной. Ну и носили тогда — интересно, на кого были похожи солдаты после боя и сколько времени тратилось на приведение их в божеский вид... ага, вот!

— Лейб-гвардии Егерский полк, — шепотом прочитал Данила. Он знал, что егеря — тогдашний спецназ, меткие стрелки, следопыты и разведчики, и форма у них была не такая сложная, как у остальных. Ради интереса перевернул открытку, прочитал написанное там: — командир полка полковник Бистром... На Бородинском поле... писари хватили ружья убитых товарищей и шли в сражение. Бой вырвал из рядов полка 27 офицеров и 693 нижних чина... В сражении под Красным лейб-егеря пленили 31 офицера, 700 нижних чинов, захватили два знамени и девять пушек. Преследуя неприятеля, захватили ещё 15 офицеров, 100 нижних чинов и три пушки... Серебряные трубы с надписью "За отличие в сражении при Кульме 18 августа 1813 года"...

Данила задумался, держа открытку в руках. Вот в этой красивой форме люди ходили в бой. Не было ни "калашниковых", ни подствольников, ни гранатомётов, ни миномётов, ни авиации. Но от этого, наверное, воевать было только страшнее. Один-два выстрела, а дальше — штык, тесак, приклад, сплошная рукопашная, когда враг — рядом, он дышит тебе в лицо, у него озверелые глаза и ты знаешь, что или убьёшь его — или погибнешь сам. И убивали, ВИДЯ, как умирает убитый тобой человек, а не издалека. Брр! Мальчишка передёрнулся и подумал, какое мужество нужно было иметь солдату того времени. Говорят, что нет ничего страшнее рукопашного боя, а тогда — сплошной рукопашный... Жуть!

Данила потряс головой. Да, он будет делать именно эту форму: тёмно-зелёную, с серебряным поясом, алыми лампасами, обшлагами, окантовкой воротника и погон, с золотым шитьём на эполетах, обшлагах на воротнике, золотой нагрудной бляхой-полумесяцем, на которой — двуглавый орёл, низким черным кивером, отделанным серебряным галуном. С высокими ботфортами. Палаш сделаем из алюминия, кивер — из дермантина, есть подходящие пуговицы, орлы — должны продаваться в магазине при военной части, а их тут две. Очень довольный собой, Данила прищелкнул пальцами. Теперь можно браться за работу вплотную.

...- Красивый костюм, — одобрила Светлана Александровна, когда Данила показал ей то, что у него получилось. — И я рада, что у тебя появились друзья. А то ты мне последние дни не нравился.

— Друзья? — удивился Данила. Подумал, опустился на край стола, положил на колени палаш. — Да, пожалуй, друзья... А что ты такая-то?.. — спохватился мальчишка, вглядываясь в лицо матери.

— Ничего, ничего, — поспешно ответила Светлана Александровна, но потом, достав из сумочки листок бумаги, сложенный вдвое, подала сыну: — Ты уже не маленький. Прочитай.

После первых же строчек Данила почувствовал, как у него начинают гореть щёки. Письмо на две трети состояло из грязных ругательств и обещаний, что однажды Серёгина и её дети проснуться за пределами России, где... дальше описывалось, что их ждёт. Смысл письма сводился к тому, что Светлане Александровне не рекомендуют продолжать курс, которого придерживалась газета при отце. Подпись и дата отсутствовали, штемпели на конверте тоже. Письмо бросили прямо в ящик.

— Отцу тоже приходили такие письма, — Светлана Александровна не сводила глаз с сына.

— Ты не собираешься... — Данила тряхнул листком. Светлана Александровна отрицательно покачала головой:

— Я журналистка. И если я считаю правильной линию разоблачений, которую вел твой дед — я не могу отступить. Даже...

Она не договорила. Но Данила понял: "Даже ради вас."

— Это надо в милицию, — предложил он. — Тут вроде бы не плохая.

35.

— Уже была, — кивнула Светлана Александровна. — Люська больше от меня ни на шаг, благо каникулы, но ты...

— За меня не беспокойся, — решительно ответил Данила и вспомнил: — В конце концов, в Москве ты тоже несколько раз получала такие письма, ну и что?

— В Москве, Данила, меня охранял отдел физической защиты во главе с бывшим майором КГБ, — вздохнула Светлана Александровна, — а тут райотдел милиции, у которого и так полно забот. Так, что давай переходить на усиленный режим, понял?

— Данила улыбнулся в ответ на улыбку матери. Это выражение она придумала в Москве после первой же угрозы. Данила был гораздо меньше, но Светлана Александровна сумела подробно и доходчиво объяснить ему, не испугав до смерти, что и как нужно делать, чтобы обезопасить себе и квартиру.

— Есть усиленный режим, — отчеканил Данила. И поинтересовался: — А что за статью ты успела опубликовать, что на тебя так взъелись?

— В Москве ты следил за публикациями, — слегка обиженно заметила Светлана Александровна и, помолчав, ответила: — Не одну, а две статьи. Первую — по дедовым материалам, о... — женщина замялась, покачав головой, вздохнула. — Как бы тебе...

— Только не надо о хомячках и пчёлках, — снисходительно ответил Данила. — Ма, мы как будто не в Москве жили, а в деревне Нижние Лапти! О порнографии, что ли, статья?

— Подпольная студия в одном из ПГТ района, — кивнула Светлана Александровна. — Только, Данила... это была ДЕТСКАЯ порнография. Бездомные, вокзальные ребятишки. Среднее звено и "шестёрки" посадили, а до верха не дошли — ниточки обрубались.

— А... — только и смог ответить Данила и спрятал глаза. Во рту стало кисло от омерзения.

— А материал по второй статье — о наркотиках в районе — позавчера принёс мальчик в форме. Прямо в редакцию. Добротно написанная, с доказательствами, статья, мы её поставили в следующий номер — вчерашний. Подозреваю, что её принес кто-то из твоих друзей. Из клуба "Хорт".

— Мам?! — изумлённо привстал Данила. Светлана Александровна покачала головой:

— Уж не знаю, за кого ты меня держишь... У отца на "Хорт" целое досье. Точнее "книга добрых отзывов". Вот ты, например, знаешь, какой хакер "зарезал" осенью 1999 года интернетовский сайт бандитского сообщества "Чечен-пресс", поместив на его место лицо русского солдата с картины "Прощанье славянки" с подписью: "Россия за нами, Господь над нами, козлы под вами!"? Нет — Светлана Александровна выудила из сумочки электронную записную книжку, поколдовав над ней прочла: В хакерских кругах имеет "ник" Политрук. Занимается взломом, перелицовкой и уничтожением сайтов НАТО, — Светлана Александровна значительно подняла палец, — и антирусских организаций. Официальная информация исчерпана. По точным данным, полученным от самого Политрука: урядник С.П.Ю.К.И.Ф. "Хорт", Пелищенко Виктор 16 лет, проживает... ну и так далее.

— Так, — медленно начал Данила, — теперь я задам детский вопрос. Мамуля, мне можно играть с этими мальчиками? Или они научат меня плохому?

— Ты, кажется, уже решил, — заметила Светлана Александровна. Сын кивнул:

— Решил, ма. Но ведь и ты уже решила. А ехала ты сюда подальше от скандалов, тревог и прочего. Но ведь не подхватываешься, не несёшься с нами в охапке в другое место? Почему я должен по-другому?

— Я приехала к себе домой, — ответила Светлана Александровна. — Да, я хотела тихого места. Да, я снова боюсь за вас и за себя. Но... это мой город. И моя газета.

— И мой клуб, — подытожил Данила.

36.

ГЛАВА 9.

Похоже, бал ухитрился собрать всю молодёжь в возрасте Данилы и старше. Он слегка удивился — неужели все собираются танцевать классические танцы, а если нет, то как танцевать современные в наряде, например... человека-душа? (Именно в таком экстравагантном костюме шагала недалеко от мальчишки девица его лет — серебристый "дождь" над её головой шуршал и блестел.) Поразмыслив, Данила решил, что собираются сюда скорее не столько ради танцев, сколько отметить конец года. Тут не только душем можно от радости нарядиться на радостях.

Вход в школу был устроен со стороны заднего крыла, с которого школа и начиналась в незапамятные времена. Крыло было сделано из ракушечника — здоровенных вывернутых глыбин, чей светлый окрас несколько сглаживал впечатление от полуторавековой громоздкости. На стене крепились таблички: традиционная, сообщавшая, что в период войны здесь находился (с перерывом на оккупацию) госпиталь, а рядом с ней — ещё одна, извещавшая, что здание построено как "первая в уезде гимназия иждивением Его Светлости графа Сергея Николаевича Кауффа и купца первой гильдии Анатолия Михайловича Скребкова в 1870 году". Данила даже присвистнул — почтенное было здание, недаром его не стали сносить, а просто достроили...

Стену здания тут и там пятнали странные лунки — словно маленькие воронки. И Даниле пришлось сделать над собой усилие, чтобы понять — это следы от пуль, которыми стреляли тут шесть десятков лет назад. Видно, не все итальянцы сбежали без боя...

Весь нижний этаж школы переливался огнями и гудел. Народ шел отовсюду, около здания стояло несколько машин, куча мотоциклов, мопедов, скутеров и великов. В здании гремел акробатический рок-н-рол. Весело посвистывая и придерживая палаш у пояса, Данила шагнул в широко, гостеприимно распахнутые ворота...

... и сбил шаг.

Слева от входа, между двумя молодыми топольками, стоял памятник, какие есть почти во всех школьных дворах. И все-таки он отличался от тех. Прямоугольная каменная плита из серого гранита примерно в рост человека, из которого выступало склоненное женское лицо — скорбное и красивое. Ниже — две бережно сведённые ладони. Они то ли протягивали тем, кто подходил к памятнику, то ли подносили к лицу женщины обломанную дубовую ветвь. У основания плиты шла надпись:

Не бывать тебе в живых,

Со снега не вставать.

Двадцать восемь штыковых,

Огнестрельных пять...

Скорбную обновушку

Другу сшила я

Любит, любит кровушку

Русская земля.

Всем ученикам школы Горенска-Колодезного, погибшим во всех войнах России

СКОРБЯЩАЯ РОДИНА

Данила заметил: проходя мимо памятника, даже самые развесёлые сбавляли шаг и глушили голоса. А дальше, окружая памятник, и топольки, стояли белые плиты с золотыми строчками имён, отчеств, фамилий и дат рождения и смерти. Взгляд Данилы заскользил по ним, выхватывая отдельные цифры...

1855–1877... 1876–1900.. 1899–1916... 1902–1919... 1909–1936... 1928–1942... 1928–1952... 1936–1968... 1950–1977... 1965–1985... 1969–1992... 1975–1995..

На плитах было пустое место. Было.

37.

...Около входа в школу стояли двое "хортовцев" — во всей своей вызывающей зависть красе. Шлемы с наглазниками закрывали лица почти полностью. Сдвинув короткие копья с гранеными наконечниками, они допрашивали входящих с комичной серьёзностью: "Кто таков будешь и куда путь держишь?" Как раз перед Данилой вошел Рэмбо, над которым стражники прикалывались минуту, не меньше. Данила вновь испытал настоящую зависть. Его костюм был маскарадом, а эти... смотреть — только расстраиваться. Но когда его спросили, Данила ответил учтиво:

— Князь Даниил Серёгин, офицер лейб-гвардии егерского, следуя на бал.

— Проходи потомок, — охотно сказал воин. Сзади уже напирала пара спецназовцев и одна вампиресса.

В холле, освещённым лампами дневного света, народу было больше, чем микробов в поцелуе. Музыка гремела подальше — скорее всего, из спортзала. Данила приосанился, перебрал кивер на локоть правой руки и, положив ладонь на эфес палаша, зашагал в гущу народа, стараясь отчётливо постукивать каблуками. Он искал взглядом Олега, Джека или на худой конец Сашко — увидел сразу и Олега и Джека. Они стояли ещё с каким-то парнем атлетического телосложения и очень высокого роста, одетым как Робин Гуд. Олег был в чём-то скафандроподобном, Джек — в офицерской форме начала XX века. Они тоже заметили Данилу и пошли навстречу.

— Молодец, что пришёл, — оживлённо сказал Олег, хлопая Данилу по плечу. — Олег, это Данила, сын нового редактора, — кивнул он атлету. — Данила, это Олег Строев, мой тёзка.

Тёзка резко пожал ладонь Данилы, дружелюбно улыбнулся.

— А где Сашко? — поинтересовался Данила деловито

— К Мишкиному папаше пошёл, — пояснил Джек, — фитиль вставлять. Этот алкаш сегодня Мишку ремнём так отлупил, что тот встать не сразу смог.

— За что? — нахмурился Данила.

— А просто так, — зло ответил Олег, — подвернулся. Ну, Сашко его в чувство приведёт... ненавижу алкашей. И даже просто пьющих.

— Выпивают-то почти все... — неуверенно возразил Данила.

— Ты ещё скажи, что это русская традиция, — кивнул Олег. — Знаем. Что ни фильм — русские вёдрами бухают и твердят: "Т-традиция..." А по мне, так алкоголь и курево — это для дураков и рабов. Любое и в любых количествах.

У входа в зал стояли два неизменных римских легионера — Данила почти шархнул от них, вызвав недоумённый взгляд Олега. Пояснил:

— Такая фишка: каждый раз вижу на всяких там балах и праздниках легионеров. Жуть... У входа в школу ваши стоят?

— Наши, — подтвердил Олег. Джек и второй Олег успели уже испариться с двумя девчонками. — Только не спрашивай, почему мы на бал доспехи не надели.

— Танцевать неудобно? — понимающе уточнил Данила. Олег поморщился:
— Ерунда, я в своих даже плавать могу... Просто в карауле стоять, пусть и в шутку — одно. А другое — вытанцовывать... У тебя, кстати, классный костюмчик. Где откопал?
— Сам соорудил, — гордо ответил Данила.
— Здорово, — вновь похвалил Олег. И, повернувшись в сторону, вежливо сказал: — Здравствуйте.

Около стенки, о чём-то тихо беседуя, стояли двое мужчин — лет по 30–35. Один — повыше, худощавый, в сером костюме — дружелюбно кивнул Олегу и Даниле, улыбнулся. Второй — в больших очках с мощными стёклами, какой-то взъерошенный, с редкими волосами и красным кончиком носа — покосился и кивнул тоже, но без малейшего дружелюбия. Поскольку это были первые взрослые, которых Данила тут увидел, и эти взрослые не могли

38.

быть никем иным, кроме как учителями, он поинтересовался, когда отошёл:

— А это кто?

— Наши главные враги, — пояснил Олег и, поймав удивленный взгляд Данилы, рассказал популярно и подробно: — В костюме — Зайцев, Роман Романович, историк. Много раз скрещивал клинки с Тимуром в ГорОНО по поводу системы воспитания, калечащей детские души и засилия милитаризма в нашем клубе. Но уроки у него интересные, и спорить с ним здорово. Потом сам увидишь...

— А второй? Он на правозащитника Ковалёва похож, — вспомнил Данила. Олег обрадовался:

— О тоже просёк?! Это наш политолог, Матвийчук Станисла Викторович. Глава школьного клуба "Дети без границ, в просторечьи — "Беспредельщики". Большой поклонник новаторских методов обучения.

— Он тоже с Тимуром клинки скрещивал? — полубопытался Данила. Олег объяснил популярно:

— Нет, он на нас жалобы писал. И пишет. И будет писать. И на твоего деда смертельно обижен — даже статью тиснул как-то в какой-то воронежской газете, назвал "Красный маньяк".

— Дед обиделся? — спросил Данила. Олег покачал головой:

— Посмеялся говорят... Да статейка была бездарная. А написал её Станислав из-за того, что дед твой какие-то там материалы не захотел публиковать.

— Олег, а кто написал статью которую вы в "Красный маяк" отнесли? — вспомнил Данила.

— Не могу сказать, не обижайся, — помотал головой Олег. — Вот поступишь к нам, тогда...

— А ты уверен, что я соберусь к вам? — слегка всё-таки обиделся Данила. — Может, я к этим как раз... без границ?

— Со скуки загноёшься, — предупредил Олег. — И со злости. Ты бы видел, как они всем клубом письмо писали американским лётчикам — поздравление, летом 99-го, " в честь победы над Югославией"! Или послушал, как они у себя о сексуальной революции и нетрадиционной ориентации рассуждают...

— В чём ориентации?! — не врубился Данила. Олег пояснил исчерпывающе:

— В этом.

— Блин, — только и мог сказать Данила. — Нет, я уж лучше к вам.

— Тогда готовься к длительной войне со Станиславом Викторовичем и его иезуитским орденом, — обнадежил Олег. Данила отмахнулся:

— Что за жизнь без приключений.

— Это да, — Олег вздохнул и спросил: — Тебе мать про письмо рассказала?

— Уже знаете?! — Вновь поразился Данила. Олег без рисовки ответил:

— Мы в этом городе почти всё узнаём раньше милиции. На этот раз, правда, припозднились. Твой дед ростовских братков допёк, но они наезжать перестали быстро — отвадили их, да и ростовская милиция с ФСБ помогли. А последнее время — Данила слышал в голосе Олега искреннюю озабоченность, — кажется мне, что не просто мафия на наши места наезжает. Наркота — это так, побочный эффект или вообще отвлекающий манёвр... Жаль, что шестёрки никого толком не знают — кого покрупнее выловить бы...

— Ты что имеешь в виду? — насторожился Данила. Олег помолчал, потом — словно решился.

— Про историю с порнографией слышал?

— Ну...

— Такой гадостью не всякая мафия не согласится заниматься, это беспредельщики, отморозки, которых на зоне же и кончают... или те, кто наших законов вообще не признаёт,

39.

деньги нужны.

— Ты про что? — требовательно спросил Данила. Олег усмехнулся:

— А про то... Когда это дело раскрутили, то всплыла там краем кличка такая — Капитан. Вроде он в Ростове из "новых мафиози" и уже успел много чего под себя подгрести, подмять. Ничем не гнушается и неуловим, как призрак. Шестёрки его — а их немало похватили, что денег этот капитан гребёт столько, что мог бы Москву купить. И все эти деньги — как в черную дыру проваливаются.

— В Швейцарию переводит, предложил Данила, — или Гибралтар, понимает же, что беспредельщикам вечной лафы не бывает.

— Хорошо бы, — согласился Олег. — А почему хорошо? Потому что отец как-то мельком упоминал, что был такой бандюга по кличке Капитан — правда бывший капитан Советской Армии, с большими наградами за Афган, чуть ли не со Звездой Героя... А потом стал приближённым Дудаева. Был-был — и когда наши бандитов из Дагестана поперли — исчез, как в воду канул.

— Думаешь, он? — тихо спросил Данила. Олег почесал нос:

— Да мои мысли — они что... Это не я так думаю, а умные люди. Отсюда и беспредел — бабульки боевикам нужны ой как, вот и старается зашибить побольше и любыми способами, а там хоть трава не расти. Ну а Горенск-Колодезный его интересует... из-за гарнизонов, помнишь, как в Буйнакске рванули?

Данила ощутил неприятный холодок. Про взрывы домов, где жили семьи пограничников, он помнил. И заочно ненавидел тех, кто взорвал, радовался, когда их начали ловить и сажать. Эти люди — а точнее, нелюди — ДОЛЖНЫ были сидеть. Они не воевали с русской армией, а убивали детей и женщин в тылу, спящими. Так не поступали даже фашисты. Неужели и тут такое может случиться?! Не хотелось.

— Но это же только догадки, — неуверенно пробормотал он. Олег согласился:

— Догадки...

В спортзале в самом деле танцевали — частично, кое-кто болтал вдоль стен или около импровизированного буфета, над которым висел плакат: парень с электрогитарой поперёк груди смотрел со стены, наискось шли слова: "Отстегни родной школе на Hi-Fi стерео!"

Данила чувствовал себя как рыба в воде среди всей этой шумной толпы — тут были самые обычные мальчишки и девчонки, они решали какие-то свои проблемы, смеялись, пританцовывали, жевали... Музыка шла современная, на эстраде, составленной из парт и задрапированной тканью, бушевала тоже явно школьная группа. Данила всё ещё оглядывался, когда солист объявил в микрофон, что следующую песню они посвящают клубу "Хорт" — и мальчишки на эстраде врезали из Цоя:

— Ты должен быть сильным,

Ты должен уметь сказать:

"Руки прочь,

прочь от меня!"
Ты должен быть сильным —
Иначе зачем тебе быть?!
Что будут стоять
Тысячи слов,
Когда важна будет крепость руки —
И вот ты стоишь на берегу
И думаешь — плыть,
или не плыть?!

Данила рассеянно озирался — просто так, для общего ознакомления. И вдруг словно

40.

споткнулся на ходу:
— Зёрна упали в землю, зёрна просят дождя —
Им нужен дождь.
Взрежь мою грудь, посмотри мне внутрь —
Ты увидишь: там всё
Горит огнём!
Через день будет больно,
через час будет больно,
через миг будет
Уже не встать!
Если к дверям не подходят ключи —
Вышиби двери плечом!..

Человек десять в самых разных костюмах со смехом и шуточками осаждали девчонку лет 14 — по возгласам было понятно, что они набиваются к ней на белый танец. Девчонка остроумно и весело отшивала их, держась при этом совершенно естественно в великолепном бальном наряде начала XIX века: белом платье с открытыми плечами, буфами и высокой талией. На шее звёздно поблёскивало холодноватым светом ожерелье, рыжие (не как у самого Данилы — тёмно-бирюзовые, а именно огненно-рыжие!) волосы покрывала тонкая сетка с зеленоватыми камешками. Девчонка повернула смеющееся лицо — правильное, ещё светлокжее, без загара, с большими серыми глазами — и её взгляд, весёлый и искристый, как волосы, скользнул вокруг, наткнулся на Данилу... и стал каким-то рассеянным... а улыбка — слегка наклеенной, словно задумалась девчонка о чём-то постороннем.

А Данила... что Данила? Он только удивился вдруг, что всё осталось прежним. Нет, правда! И ребята вокруг вели себя так же, и свет не загорелся ярче, и музыка играла по-прежнему с эстрады, а не с небес. Странно, странно — неужели никто не замечает, что здесь стоит эта девушка?! Да что они — слепые, что ли?!

Сердце забухало вразнобой, словно не кровь качало, а солярку какую-нибудь, или мазут. Данила сообразил, что не дышит и поспешно, со свистом, вобрал воздух.

— Кто это? — спросил он, толкнув локтём Олега и указывая подбородком на девчонку.

— Сестра Лешки, — ответил тот. — А ты не знаешь... Короче, это Клара Фоменко.

КАК СПОКОЙНО ОН ГОВОРИТ!

НЕУЖЕЛИ ОН НЕ ВИДИТ?!

Но Олег покачал головой и понимающе, необидно сказал:

— Ещё один пропал. Бесполезно, Данила. Она, как раньше говорили, топчет сердца у половины нашего брата в городе — от 12 до 18 лет.

— С чего ты взял?! — возмутился Данила.

— Что взял? — коварно спросил Олег.

— Что я... — Данила отчаянно смутился. — Короче, всё туфта, понял?! Я просто так спросил, понял?!

— Понял, понял, — примиряюще согласился Олег. — Пойдёшь приглашать на танец?

— Пойду, — решительно заявил Данила. В противоречие со всеми прежними заявлениями.

И ВСЁ-ТАКИ — ЧТО СО МНОЙ?!

ПОЧЕМУ Я ВИЖУ ЕЁ — А НА ОСТАЛЬНОЕ СЛОВНО ТУМАН ЛЁГ?!

ЭТО — ЭТО ЖЕ НЕ БЫВАЕТ ТАК БЫСТРО...

...ИЛИ БЫВАЕТ?!

Он шёл сквозь толпу к девчонке, которая внезапно стёрла собой весь остальной мир, только что такой шумный и яркий. И видел — Клара Фоменко тоже смотрит на него, пристально и как-то жалобно, механически продолжая отвечать на реплики мальчишек возле

41.

неё.

Остановившись, Данила отчётливо пришёлкнул каблуками и высоким, звонким голосом обратился к девчонке, замершей перед ним в своём великолепном бальном платье:

— Сударыня, я прошу вас — только один танец. Мой полк завтра уходит под деревню Бородино, и я должен унести с собой воспоминание о самой прекрасной девушке России!

В жизни он не говорил девчонкам ничего даже отдалённо похожего — и в мыслях не держал, просто постыдился бы. А сейчас сказал безо всякого смущения такое, от чего в другое время — сквозь землю провалился бы навывлет! Потому что — бал, вроде так и положено, не он говорит, а офицер лейб-гвардии егерского...

Солист на эстраде запел:

— Ты на свете одна —

ты одна,

— Ты одна,

как в ночи луна,

Ты одна,

как в году весна

И к тебе среди звёзд дорога!

Даже так

горячо любя,

Надо знать —

предстоит борьба,

Надо мне

победить себя

И соперников, коих много!

И всё-таки он удивился, когда увидел руку Клары, легко и изящно протянутую ему. Тонкую, светлокую и слегка подрагивавшую почему-то...

— Вот

моя рука!

Вот

моя рука,

Слово чести!

Сердце — на века!

Сердце — на века!

Знаю —

Будем вместе!

Ты звезда,

что вошла в пике,

Ты рассвет

на лесной реке,

Ключ от счастья в моей руке,

И моя побеждает песня!

И победный грохочет прибор...
Ты мне скажешь: "Любимый, стой!"
Ты мне крикнешь: "Любимый, стой!"
Будь по-твоему.
Будем вместе..."

42.

ГЛАВА 10

После танца Данила повёл даму угощать в буфет. Предложил он это с замиранием сердца, но девушка восприняла предложение, как нечто само собой разумеющееся и, опираясь на руку мальчика, величественно поплыла рядом с ним. Данила ловил на себе изумлённые, завистливые, весёлые взгляды незнакомых ребят и старался держаться именно как "старинный офицер".

Он заказал коктейли-мороженое себе и Кларе, и та, сделав первый глоток через трубочку, поинтересовалась:

— Видимо, Его Императорское Величество щедро оплачивает вас, офицер?

— Совсем нет, сударыня, — грустно откликнулся Данила, — но мне было бы стыдно не потратить то небольшое, что у меня есть, на вас...

Клара засмеялась — и Данила застыл, сжимая высокий бокал с холодной смесью, почти задохнувшись от того ощущения, которое вызвал этот смех: казалось, кто-то рассыпает на серебряный поднос хрустальные шарики.

— Как тебя зовут? — дружелюбно спросила она, глядя на Данилу с откровенным весёлым интересом.

— Данила, — представился мальчишка. — А ты ведь Клара? Клара Фоменко?

— И только Клара, — уточнила девчонка, — никаких Лар, Ларочек и Клавочек... А меня Олег представил? Или братишка?

— Олег, — не стал скрывать Данила.

— Хороший парень, — ответила Клара. И добавила: — А я удивилась, когда ты позвал меня танцевать... так.

— А то бы отказалась? — вырвалось у Данилы. Клара покачала головой — зелёные камни ярко замерцали:

— Нет.

Вроде бы ничего особенного не сказала... а... эх да что там говорить!

Девчонки — беспощадные существа. Для них нет большего наслаждения, чем мучить ребят — не физически конечно, а именно морально, да ещё и следить при этом за тем, как "объект" страдает. Несмотря на летящие годы, меняющиеся нормы поведения и отношений, это остаётся постоянным — они чувствуют себя принцессами и с удовольствием вытирают ноги об этих смельчаков и умников, драчунов и остряков, отличников-ботанов и крутых двоечников, которые вдруг разом теряют все свои — и положительные и отрицательные — качества, оставаясь лишь при одном: распахнутых глазах и идиотской готовности выполнять любые прихоти своих богинь. И совершенно не понятно, откуда потом берутся жёны-стервы и мужья-придурки — да это и не очень интересует тех, кому по 12–15 лет.

Так бывает всегда. Кроме тех редких случаях, когда девчонка и мальчишка "попадают". И это случается с ходу, мгновенно, как в кино. (Редко, правда — поэтому большинство не верят, что такое возможно). Никуда не деться, да и нет желания куда-то деваться, а есть ощущение полного до глупости счастья при течении время то ли нулевом, то ли молниеносном — не разберёшь.

Это и был тот самый случай. Клара с порога увидела самого обычного мальчишку — хотя и незнакомого, но обыкновенного: высокого, плечистого, рыжеватого, одетого в

красивый офицерский мундир — старинный. Увидела и поняла — ВСЁ. Именно это слово и мелькнуло у неё в мозгу.

Его звали Данила. Он отлично танцевал бальный танец, не пыхтел, не наступал ей на ноги, а главное...

Главное — он был ей нужен. И всё тут.

...- У нас была собака, но её в прошлом году сбил грузовик, — ответил Данила на вопрос

43.

о животных. — Москва — не очень классное местечко для четвероногих. А так мы бы не прочь завести.

— У моей колли есть щенки, только они ещё маленькие. Если хочешь, через две недели возьмёшь любого, — предложила Клара. — Дарю.

— Можно мне тебя проводить сегодня? — вырвалось у Данилы, и он тут же с ужасом поправился, нашёлся. — Я же не знаю, где ты живёшь, как я за собакой зайду?

Клара засмеялась (без конца можно слушать, как она смеётся, на магнитофон записать и слушать!) и кивнула:

— Ага, ладно. Только сейчас пойдём потанцуем, ага?

И они танцевали ещё, ещё и ещё, а потом снова пошли к буфету, чтобы угоститься добавочно. Потом Клара извинилась и убежала, сказав, что она на "секундочку", а Данила остался балдеть "у стойки". Только тогда к нему подошёл Олег и с немалым удивлением сказал:

— Ну ты даешь! Жаль, что я не поспорил с Джеком — кто же знал, что она... — он не договорил и повторил: — Ну ты даешь.

— Отличная девчонка, — блаженно пояснил Олег. — А её отец, он кто?

— Покойник, — без тени иронии ответил Олег. — Год назад он погиб в Чечне, он ОМОНовцем был, офицером. А мать инженер в стройфирме.

Вернулась Клара. Шутливо и грациозно присев, она поприветствовала:

— Доброй ночи, Олег.

— Очень доброй, Клара, — в том же тоне ответил Олег. Даниле вдруг показалось, что он с девчонкой не в очень-то хороших отношениях... И ещё Данила подумал — не иначе как и Олег подбивал к ней клинья. И, может быть, и сейчас... не зря же он один, без пары! Мысль эта была не очень приятной, но при взгляде на Клару все неприятные мысли обращались в свою противоположность; — Ладно, вы веселитесь, а я пойду! — он широко улыбнулся, отсалютовал Даниле кулаком и скрылся в толпе.

Если честно — Данила тут же о нем забыл. Они с Кларой купили по мороженому — лимонное для Данилы и с вишнями и шоколадом — для Клары — и заговорили снова. Данила вдруг обнаружил, что ему очень легко говорить с девчонкой. Обычно они интересовались одной-двумя темами (ДиКаприо и барахло; барахло и попса; ДиКаприо и попса; "загранка" и барахло; ДиКаприо и "загранка") и любые другие отвергали либо ледяным молчанием либо репликами типа "гонишь" и "да ну". Часть из них просто была непроходимо тупа, часть — напротив, здорово развита и отчётливо прикидывала, какие блага можно поймать через Данилу с его матери. Блага опять-таки в виде "загранки" и барахла. Зато на интересующие их теме они трещали как зенитки, отбивающие атаку "юнкерсов" — одной бесконечной очередью. То ли Даниле не везло... а скорее "столица" и элитная школа располагали к высокой концентрации именно таких девиц.

Клара же поддерживала любую тему. А так говорят только с человеком, который не просто собеседник. Который тебе нравится именно как ЧЕЛОВЕК. Тогда всё равно, о чем с ним говорить — любая тема одинаково интересна. Даже та, которая тебе обычно — по барабану.

Было уже около двенадцати. Расходиться никто не собирался, двери из зала были распахнуты настежь, народ шастал туда-сюда. Данила и Клара успели ещё потанцевать, а

потом ушли в школьный коридор, куда открывались двери классов.

Тут было почти темно. Данила искоса следил за Кларой — её силуэт то уплывал в тень, то возникал в полосах лунного света. Платье чуть слышно шуршало.

— Офигенное здание, — заметил Данила.

— И все равно то и дело на кого-то натыкаешься, — сообщили из тени возле одной из дверей, послышался девчоночий смех, парочка шмыгнула в параллельный коридор. Клара

44.

тоже засмеялась. Данила шёпотом ругнулся и спросил:

— А выше что?

— Такие же коридоры, — пояснила Клара. — Ещё выход на башню, с неё когда-то гимназисты город рассматривали.

— Пошли? — загорелся Данила. Они поднялись по широкой каменной лестнице с вытертыми посередине прогибами ступеней, охраняемой с боков черными гранитными фигурами рыцарей, стоящими в стенных нишах. С половины, от широкой площадки, лестница разделялась на два рукава.

— Мы очень подходяще одеты, — шепнула Клара, останавливаясь и опираясь на согнутую руку Данилы, чтобы поправить туфлю. — Днём тут всегда полно народу, а сейчас — как в рыцарском замке.

— Тут нет призраков? — в шутку спросил Данила. И услышал совершенно серьезно:

— Ты знаешь, что во время войны тут одно время было здание гестапо? Они наш госпиталь заняли, всех раненых перебили прямо в палатах и устроили штаб... Потом, когда наши прошли, тут единственное место оказалось, где шёл бой — гестаповцы удрать не успели, а сдаваться им всё равно было без пользы. Вот. С тех пор тут иногда видят призраки фашистов. Они ставят опыты в химическом кабинете.

— Прикол? — ошарашено спросил Данила. Клара покачала головой:

— Даже фотки есть... Наша газета про это несколько раз писала. И про химический кабинет правда... Вот тут можно направо, можно налево.

— Странная кладка какая-то, — заметил Данила, всё ещё переваривая известие о гестаповцах-химиках. — Вот тут не такая, как везде. И вот тут...

— Тут были дыры от танковых снарядов, — буднично пояснила Клара. — Во многих местах. И потолок наверху почти весь был обрушен. В музее есть фотки школы — какой она в войну была.

Они поднялись по ещё нескольким лестницам на четвёртый этаж и остановились перед узкой дверью, похожей на дверь подсобки.

— Тут не закрыто, — пояснила Клара, бесшумно распахивая дверку. — Пошли?

Разбужденные шагами голуби питюкали где-то под остроконечной крышей. Широкие окна — скорее даже проёмы — выходили на четыре стороны света. Отсюда в самом деле открывался вид на весь город — а дальше лежали под луной поля, луга, посверкивала полоска реки, темнели рощи и перелески... Тут и там горели огоньки полуночников, тянулись цепочки фонарей — их ещё не погасили. В черном небе чеканно блестел рисунок созвездий, а между ними двигались два огонька — летящие самолёты.

— Знаешь, а я мечтаю стать военным лётчиком, — Клара оперлась на стену высоко поднятой рукой, склонила голову на плечо.

— Ты? Но ты же девушка! — не сдержался Данила. А Клара не обиделась:

— Есть девушки-лётчицы. В США, в Англии, в Израиле...

— А почему именно военным? — поинтересовался Данила.

— Скорость, — мечтательно сказала Клара. — Полёт. Машина у тебя в руках, и не по ниточке рейса идёт, а как захочешь... Я в аэроклубе РОСТО занимаюсь.

В проёмы задувал прохладный ветер. Клара поёжилась, и Данила, тут же сняв мундирную куртку, набросил на плечи девушки, стянул на груди и хотел отступить, но Клара тихонько сказала:

— Подожди, я сейчас кое-что сделаю... — она качнулась к мальчику, и тёплые, мягкие, чуть влажные губы прикоснулись к его щеке пониже скулы. — В Москве целуются лучше?

— Можно мне? — вместо ответа спросил Данила. И увидел, как наклонилась, сверкнув камешками в сетке, голова его недолгой знакомой...

45.

...Бал плавно перешёл в групповые посиделки: многие уже расходились по домам или компаниями куда-то. Школьный оркестр без слов наигрывал что-то лирическое. Группа ребят и девчонок стояла у подножья лестницы — среди них был Олег, Джек, Сашко, взявшийся непонятно откуда — он и окликнул Данилу:

— Эй, москаль! З нами пойдёшь? Мы до парка.

Олег за спиной Сашко сделал не очень приличный жест и поморщился:

— Трепло.

— Не, ребята, — Данила покосился на свою спутницу, — Я Клару провожу.

Сашко, похоже, хотел что-то сказать, но Олег пнул его коленом под копчик и сделал невинное лицо, когда тот обернулся. Олег-тёзка, выходящий как раз из спортзала, мимоходом предложил:

— Москвич, ты заходи к нам, когда захочешь.

...Парней было трое. И, судя по запаху, они шли не из бала в школе. По интонации разговора, ведшегося на повышенных тонах и пересыпанного матом, это можно было понять ещё лучше.

— Давай повернём, — сказала Клара, крепко сжав локоть Данилы. — Это Витаха с приятелями, меня не тронут, но до тебя обязательно домотаются.

— Не бойся, — тихо ответил мальчишка, оценивая противников. Только один был с него ростом и шириной плеч. Двое других — покрупнее. Весьма обычная история — трое прибалдевших от выпивки и безделья переростков.

— Данила, их трое...

— Не бойся, иди рядом со мной, — так же тихо и спокойно, почти отстраненно, сказал Данила.

Те трое шли навстречу, занимая почти весь тротуар — развинченной походкой никуда не спешащих людей. Они тоже замедлили шаг, но Данила шел прямо на них — и троица расступилась. Правда, слишком узко — так, что можно было учуять запах спиртного и фруктовой резинки. Но Данила спокойно и жёстко — на ходу — отодвинул одного плечом, и они с Кларой прошли, не сбавляя и не убыстряя шаг, не теснясь друг к другу.

Свисток раздался вслед, когда они уже отошли шагов на десять. Такой негромкий, но паскудненький свисточек: мол, шагайте, мы сегодня добрые...

Данила и сам не помнил, как оказался вновь лицом к лицу с теми тремя. И сухо, отрывисто спросил:

— Кто тут под Соловья-Разбойника косит?

Наверное, было что-то ТАКОЕ в его голосе, в позе, да и просто в решительности незнакомого поддавшим придуркам мальчишки, отчего они сперва попятились — все трое — а потом, быстро повернувшись, почти побежали по улице.

— Пошли, — громко сказал Данила, подавая руку Кларе. — А то тут сортиром воняет.

Никто из тех троих даже не замедлил шаг.

... - Ты что, железный, что ли?

Это были первые слова Клары с момента неприятной встречи. И сказала она их уже около своего дома. Данила пожал плечами — ему было неловко.

— Почему железный?

— Их же трое было! Вообще они безвредны, но когда компанией и водки нюхнут — спасай добро, станичники! — Данила рассмеялся. Клара сердито продолжала: — А если бы они тебя отлупили?! Я бы не оттащила!

Вместо ответа Данила окинул взглядом дом — не такой большой и явно не такой

благоустроенный, как у них: с удобствами во дворе и колонкой для воды наискось, под каштаном.

46.

— Вот, значит, где ты живешь?

— Вот, значит, где я живу! — передразнила Клара. — Ты не ответил!

— Я бы стал драться, — Данила повел плечом. — Может, у них и не получилось бы меня отлупить.

— Теперь ты сможешь зайти за щенком, — вдруг сказала Клара.

— Через две недели? — вздохнул Данила, подумывая, не взять ли ему Клару за руку, чтобы немного придержать, чтоб не уходила так быстро.

— Сначала его нужно выбрать, — засмеялась девушка и ловко прыгнула в калитку.

...Домой Данила вернулся около двух ночи, никого своим появлением не разбудив. Костюм повесил в шкаф и свалился в трусах на кровать, которую не удосужился разобрать. Широко зевнул — и рассмеялся в полутьме комнаты. Таким счастливым он не чувствовал себя ни разу за все четырнадцать лет своей жизни.

— Клара! — громко сказал мальчишка, закрыл глаза и представил себе, как они целовались на башне. Потом — солнечные зайчики запрыгали по заводи озера... или это было не озеро, Данила не мог понять... и они с Кларой ловили солнце ладонями, его свет, похожий на жидкий металл, но не раскалённый, а тёплый и пушистый...

Данила спал.

ГЛАВА 11.

Навестить "Хорт" он решил не откладывая. В воскресное утро небо хмурилось, и Данила влез в чёрную ветровку с золотой надписью "Я — СВОЙ!". А в удобный карман ветровки положил пистолет, решив теперь в связи с "усиленным режимом" без него никуда не выходить. Ну к чёрту! А то правда придешь в себя где-нибудь за пределами страны. Он, впрочем, по-прежнему не представлял себе, как это будет стрелять в живое существо, но пистолет придавал уверенности. Рекомендацию-разрешение, подписанное мамой, Данила спрятал в другой карман.

Несмотря на тучи — или благодаря им — на улице оказалось даже не тепло, а душно. В развалинах Данила едва не запутался, с большим трудом выбрался к заброшенному рынку и, огибая здание, добрался до парадного входа в клуб.

Если честно, ему было не по себе. В голове роились разные сцены жутковатых обрядов посвящения, воспоминания о тайных обществах, зомбировавших своих членов... Данила оставался настоящим подростком девяностых — то есть, в первую очередь индивидуалистом.

Пока он раздумывал — двери вдруг распахнулись, и наружу выскочил мальчишка в спортивном костюме — так, словно ему вlepили пинка. Слетев по ступенькам, он обернулся и заорал, сорвавшись в последнем слове "на петуха":

— Правду не замажешь!

Из дверей раздался демонический хохот, потом вылетел кед. Мальчишка — он был смуглый и черноволосый — в полёте отфутболил кед обратно, завопил: "Го-о-ол!" — и, подмигнув Даниле, побежал по улице.

Данила сделал глубокий вдох, решительно взбежал по ступенькам и, открыв дверь, оказался уже в знакомом вестибюле.

...Самым интересным было то, что на Данилу никто не обратил внимания, хотя народу тут оказалось полным-полно — все в форме или спортивных костюмах. На доску объявлений какой-то пацан клеил скотчем плакат, красочно извещавший о подготовке к концерту. С плакатом соседствовало сделанное на компьютере объявление о предстоящем походе в

плавни — предлагалось всем желающим пройти отборочный конкурс.

Данила помог, придерживав загибающийся край плаката, потом спросил:

47.

— А где Олег?

— Строев? Бескин? Филипенко? Гриценко? Кройц? Левко? — выдал парень с ходу несколько фамилий, поправляя берет и глядя на Данилу без какого-либо высокомерия.

— Кройц, — назвал Данила фамилию друга.

— В спортзале, — мотнул головой парень, — Знаешь, где?

— Ага, спасибо, — поблагодарил Данила.

Неподалёку из комнаты в комнату проскочил Джек — Данила попытался за ним сунуться, но навстречу попёрли с рюкзаками, палатками, чехлами и Данила все-таки отправился в спортзал.

Там народу было ещё больше, но в основном он стоял и орал около площадок — все они оказались заняты. На двух вроде бы боксировали. А на третьей...

Данила приоткрыл рот. На третьей сражались трое в тех самых доспехах, которые до этого красиво, грозно, но неподвижно висели на стенах. Сейчас эти доспехи оч-чень даже двигались — казалось, фигуры бойцов облиты жидким металлом; они напоминали робота из "Терминатора-2". Один — без щита — обеими руками держал большой боевой топор. У второго был треугольный щит и меч. Лиц сражавшихся не было видно за выпуклыми полумасками шлемов, увенчанных у того, что с топором — белым султаном, у его противника — драконьими крыльями.

Данила замер. Бой походил на страшный и завораживающий танец — мальчишке казалось, что вот-вот кто-нибудь из бойцов... брр! Данила не мог понять, что каждое движение тут выверено до миллиметра долгими тренировками — он только стоял и смотрел, как жутко сверкает сталь, да временами раздаётся её лязг или глухое "грбамм!" от удара топором о щит.

Топор в левой руке бойца вдруг описал шелестящую дугу — и воин с мечом, спасая ноги, подпрыгнул, а потом рухнул на спину от молниеносного удара обухом топора в грудь, над щитом. Победитель с ликующим воплем сорвал хвостатый шлем — и оказался Олегом...

...Тимур занимался с кандидатами на соседней площадке Тимур занимался с кандидатами на соседней, четвёртой площадке. Мечи у них были имитационные, но, похоже, достаточно тяжёлые. Олег даже не переоделся — подойдя поближе, поднял в руке, обтянутой кольчужной рукавицей, шлем, показывая, что хочет поговорить.

Тимур узнал Данилу и, дружелюбно улыбаясь, кивнул:

— А, поцарапанный! С чем пришёл?

— Тимур, он, — Олег мотнул мокрыми от пота волосами, — хочет к нам.

— Родители согласны? — Тимур положил "оружие" на плечо.

— Я принёс разрешение, — поспешно сказал Данила.

— Так... — Тимур откровенно смерил его взглядом. — Олег, смири гордыню и занимайся молодёжью. Пошли, Данила, поговорим.

...Кабинет Тимура оказался просто закутком, выгородкой в помещении, сплошь заваленным предметами, явно имевшие отношения к туризму, но зачастую не поддававшимся определению на взгляд Данилы. Ловко скользя между ними, Тимур открыл дверь выгородки и, щёлкнув выключателем, кивнул:

— Давай, проходи.

Кроме стола, трёх стульев, телефона на сейфе и стеклянной горки с кубиками, медалями и грамотами, внутри ничего не было. Тимур уселся на край стола и кивнул Даниле:

— Садись... Если я правильно понял — ты хочешь вступить в клуб?

— Да, кивнул Данила, спрятав руки между колен. Рот у него пересох, он зачем-то повторил: — Да, хочу.

— А можно спросить — почему ты так решил? — с искренним интересом

полюбопытствовал Тимур. — Ты ведь только что приехал?

48.

— Да... — Данила собрался с мыслями и заговорил медленно: — Понимаете... ваши ребята мне помогли... и, мне кажется я с ними подружился...

— Кроме того, тебе одному скучно дома, ведь так? — понимающе спросил Тимур. — И ещё — нравятся доспехи, мечи, оружие, нравится то, что тебе рассказали о стрельбах, о походах? Так?

— Ну... да, — согласился Данила.

— Так, — кивнул Тимур. — Ты занимаешься спортом?

— Конечно, — подтвердил Данила. — Боксом, футболом...

— А что ты думаешь о России? — неожиданно спросил Тимур.

— Я? — удивился Данила. — Ну... это моя родина... я её люблю... — он вздохнул и замолчал, пожав плечами.

— Это я слышал много раз, — внезапно и резко сказал Тимур. — В том числе — ты представить себе не можешь, от каких мерзких людишек! — он встал на ноги, прошелся по закутку, остановился у стены и, глядя на Данилу серьёзными глазами, продолжил: — Знаешь, сколько русских жило в Чечне в начале 90-х годов? Почти половина населения! Вот я думал-думал и не мог понять, как так получилось. Из чеченцев бандитов поддерживали далеко не все. Даже не большинство! Русских — почти половина! Так почему же бандиты так легко захватили власть? И другой пример. Время — почти то же, гражданская война в Югославии. Хорватия. В Хорватии сербов жило едва ли 30 %; а они не только смогли не пустить хорватов на свои земли, но и страну свою создали — Республику Сербская Краина — и армию, да ещё без помощи регулярных войск 2/3 Хорватии захватили, и хорваты с ними справились только когда технику, оружие и наемников из разных стран получили, да ещё инструкторов из Германии и США. Вот я и тут думал — как же так? Чем же русские — те самые русские, которые гордятся столькими победами! — хуже сербов? И знаешь, что я понял? — Тимур улыбнулся печально: — Слишком много мы пьем и говорим. Пьем и говорим, пьем и говорим, а реально давно разучились давать отпор. На любом уровне. Ты посмотри — сейчас даже мальчишки вместо того, чтобы драться, начинают хлюпать и хныкать! Там, где надо взять и сжать кулаки, они пищат, как девчонки и грозятся пожаловаться — папе, маме, телохранителю, Комитету по защите прав детства... Вот и вырастают те, кого голыми руками брать можно. Данила, одна из задач нашего клуба — главная задача! — воспитывать тех, кто любит свою родину не на словах, а на деле готов её защищать. Мы это сразу стараемся дать понять любому кандидату, чтобы ушли те, кто приходит к нам качаться или играть в исторические игрушки. "Хорт" требует от своих членов немалой самоотдачи. Ты, проще говоря, не будешь иметь морального права самоустраниться от проблем, которые сейчас обходишь стороной. Тебя будет касаться ВСЁ — или ты уйдёшь, а стоило ли тогда к нам поступать? Случается так, что выходные тебе хочется поваляться в постели — а от тебя требуют встать и отправляться разбирать кирпичи на стройке. Примерно так — понимаешь мою мысль?

— Понимаю, — задумчиво ответил Данила. — Я по правде не задумывался над этим, но я понимаю. Очень много "нельзя" и слишком мало "можно", так?

— Тебя это смущает? — поднял брови Тимур. — Данила, человек вообще начинается с этого великого слова "нельзя". Когда он говорит "хочу" и "дай" — это не человек. Это животное. Оно живет такими понятиями — ХОЧУ и ДАЙ. А вот когда он говорит себе "нельзя" — вот тогда он человек. Чем больше человеку разрешено — тем меньше в нём человека.

— Многие говорят, что это тоталитарная идеология, — выдал Данила. Тимур весело засмеялся:

— Ого! А ты не только спортом занимаешься! Молодец! А ну-ка — тут месяца два назад был один парнишка, он у нас не прижился. Вот он Голландией всё восхищался — там,

мол, доверие к людям, наркотики в аптеках продают — хочешь — бери, хочешь — не бери...
Как ты

49.

считаешь — это правильно?

— Это капитуляция, — твёрдо сказал Данила. Тимур кивнул:

— Ещё одно умное слово, но правильное. Капитуляция, совершенно верно — капитуляция перед "хочу" и "дай", вот, что это такое, а не доверие. Доверие — это когда с человека, много разрешив, много и спрашивают. БОЛЬШЕ, чем разрешили. Ну так как? ТЫ готов многое получать — и ещё больше отдавать? Хочешь, чтобы ТЕБЕ многое разрешали — и ещё больше требовали?

— Думаю, я смогу, — ответил Данила. — Мне часто не нравится то, что вокруг происходит, но одному трудно вмешиваться. Да и страшно.

— И тем не менее — за Мишку ты вступился, не раздумывая?

— Я не хотел с ними драться, — признался Данила, — так получилось.

— А ты вообще любишь драться? — поинтересовался Тимур.

— Ну... да вообще-то, — кивнул Данила.

— Этому мы тебя научим. Сейчас ты умеешь плоховато, — пообещал Тимур. Данила не возразил. Он только спросил:

— Так я вам подхожу?

— Решать будет Круг — совет Клуба, — пояснил Тимур. — Но едва ли там что-то будут иметь против тебя. Наоборот — скорее всего ты будешь принят без кандидатского стажа.

— Почему? — удивился Данила.

— А потому что ты уже успел немало сделать, — пояснил Тимур, — и это вполне может быть зачтено в стаж... Но я хочу тебя ещё кое о чём предупредить, — Тимур вздохнул, как будто вспомнил что-то очень досадное и неприятное: — Ты ведь будешь учиться в нашей школе?

— Конечно, — непонимающе ответил Данила. — Она же у вас одна.

— Часть педагогического коллектива относится к нашему клубу с ОЧЕНЬ большим неодобрением, Данила. Настолько большим, что это влечет как бы... ну, скажем, репрессии по линии учёбы.

— Я хорошо учусь, — с гордостью ответил Данила, — меня нелегко завалить, — мальчишка подумал и спросил: — А если не секрет — чем вызвана эта... ну, скажем, оппозиция?

— Неожиданно для самого себя он скопировал интонацию Тимура настолько точно, что похолодел внутренне и залился краской снаружи; показалось, что даже зад покраснел. Во всяком случае, сидеть стало горячо. Но Тимур захохотал, а потом, отмахнувшись рукой, сказал:

— Эта оппозиция... ну, скажем... вызвана тем же, чем оппозиция бога к дьяволу и дьявола к богу. Борьбой за души — за ВАШИ души, Данила.

— А кто здесь кто? — поинтересовался Данила. — Серьёзно: кто бог, а кто дьявол?

— Ты хочешь знать — не продашь ли душу? — по-прежнему весело спросил Тимур, а Даниле на миг показалось — сейчас он достанет из-под стола контракт и предложит подписать его кровью. — Мы души не скупаем. Мы их сами ОТДАЁМ — России, навсегда, и это надёжнее того контракта, о котором ты подумал.

— Если России — то я, пожалуй, согласен, — ответил Данила. — А можно ещё кое-то спросил?

— Конечно, — кивнул Тимур.

— У вас есть настоящие рыцарские доспехи?

— Разве ты не видел? — удивился Тимур. Данила кивнул:

— Нет, видел, но я имею в виду НАСТОЯЩИЕ.

— Снова здорова! — вдруг застонал Тимур. — Да когда же эту чушь изымут из школьных учебников?! Ты о тех, которые весили пятьдесят килограммов, стоят во всех музеях и в

50.

которых рыцарь не мог самостоятельно подняться с земли? — в голосе Тимура прозвучала непонятная издёвка.

— Э... да-а... — уже неуверенно ответил Данила. Тимур удовлетворённо кивнул:

— Так. Ты про Жанну д'Арк читал?

— Читал...

— Тогда ответь мне: как простая крестьянская девушка, никогда в жизни до того не носившая лат, могла в них взбираться по лестнице, прыгать в ров, вообще существовать — если они были такие тяжёлые и неудобные? Ведь всё это она делала, в летописи сказано и картины есть!

— Не знаю, — признался Данила. Тимур кивнул:

— Конечно, не знаешь. И никто не знает, просто твердят так... На деле-то самые тяжёлые рыцарские латы весили не больше 30 килограммов и по внешнему виду мало чем отличались от доспехов русского витязя. Поставь рядом дружинника Александра Невского и крестоносца из вражеского войска — только по гербам и символам отличишь... ну, по шлему ещё, а по доспеху или оружию — никогда. Дальше: первые латы рыцарь — будущий рыцарь — получал в пять-семь лет! В пять-семь! И к четырнадцати-пятнадцати годам он в них мог бегать, прыгать, вскакивать в седло без стремян и даже плавать!

— Подождите, подождите, — запротестовал ошарашенный Данила, — а то же самое Ледовое побоище, его что, не было, что ли?! Рыцари тонули...

— Тонули, — кивнул Тимур. — Но почему тонули? Представь, что ты несколько часов кряду сражаешься с врагом. Потом поймёшь, что это такое — от тебя пар будет валить, как от лошади. И ты вот такой разгорячённый попадаешь в апрельскую воду. Мгновенный паралич сердца.

Данила потёр лоб.

— Я об этом не думал, — признался он. — А как же эти доспехи? Я был в Эрмитаже, в Оружейной Палате...

— Да никак, — объяснил Тимур хладнокровно. — Их никто никогда не носил. Стояли просто как украшения. Ты читал, что они не полезли даже 14-летним школьникам, когда проводили эксперимент?

— Смотрел фильм, — согласился Данила. — Но это потому, что люди раньше были...

— Такие же, как сейчас, даже выше, — спокойно закончил Тимур. Данила возмутился:

— Да нет, ниже!

— Ты послушай, — поднял ладонь Тимур. — В Швеции раскопали захоронения в местечках Вендель и Вальсгарде. В Англии — Саттон-Ху, у нас много где. И везде — везде! — средний рост людей равен 180–185 сантиметрам. "Коротышка" был 175 — это в Венделе. А находили скелеты людей ростом выше двух метров, и нередко! Так что доспехи эти музейные никто никогда не носил, украшения это были, и все. Сражались-то в более легких и удобных — вот как раз как у нас в клубе. Правда, — Тимур кивнул, — были семидесятикилограммовые доспехи, одетого в них рыцаря на коня сажали специальной балкой. Но появились такие ТОЛЬКО в XV веке и использовались ТОЛЬКО на турнирах. Их несколько экземпляров сохранилось тоже. А вообще люди тех времён были крепче нас. Когда мусульмане захватили в плен одного из руководителей первого крестового похода и заковали его в кандалы, он сумел не только бежать от врага, но и переплыть в оковах реку Евфрат. И спасся. Вот так-то, Данила, так-то...

ГЛАВА 12

Данила вернулся домой поздно вечером — Светлана Александровна была уже и, что не было на неё похоже, возилась на кухне.

51.

— Думаю, теперь тебе не будет скучно, — Светлана Александровна как раз доставала из микроволновки (недавно купленной) тарелки с жареной рыбой.

— Я тебя всё равно не брошу, — пообещал Данила, усаживаясь на табуретку.

— Да я уже не скучаю, — Светлана Александровна присела к столу, внимательно посмотрела на Данилу. — Откуда у тебя пистолет, мой скрытный сын?

Данила окаменел. В мозгу вереницей пронеслись какие-то бессвязные картинки и отдельные слова, даже междометия. Жареной рыбы ему уже не хотелось. Хотелось оказаться подальше отсюда и сунуть голову под подушку. Но молчать было нельзя — Светлана Александровна совершенно явно ждала ответа. Данила проглотил трудный комок и открыл рот.

— Не врать, — предупредила мама. — Можно сказать, от этого зависит твоя дальнейшая судьба.

— Данила рассказал всё, хотя и конспективно — но ничего не утаивая. Потом достал из кармана пистолет и положил на стол.

— Ма, не надо его забирать, — попросил он, совершенно ни на что не надеясь. И расширил глаза изумлённо, услышав в ответ:

— Не буду. Лучше беспокоиться насчёт оружия у ТЕБЯ в руке, чем... — она поморщилась.

— Чем ещё у кого-то — при том, что у меня его не окажется? — спросил Данила, не веря своему счастью и даже сомневаясь: его ли это мама?!

— В общих чертах верно, — согласилась Светлана Александровна. — А пистолет солидный. Это ТТ?

— Тульский Токарев, — гордо сообщил Данила, словно представив своего лучшего друга. И добавил: — Ма, я завтра хотел пригласить одну девчонку к нам, а потом — в видеобар, есть тут такой.

Неожиданно для самого себя добавил — сказал и почти испугался, но мама кивнула:

— Конечно, пригласи... Эй, ты хочешь подбить меня сделать в честь гостя торт или что-то в этом роде?! — с искренним ужасом спохватилась она.

— Нет, что ты! — засмеялся Данила. — Просто завтра понедельник, ты, по-моему, хотела остаться дома, а тут мы припрёмся. Может, нам сразу...

— Ни в коём случае, — решительно заявила Светлана Александровна. — Когда ещё выпадет случай познакомиться с будущей невесткой?

— Ма-а-а!.. — Данила наконец подавился рыбой. Мама засмеялась, осторожно коснулась пальцами рукоятки пистолета. Покачала головой:

— Кто бы мог подумать!

Не объяснила — что и как. Всё и так было ясно.

— ...Перед сном Данила пытался дозвониться Кларе, но трубку взяла какая-то мелочь, долго лепетала по-украински, а потом сообщила, что "Лары неть". Данила подумал и позвонил Олегу. Его мать ответила, что Олег в клубе. Данила позвонил и туда — трубку, несмотря на поздний час, взял Сашко.

— Здоровеньки булы, — сказал Данила. Сашко хихикнул и поинтересовался:

— Тоби чого, москаль? — подумал и добавил: — Клятий.

— Ты не знаешь, где может быть Клара? — поинтересовался в свою очередь Данила, решив, что Олегу незачем знать.

— Знаю, — охотно ответил Сашко, — записывай телефон.

— Данила записал его маркером на крышке своего компьютера и осведомился:

— А что за телефон?

— Дремучий ты, — удивился Сашко. — То ж девчоночий клуб при Доме Молодёжи. Это на Пушкина.

52.

— Ага, спасибо, — поблагодарил Данила.

— Не на чем... Поздравляю.

— С принятием в "Хорт", — добавил Сашко и положил трубку.

...Тут тоже ответил сразу.

— Клуб "Хозяйка" слушает, — откликнулся весёлый девичий голос.

— Можно попросить Клару Фоменко? — неуверенно сказал Данила.

— Сейчас, — без удивления или ехидства отозвались там, и через полминуты Клара воинственно рявкнула:

— Колы вже ты, Лёшка...

— Клара, это я! — громче, чем нужно, завопил Данила.

— Ой, привет, — смутилась и обрадовалась девчонка, а Данила отметил — узнала сразу! — Извини, тут Лёшка звонил несколько раз... Ты чего?

— Клара, я что хотел сказать... — Данила вздохнул: — Пойдёшь завтра со мной в видеобар?

— Вечером? — деловито осведомилась девчонка.

— Ну да.

— Конечно, пойду, — она не спросила даже, что там будут крутить, да и сам Данила этого не знал. Он не положил трубку — тихо сказал:

— Я тебя люблю, слышишь?

— Да.

— Ты там не одна — ты просто скажи, а ты...

— Да... Ты заходи за мной, я буду ждать...

... - Да-ни-ла! Да-ни-ла!! Да-ни-ла!!!

Словно "кричалки" в Крылатском, звучали за окном весёлые мальчишеские голоса. Данила вскочил с постели, ещё толком не проснувшись, подбежал к окну, рывком распахнул его — скрипнули штапики — и вывесился наружу до пояса.

Олег, Сашко, Джек — все торе были здесь, с велосипедами. На багажнике велосипеда Сашко восседал Мишка. Мальчишки были одеты в потрёпанные джинсы (Джек в армейские брюки-песчанку) и яркие, но тоже не новые тишотки.

— Вы чего орёте? — сердито спросил Данила. — Семь часов...

Внизу захохотали. Олег откликнулся:

— Правильно, а через полчаса мы начинаем работать! Давай вылезай!

— Одень, что пострашней, — добавил Джек.

— Эй, я сейчас!

Данила отскочил от окна, как ошпаренный. Метнулся к кровати, в два взмаха застелил её. Прыгнул в ванную, обогнув маму, которая пришла узнать, что за рёв под окнами. Светлана Александровна так и не успела сориентироваться в обстановке — её ненаглядный первенец, на бегу влезая в жуткого вида майку (и где только выкопал, она и не заметила, а то б выбросила давно!), с грохотом промчался по дому, рявкнув из-за двери:

— Ма, я пошёл есть не хочу когда вернусь не знаю!

Светлана Александровна в окно увидела, как Данила на ходы прыгнул на велосипед, и мальчишки покатали по улице... Явно не к экзаменам готовиться... Женщина посмотрела на часы. Семь?! Ну уж нет! Сегодня у неё выходной!

Решительным шагом она направилась в спальню.

... - Что собираемся делать? — осведомился Данила, когда они, нажав на тормоза, катили по спуску к речушке.

— Разбирать завал недалеко от клуба, — с гримасой ответил Сашко, — робить до ниши.

— Между прочим, тут военные жить будут, — напомнил Джек, — такие же, как наши отцы.

— Между прочим, развалить можно было и поаккуратней, — возразил Сашко.

53.

— Ну да, — кивнул Джек, — ты у нас лихой подрывник....

— Ого, так он ещё и подрывник?! — удивился Данила. Олег сообщил:

— Болтун он.

— Да нет, это я заметил, — кивнул Данила, — но, может, по совместительству...

— Эй, новенький! — грозно сказал Сашко. — Ты не забывай, что ты ниже меня по рангу, и я могу...

— А догнать меня ты сможешь?! — Данила отпустил тормоза.

Джек и Олег со свистом и улюлюканьем покатались следом.

— Эй, я с грузом! — возмущенно заорал Сашко. — О-от козлы!

... Данила и знать не знал, что на разборе завалов на месте спасённых зданий могут пригодиться люди. Оказывается, могут, да ещё как! Работы было много, — но работающих тоже, получался такой воскресник в понедельник. Однако, разбирать завалы было тяжело, загружать грузовики — тоже, а день, как назло, начинал набирать обороты жары. Погода вообще последнее время сдвинулась — весна с зеленью и температурой за двадцать приходила в апреле, а в начале мая начинались холода, чтобы смениться жарой или дождями... Сперва Данила начал злиться — повезло, отыскал занятия на каникулы! — потом слегка обалдел от работы и вошёл в ритм. Между тем работающие кругом ухитрялись шутить, смеяться и подкалывать друг друга. Когда все-таки начали уставать — солнце вылезло к зениту — на здоровенную бетонную глыбу ловко взобрался худощавый парень, ему кинули поцарапанную гитару на патронной ленте, парень поймал её одним движением, просунул шею под ленту, перехватил инструмент для игры...

— В ущелье, где днём отдыхает луна,

И черные камни — как будто стена,

Вдали от дорог

Бежит ручеёк,

Торопится по валунам!

И разве такая большая беда —

Всё время спешить неизвестно куда?!

Достаточно знать,

Что нужно бежать —

На это она и вода!...

Под песни и в самом деле работалось веселей. А у парня оказался неистощимый репертуар. Он допел одну песню, спел наutilusовскую "Америку", "Марш космических негодяев" Высоцкого, "Сказку" ДДТ, "Эй не спеши нас хоронить" ЧайФ, две толи афганских толи чеченских... Потом по дороге показались несколько велосипедов — на них прикатили девчонки, и Тимур, посмотрев на часы, замахал руками:

— Пе-ре-кур!

В термосах и сумках привезли бутерброды и разную воду. Данила стащил через голову майку, расстелил её на обломках кирпича... и увидел спешащую к нему Клару.

— Привет, — она, словно это было привычным делом, поцеловала мальчишку в щеку, протянула стаканчик апельсиновой "фанты", накрыв двумя бутербродами. — Нарботался? Пойдём в видеобар, или спать ляжешь?

— Пойдём, — решительно заявил Данила, подумав, что пойдёт с ней куда угодно, даже если ему отрубят ноги. — А себе взяла?

— Я поела, жуй, жуй, — она устроилась на кирпичах, обмахнулась ковбойским стенсоном из джинсовой ткани. — Пойдём прямо отсюда?

— Давай сначала ко мне зайдем, — Данила проглотил кусок бутерброда и добавил: —

Я по крайней мере переоденусь, ага?

54.

... Видеобар "Голубая лагуна" (безо всякого подтекста, который мог бы прийти на ум недавнему столичному жителю Даниле) располагался в здании давно закрытого кинотеатра. Данила так и не узнал заранее, что там крутят в каком из залов. Дома он больше всего опасался, что Люська что-нибудь отмочит. Но сестричку очевидно до глубины души поразила красивая, уверенная в себе Клара, поэтому Люська ни разу не брызнула ядовитостью и вредностью — только зачарованно смотрела на гостью. Светлана Александровна вспомнила мать Клары, с которой, как оказалось, вместе училась, а Клара рассыпала вокруг очарование, словно горох.

И вот сейчас они под руку подходили к зданию "Голубой лагуны".

— Смотри, Сашко, — удивилась Клара, внезапно останавливаясь. Данила оглянулся.

Сашко выскочил на площадь перед бывшим кинотеатром из бокового проулка — на велосипеде, стоя над седлом. Вот он бросил велик, бегом помчался навстречу, остановился в нескольких шагах.

— Данила! — выкрикнул он. Потом — тише, сбивчиво: — Данила, твоя мать... она в редакцию ехала... — он сглотнул.

— Что случилось? — Даниле показалось, что он внезапно оглох, только слова Сашко звучали гулко, словно то кричал в приставленную к уху Данилы трубку.

— В неё из развалин стреляли, — Сашко ткнул куда-то рукой. — Из "Винтореза" стреляли.

— Она жива, — спросил Данила. Он стоял на краю пропасти, оттуда тянуло льдом и, чтобы не упасть, мальчишка вцепился в руку Клары. — Жива?!

— Не знаю, — выдохнул Сашко. — Того, кто стрелял, менты сцапали сразу, и еще в гражданке какие-то. Она... не знаю.

— Давно? — Данила покачнулся. — Мы же только ушли...

— Минуту назад...

Сашко что-то говорил, говорил, перескакивая с русского на суржик и обратно, а Данила думал — минуту. Минуту. Может быть, она умерла, она могла умереть за эту минуту. Она могла умереть сразу. Её могли убить сразу. Она — кто ОНА?

Мама.

Данила посмотрел мимо Сашко. Но тот подошёл ближе, дёрнул Данилу за плечо, сказал:

— У меня отца в командировке, в Таджикистане, ранили. Два года назад. Он умирал. Так меня один парень научил — если плохо... очень плохо... сделай так и кусай изо всех сил, — Сашко прикусил сгиб большого пальца и повторил: — Ижо вшех шил.

Данила отпустил ладонь Клары и, медленно поднеся пальцы ко рту, закусил большой палец — изо всех сил.

Хрустнуло. Солёная кровь брызнула в рот. Данила закусил сильнее... Чья-то ладонь — с наливающимися синяками — силой отвела его руку от губ. С пальца закапало, его жгло толчками.

Стало легче. Клара — это её рука, это ей он сделал синяки... Нет — правда легче...

— Прости, — хрипло сказал Данила, — я не хотел тебе... больно. Сашко, дай свои колёса, мне ехать надо.

— Поедем вместе, — предложил Сашко.

... Светлана Александровна Серёгина была легко ранена пулей из специальной снайперской винтовки. Никто не ожидал, что у киллера окажется "Винторез" с тяжёлыми бронебойными пулями — установленное оперативниками Воронежского УФСБ бронестекло не выдержало, и пуля, хотя и не попала в голову женщине, разорвала ей мягкие ткани правого плеча. Сам киллер был задержан тут же, на месте, засадой оперативников ФСБ, которыми и была подготовлена операция, где Светлана Александровна согласилась играть

роль, которую

55.

не успел сыграть её отец — роль живца.

Вскоре в Ростове-на-Дону была обезврежена преступная банда Капитана. Попались практически все, рухнула система отлаженной перекачки заработанных на криминале денег в южные горы, бандитам. Но самому Капитану с несколькими его близкими соратниками удалось скрыться — их след вёл на юг. Ему предстояло объясняться в провале работы...

Данилу Серегина торжественно приняли в С.П.Ю.К.И.Ф. "Хорт".

КОНЕЦ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ЧАСТЬ 2.

БОЛОТНАЯ НЕЧИСТЬ.

Совесьть —

Это нравственная категория,

Позволяющая безошибочно

Отличать дурное

От доброго.

Ю. Ким

"Баллада о совести".

56.

ГЛАВА 1

Кончился непредсказуемый, дождливый июнь, и в июле пришло настоящее лето. Если кому и мешала установившаяся прочная жара, так только не мальчишкам. Они воспринимали такую погоду, как должное.

Был уже вечер, но Данила собирался в клуб. Именно по вечерам там было интереснее всего — это он успел усвоить. Стоя в трусах перед зеркалом, он с удовольствием рассматривал свою спину. Раньше, как оказалось, она была слабовата, а сейчас при малейшем движении очерчивались твёрдые треугольники мускулов. Их пересекал шрам.

Данила, заведя руку за спину, коснулся шрама пальцами и потянулся к летней форме, сложенной аккуратно на стуле: рубашка с короткими рукавами, шорты, ремень, берет. Алуо

полосу на погонах уже украшали не одиночные ромбы дружинника, а парные. Стройником Данила стал несколько дней назад, вызвав лёгкую зависть такой головокружительной карьерой меньше чем за месяц...

... Вскоре после принятия Данилы в "Хорт" Астафьев, заезжая в очередной раз в Горенск-Колодезный, привёз несколько комплектов доспехов. Данила уже знал, что они не бутафорские и очень дороги, поэтому даже как-то не поверил, когда один из комплектов вручили ему. У него был уже свой пентбольный автомат и туристское снаряжение, он успел пострелять из "калашникова" на полигоне и из мелкашки и газобалонников — в тире клуба, но именно это оружие вызывало в нем чувство, близкое к робости: куполовидный шлем с выпуклой полумаской, кольчужным назатыльником-бармицей и коваными нащёчками, украшенный султаном из конского волоса; почти негнувшаяся, кожаная куртка с нашитыми на груди, спине и плечах стальными пластинами; проклёпанные сталью наручьи, доходившие до локтей и соединявшиеся у запястий с тонкими кольчужными трёхпалыми рукавицами; высокие стальные поножи; широкий кожаный пояс с бронзовой пряжкой; рубашка, штаны и сапоги с завязками на верхнем краю; круглый щит из дерева, обтянутого кожей и обитого по краю и центру бронзой, с нарисованным гербом клуба; чёрный, тяжёлый плащ с плечевой застёжкой; копьё с длинным наконечником, похожим на гранёную иглу; топоры — метательный, с небольшим треугольным лезвием и второй, "бородатый", как его называли — для рукопашной; длинный нож в ножнах мехом наружу; большой лук, колчан со стрелами

(правильно — тул, и с этим инструментом Данила ещё не совсем научился управляться); наконец — меч с сумрачно-серым лезвием, широким и недлинным, по центру которого шла глубокая выборка — рукоять меча закрывало переплетение двух восьмёрок.

В средние века это вооружение обошлось бы в 25–30 голов скота. Тут не врал. И оно не казалось особенно тяжёлым — Данила понял это, когда впервые, не в силах сдержать откровенное нетерпение, надел всё и прошёлся по спортзалу под грохот мечами в щиты.

Две недели назад клуб практически в полном составе отправился в недельный поход по лесам вдоль реки. Поход был не просто — поход, а исторический. Часть хортовцев изображала дружину викингов, забравшуюся в эти места, остальные — славян-россичей, стремящихся перебить непрошенных гостей.

Тяжелёхонько оказалось, если честно. Но тяжесть похода с лихвой искупили царившая в нём атмосфера, великолепные приречные пейзажи, а главное — непередаваемая романтика вернувшегося прошлого. Данила научился спать, завернувшись в плащ; видеть над головой, засыпая и просыпаясь, звёзды; петь песни, которых раньше даже не слышал — в том числе, на древнескандинавском языке, странном и протяжном, похожем на все европейские языки сразу...

...Он хорошо помнил эту ночь. Прошёл дождь. Они спали на берегу, устав от перехода душным, предгрозовым днём. Данила никак не мог уснуть, хотя все остальные давно сопели, только иногда слышался шорох из кустов — там коротали ночь дозорные. Данила лежал,

57.

бездумно поглядывая на воду реки, где серебрилось отражение ущербной луны... и вдруг отражение разбилось, и прямо из-под воды бесшумно и быстро стали возникать люди. Они поднимались и брели к берегу, волоком переставляя ноги по дну, без плеска, без шороха, отводя перед собой камыши тусклыми лезвиями мечей, топоров и копий (оружие с собой взяли тренировочное — точные пластмассовые копии боевого; в поход шли и новички, так что рисковать не стоило).

И тогда Данила заорал. Заорал, что было сил, забыв, что на дворе XXI век, что перед ним и вокруг него — товарищи по клубу. Он видел славянских воинов, он знал, что дозорные проморгали атаку, он понимал, что сейчас будет гибель! И так, истошно вопя, подхватил меч, щит — и бросился навстречу босиком, в одних штанах...

А навстречу ему, косо поднимая меч и прикрываясь щитом, прыгнул кто-то, ночь

рявкнула: "Рось! Рось! Рось!" — но за спиной Данилы заорали в ответ: "Один! Вайан!(1) — и он понял, что успел, и засмеялся, принимая удар меча на щит...

Они отбились. Вот после того похода погоны Данилы и украсили — под откровенно завистливыми взглядами многих! — ромбы стройника.

...Данила как раз пристраивал перед зеркалом внизу берет, когда в дверь вошла Светлана Александровна. Всё ещё неловко двигая рукой, поставила на подзеркальник сумочку, ласково улыбнулась сыну:

— Уходишь?

— Мгум... Рука болит, ма?

— Нет, ничего... Люся спит?

— Да, я её накормил, — Данила промедлил, прислонился на миг головой к плечу мамы — для этого ему пришлось нагнуться — и спросил неловко: — Ты не обижаешься?

— За что? — мягко откликнулась Светлана Александровна.

— Ну... раньше я у тебя на работе бывал часто, а сейчас...

Светлана Александровна с неожиданно озорной улыбкой сдвинула берет сыну на глаза:

— Беги.

...На улице было жарко. Постепенно из канав, подворотен и теней под деревьями выползали сумерки. В безветрии застыли кроны деревьев, под которыми на лавочках сплошь и рядом сидели с видом полных хозяев бабульки, изредка — дедульки. Несмотря на поздний час, вовсю гоняла ребятня, занятая своими жизненно важными проблемами, играми и тайнами.

Данила не особенно спешил — шагал, как шагается, мысли были спокойные и весёлые. Что впереди два месяца каникул и как минимум один поход — Тимур сказал. Что Клара сейчас, наверное, уже дома, хотя они тоже в своём клубе тоже засиживаются, пока сторож не начнёт укоризненно кашлять и шаркать ногами в коридоре. Что погода хорошая, а в летней форме удобно и сидит хорошо. Что неприятности позади, а впереди — два месяца... и так далее по замкнутому кругу.

Вообще-то обязательными были занятия в клубе по вторникам вечером, в субботу и воскресенье — с утра... ну и разные мероприятия. Тогда необходимо было не опаздывать и являться в форме. Но и в остальные дни в "Хорте" с

1. Боевой клич германских племён. Один — главный бог (Вотан, Воден), "вайан" — "победа"

58.

раннего утра и до позднего вечера (а в каникулы — и за полночь!) торчали с разными делами или "просто так" множество ребят. Там было интересно, клуб ни от кого не закрывался и не делал тайн. Большинство членов и тогда, в обычные дни, приходили в форме, хотя это было и не обязательно, даже у знамени никто не стоял.

Бывали, правда, и тут исключения, и не всегда приятные. Три недели назад, когда Данила ещё не совсем освоился, клуб собрали в полном составе и под барабанный бой исключили одного из ребят — за то, что он в школе "ставил на счётчик" младших, обыграв их в расшибалочку — воскресшую древнюю игру, только вместо денег использовали яркие цветные фишки. Он, этот парень, ещё крепился, когда его поставили перед строем. Но, когда Тимур, ни слова не говоря, под рокот барабанов начал срывать с него погоны, нашивки, пуговицы с формы, снял ремень — вдруг заплакал. Стоял молча и плакал, только дёргался при каждом рывке всем телом. Скверное было зрелище, что там...

К счастью, как пояснили Даниле, за всю историю клуба такое случалось лишь в третий раз.

... - Данила Серёгин, если не ошибаюсь?

Отвлёкшись от своих мыслей, Данила повернул голову — и вежливо наклонил её:

— Здравствуйте, Роман Романович.

— Приятно видеть, что ты меня знаешь, хотя ещё и не учишься у нас, — улыбнулся Зайцев.

Историк выглядел сейчас совершенно не официально — в тренировочных штанах, майке, старой армейской панаме, с тяпкой на плече — явно шёл с огорода. — Поздновато для прогулок в одиночестве, мне кажется?

Это был вежливый вариант вопроса: "Куда ты идёшь?" Данила не делал из этого тайны, да и форма говорила сама за себя.

— Я не гуляю, я иду в клуб. "Хорт", вы знаете.

— А, в клуб... — лицо Романа Игнатьевича отчётливо выразило неудовольствие. — Что меня поражает, Данила, — вздохнул он, — так это какое количество неглупых ребят вроде тебя увлекается такой псевдоромантической чепухой. На самом деле неглупых и интеллигентных.

— Откуда вы знаете, что я неглупый и интеллигентный? — невольно улыбнулся Данила

— Я читал твоё личное дело и разговаривал с твоей мамой, когда она приносила бумаги и заявление... По-моему, такие клубы больше подходят для весьма ограниченных, туповатых подростков, в силу своей ограниченности не имеющих возможности найти себя в нормальной жизни и с детства ориентирующихся на армию. Ведь что такое, в сущности, армия? — Роман Романович плавно повёл свободной рукой — красивый такой жест... — Место, где за человека постоянно думают другие — тоже в достаточной степени тупые. Место, где само человеческое достоинство постоянно попирается сотнями нелепых требований, а бесценная человеческая личность нивелируется до составной части массы...

— Мне кажется, — осторожно сказал Данила, — есть разница между массой и организованной структурой.

— Ну хорошо, не массы, а муравейника, — насмешливо согласился Роман Романович. — Я-то сам никогда не играл в эти игрушки. И, по-моему, сейчас

59.

хватает более интересных дел. Международные контакты, борьба за экологию...

— Скучно, Роман Романович, — пожал плечами Данила. — То есть, — поправился он, — для кого-то, может быть, интересно. Но мне это скучно. Мне не хочется колесить по белу свету, я много раз был за границей — надоедает быстро. И мне, если честно, нет дела до того, сколько на Земле сохранилось китов и сохранились ли они вообще. Меня больше беспокоит, сколько на Земле сохранилось русских. Вот вы знаете, что каждый год идёт депопуляция на 700 тысяч человек? ЭТО меня беспокоит.

— Значит, ты хочешь пойти в армию?

— Не знаю, — ответил Данила, пожав плечами. — Я ещё не решил, кем мне быть. Просто сейчас я делаю то, что мне нравится, узнаю то, что мне интересно и дружу с теми, кто мне... симпатичен.

— И носишь форму.

— И ношу форму, — согласился Данила, и горжусь ею.

— Данила, повод для гордости дают личные качества человека. В красивую упаковку может быть завёрнута пустышка, — поучительно заметил Роман Романович.

— Красивая упаковка — это может быть и костюм от Кардена, не обязательно форма. Кроме того, процент гадов в армии в любом случае меньше, чем на гражданке, они там не выживают. Там труднее притворяться.

— Данила, — покачал головой историк, — а тебе не кажется, что это максимализм? Право на существование имеют разные точки зрения.

— Вот уж нет! — решительно возразил Данила. — если я сел за стол, то, какие бы вкусные вещи передо мной не поставили, я не смогу есть, если сосед напротив руками лопает объедки и чавкает. Так и ни одна страна не может нормально существовать, пока

признает право на "разные точки зрения". Есть такие "точки", существования которых так же неприемлемо, как неприлично поедание объедков за столом руками.

— Ты философ, — слегка удивлённо отметил Роман Романович. — А ты не задумываешься, что с чьей-то точки зрения ТЫ ТОЖЕ ешь объедки руками? Ты уверен, что стоишь на правильной позиции? — в голосе учителя появился искренний интерес.

— Да, — без раздумий ответил Данила.

— И откуда у тебя эта уверенность?

— Моя позиция подразумевает заботу не только о личном благе и личных интересах, но и о благе и интересах страны. Будет хорошо России — будет хорошо и людям. Но не наоборот.

— Но это тоталитаризм, Данила, — помолчав, сказал Роман Романович.

— Ну и что? — удивился Данила. — Это идеология государства, которое хочет выжить само и сберечь своих граждан. А называть её можно как угодно.

— Трудно спорить с такой убеждёностью, — грустно сказал Роман Романович. — А спорить приходится часто — придёшь в класс и увидишь.

— Ребята хвалят ваши уроки, — поспешил заметить Данила. Учитель улыбнулся, но тоже как-то грустно и, сказав: "До свидания, Данила". — свернул в другую улицу.

Разговор не оставил неприятного осадка в душе Данилы. Он тоже свернул, ориентируясь на видное уже крыльцо клуба и думая, что сегодня должно получиться пострелять — Тимур редко отказывал, говоря своим подопечным:

60.

"Быть русским и плохо стрелять — преступление." Эти слова все поддерживали, хотя говорил их немец мальчишкам, а русских среди них было меньше половины.

... Дежурный по клубу Стас Голявко. Он печально сидел в каморке Тимура и методично швырял самодельные "дартс" в плакаты с изображениями покемонов и телепузиков, при особо удачных попаданиях кривя лицо так, словно попадали в него.

— Привет, — меланхолично объявил он, когда Данила всунулся внутрь.

— Привет, — ответил Данила, — А где командир?

— Не знаю, — лаконично отозвался Стас. — Ишши, — и послал дротик точно в нос оранжевому Пикачу.

— Ясно, — подвел итог Данила и рысцой отправился в спортзал.

Народу там было полно. Около площадки, на которой сражались Ванька Ямщиков и лучший гитарист клуба Артур Талашко, стоял Олег — одетый под доспехи, потный, красный — только что окончил схватку. Мальчишки пожали друг другу руки. Олег стащил куртку — она щелкнула, как резиновая — и поморщился:

— Голова болит, напрыгался... Анекдот про похмелье знаешь? Дневник американца, — он помахал перед собой курткой, — запись первая: "Вчера пил с русским. Чуть не умер!" Запись вторая: "Сегодня похмелялся с русским... Боже, лучше б я умер вчера!!!"

— Тимур где? — терпеливо спросил Данила.

— Где-то базарит, — неопределённо ответил Олег. — Ладно, ты его ищи, а я в душ и тебя найду.

Он смылся, получив шлепок между лопаток. Данила ещё посмотрел на схватку и решил прогуляться по клубу, посмотреть кто чем дышит.

Народ в комнатах тоже не бездельничал. Судя по всему, Тимур-таки объявил о походе. Точно, потому что почти везде шли приготовления. Они заключались в перетаскивании с места на место оборудования и снаряжения с его примеркой, подгонкой и починкой. Впрочем, сустились не все и не везде. В проекторной прокручивали готовые к монтажу эпизоды "Ильи Муромца XX1". Данилу направили оттуда вежливо, но решительно. А в фотолаборатории человек десять слушали, как Валька Баландин играет на гитаре и поет — Данила тоже задержался послушать, песня была знакомая и хорошая, её в "Хорте" любили...

— Что нужно от жизни принцу?

У принца есть шпага и принцип,
И он защищает принцип,
Прекрасный, как сказка, принцип.
А нищий закован в латы!
Сытый он
и богатый,
Смеётся он,
просто смеётся
Над бедным принцем моим...

Данила послушал бы ещё, но был уверен, что Тимур сейчас рассказывает что-то интересное или готовится открыть оружейку, чтобы пострелять в тире. Насчёт первого он не ошибся. Тимур разговаривал с несколькими ребятами в хранилище для тренировочного оружия — все расселись по стеллажам, кое-кто крутил в руках пластмассовые клинки, но слушать им это не мешало. Семиклассник Славка Талашко (точнее, теперь восьмиклассник), младший брат

61.

Артура, что-то вкручивал насчёт Петра 1.

— А Роман Романович говорил, что Пётр всё делал неправильно. Столько везде народу загубил за просто так. Это раз. Войну со Швецией начал. Это два. И три — он Россию этой, как её... бытности...

— Самобытности, — сказал подкидывающий на руке топор белобрысый крепыш Олег Левко. — Научное слово такое. Вы ещё не проходили.

— Самобытности, — повторил Севка, бросив на Олега многообещающий взгляд, — точно. Самобытности лишил и с нормального пути развития сбил. А вы говорите великий.

— У них Роман ещё первый год был, — снова вмешался Олег. — Они ещё не разобрались. Не поняли, что это идеологический террорист, а не педагог.

В комнате в разнбой, но весело засмеялись. Севка мотнул тёмным чубом:

— А я не для смеха говорю, — воинственно объяснил он. — Я правда знать хочу. И нечего прикалываться, дуб.

Это вызвало ещё больший смех. Тимур, улыбаясь тоже, поднял руку, как индейский вождь на совете:

— Стоп. Ладно. Посмеялись, теперь давайте соответственно серьёзности вопроса.

— Давайте я его просвещу, — вызвался Джек, которого Данила не сразу заметил — он сидел на полу в углу и только теперь поднялся. — Можно, командир?

— Прошу, — сделал изысканный приглашающий жест Тимур, — дон Румата.

— Так, — Джек вышел на середину комнаты и заложил руки за спину. — Сначала общеполитическая и социокультурная обстановка в России конца XV11 века... — он не выдержал серьёзного тона и фыркнул, махнул рукой: — Ладно по-простому, по-рязански... Кто не знает слушайте. Короче, в XV11 веке вся Западная Европа была перенаселена нафик. Сельское хозяйство было фиговое, урожаи так себе, а народу много. Отсюда — войны. Долгие и очень жестокие. Это вот многим кажется, что тогда войны были не страшные, вроде — чем воевать-то палаши, мушкеты, пистолеты... А на самом деле ещё те были баталии. Вот Тридцатилетняя война, например, так Европу опустошила, что в Германии осталась едва 1/5 населения, после неё, этой войны, церковь официально разрешила брать по две жены, чтобы рабочие руки восстановить. И так каждый год. Воевали из-за земли. Прикрывались разными там словами про веру, про старые обиды...

— Джек, — покачал головой Тимур. Джек поправился:

— Ну, не прикалывались, правда верили... Но воевали-то всё равно из-за нехватки земли. Тесно было. И тогда Лейбиц... знаете, кто такой Лейбиц?

— Математик вроде... — неуверенно подал кто-то голос.

— Точно, — подтвердил Джек. — Так вот, в 1670 году это математик разработал такой

план — как покончить с войнами в Европе. Для этого нужно было дать европейцам землю — столько, чтобы они осваивали несколько веков, а друг друга не трогали. Если будет земля, тогда зачем воевать? В этом плане Лейбниц предложил: пусть Англия и Дания осваивают Северную Америку, Испания — Южную, Голландия — Индию, Франция — Африку, а Швеция — Россию. То есть, мы должны стать колонией Швеции...

— Ни фиги! — насупился Севка. — Облом им, мы бы все равно отбились.

— А вот тут нужно правде в глаза смотреть, — поучительно продолжал Джек. — У Швеции была лучшая в мире сухопутная армия и второй после английского

62.

флот. Это вообще была одна из самых сильных стран мира. А с чем бы мы стали отбиваться? Промышленности — ну заводов там, фабрик — у нас почти не было. Флота совсем не было никакого. Пушки, которые имелись, были сделаны при Иване Грозном, их все в 1700 году, когда война началась, все повзрывало нафиг. Конница — сборная, дворянское ополчение там всякое, лошадки мелкие. В начале той войны было такое, что шведы даже шпиг не вынимали, просто растаптывали наших конников своими конями. Пехоты совсем никакой, стрельцы наши годились только огороды разводить да бунтовать. Наши же сами так про войска писали: "Соберутся толпой, пойдут воевать, неприятелей одного другого убьют, а сами потеряют сотню — и тем рады." Короче, мы бы с той нашей армией даже одного сражения против шведов не выдержали. У тех та-акая дисциплина была и храбрые они были, и вооружены хорошо... Если бы не Пётр с его реформами — схавали бы нас у губы салфеткой утёрли. Как разные там Африки и Америки с Индиями. Там тоже народу было полно, а европейцы раз-раз — и завоевали, и всегда малым числом. Потому что оружие было хорошее — раз! Дисциплина и подготовка солдат — два! И военная наука, а не просто толпа на толпу схватились, кто победит — три! Теперь про самобытность. Никакой не было самобытности вообще. Нашу самобытность монголо-татары уничтожили. Хоть мы их и прогнали и даже подчинили, что от них осталось — но они Россию отравили своими обычаями, бездельем, ленью и порядками. Так что Пётр не самобытность разрушил, а вернул нас туда, откуда выдернули татаро-монголы — в Европу. И всё тут.

С победоносным видом Джек вернулся в свой угол. Данила от порога похлопал в ладоши и сказал:

— Общий привет. Интересно начинается вечер.

ГЛАВА 2.

Только что прошёл грибной дождь. Лужицы и крыши домов уже высохли, местами от асфальта поднимался пар. Джек и Данила шагали по тротуару — не очень спеша и разговаривали о том, как вечером в клубе прокрутят наконец-то фильм "Илья Муромец ХХ1".

Впрочем, Данила только поддерживал разговор. Думал он совсем о другом, и мысли эти были совсем не весёлые.

Вчера вечером он поссорился с Кларой. В первый раз за всё знакомство.

...Они встретились уже совсем поздно, когда Данила, собираясь уходить из клуба, позвонил ей домой и назначил свидание в привокзальном круглосуточном кафе. Они сидели там, пили кофе-эспрессо, болтали ни о чём и наблюдали за вокзальной публикой. Разговор зашёл о предстоящем походе, Клара посожалела, что Данила уйдёт один, без неё. Потом неожиданно подошла молоденькая официантка, извинилась и сказала, понизив голос:

— Парень, — Данила поднял на неё глаза, — вон за тем столиком человек хочет с тобой поговорить.

Данила улыбнулся, поворачиваясь.

Из-за столика в углу кафе на него смотрел отец.

Данила рывком поднялся и, бросив ничего не понимающей

63.

Кларе: "Пошли!" — вышел первым, не дожидаясь её. Клара выбежала следом, нагнала Данилу чуть ли не за полквартила от кафе, сердито спросила:

— Что с тобой?

Данила какое-то время шёл молча, почти бежал. Потом замедли шаг и начал рассказывать то, чего не рассказывал раньше. Девчонка слушала, хмуря брови. И вдруг неожиданно резко сказала:

— Ты зря с ним не поговорил.

— Я его не прощу, — не менее резко сказал Данила. — Не прощу за то, что он нас бросил! Нам знаешь как трудно было?!

— Зря, — упрямо повторила девчонка. — Он твой отец.

— Ты не поймёшь! — оборвал Данила. И прежде понял, что скажет лишнее, добавил: — вас отец не бросал!

Клара побледнела, потом — кривовато усмехнулась:

— Не бросал конечно... Его просто убили, и всё. Дурак ты, Данила.

Он и сам уже хотел это сказать: "Прости, Клара, я дурак!" — и был бы мир. Но это сказала КЛАРА, и мальчишка обиделся, тем более, что не чувствовал своей вины в этой истории. И бросил:

— Сама ты дура! Раз отец — значит, я всё прощать должен?! Идиотка деревенская!

ТРАХ!!! Клара ударила его с размаху, сильно и больно — Данилу качнуло, щека онемела. Он облизнул кровь, потёкшую из угла рта — Клара стояла перед ним, похожая на большую разозлённую кошку.

— Чтоб тоби... — прошипела она: — Гэть видселя, чтоб очи мои тоби нэ бачилы! Ну?! — она поднесла к его лицу ладонь со скрюченными, как когти, пальцами.

Щека начала гореть и ломить. Данила сузил глаза, промолчал, только повернулся и зашагал прочь. Спиной чувствуя, что и Клара уходит, не оглядываясь.

Ночью ему стало плохо. Ему было стыдно за самого себя, за свои слова — и страшно при мысли, что может оказаться НАВСЕГДА. Об этом думал он и сейчас, шагая с Джеком и не слушая, что тот говорит. Впрочем кажется, Джек чувствовал неполадку у друга и просто старался отвлечь его от мрачных мыслей и разговорами.

Данила отвлёкся на самом деле лишь когда на углу, где ещё недавно лежали развалины, а теперь подрастали коробки домов, увидел своего отца.

Тот стоял возле новенького фонаря — большой, в камуфляжной куртке, джинсах и высоких ботинках на шнуровке и ремнях. С непокрытой головой — в того же цвета, что и у Данилы волосах поблёскивали ниточки седины. За левым плечом — рюкзак. Отец ничего не говорил — он просто смотрел на Данилу. Неотрывно, пока мальчишки проходили мимо, а потом — Данила чувствовал этот тоскливый и беспомощный взгляд рослого, сильного мужчины своей спиной.

Он не выдержал.

— Джек, ты иди, а я догоню. Мне надо поговорить.

64.

Джек сообразил всё сразу — бросил взгляд вбок, тихо спросил:

— Помощь нужна?

— Нет, всё нормально, — кивнул Данила. — Я приду скоро, скажи нашим.

Джек кивнул и, не оглядываясь, зашагал дальше. А Данила, повернувшись, пошёл навстречу своему отцу.

Он шёл и видел, что Андрей Баронин не знает, как себя держать и о чём говорить с сыном, у которого даже фамилия другая. Он просто смотрел на своего сына — растерянно. Именно потому, что — и Данила это понял — до него дошло: этот рослый, решительный

парень в сущности не его сын. Только по крови... Посторонний мальчишка. Поэтому Андрей мялся, пока Данила первым не протянул ему руку.

— Здравствуй, отец.

— Да, здравствуй, — Андрей пожал руку: — Ого, крепко жмёшь! — он жалко улыбнулся, заискивающе — и Данила сказал:

— Давай говорить просто как два знакомых.

Открытое облегчение мелькнуло на лице мужчины:

— Да, конечно... Пойдём куда-нибудь?

— Давай просто пройдемся, — и Данила качнул головой, указывая на улицу.

Они пошли плечо в плечо. Данила почему-то вспомнил ярко-ярко: вот также они идут, и он почти бежит, делая два шага на один отцовский. Теперь он шёл вровень с отцом — пружинисто, широко...

— Ты из-за меня поссорился с девчонкой, я видел, — сказал отец. — Красивая... Извини.

— Ничего... Ты женат?

— Нет. Я постоянно в разъездах. Вот — через два часа опять уезжаю, — он показал на часы. Это оказался военный хронометр швейцарской фирмы "Омега" — дорогой. Данила кивнул. Поинтересовался:

— С мамой встречался? — Андрей покачал головой: — Ясно... Знаешь, я храню тот журнал, со статьёй про тебя.

— А, помню... — отец шевельнул углом рта. — Спасибо. что всё-таки решил со мною встретиться.

Данила кивнул снова. Потом спросил — обычно такие вопросы задают, глядя в сторону, но он смотрел на отца, хотя и сбоку:

— Почему ты нас бросил?

— Мужчина должен содержать семью, — похоже, отец ожидал этого вопроса, — а я даже на пиво себе заработать не мог, только прожирал заработанное... Светланой. На кой чёрт тебе было расти при отце, который лежит на диване и тупеет от безделья? Я был слабак и трус, вот и сбежал.

— Ты в армии? — уточнил Данила.

— Вроде того... — пожал плечами Андрей. — Тот тут, то там... регулирую политическое движение.

— Мама дома, — Данила на ходу поправил ремень в шортах. — Пойдёшь?

— Нет. Единственное хорошее, что я для неё сделал — это ты и

65.

Люська, а вас она и так каждый день видит. Как Люська-то?

— Наглеет... Куда едешь, если не секрет?

— Куда-то на Балканы, — равнодушно ответил Андрей. — Один старый товарищ предложил.

Места знакомые... У тебя, я вижу, тоже есть хорошие друзья?

— Есть, — подтвердил Данила. — Ну вот, я пришёл.

Отец окинул взглядом дверь в клуб. Одобрительно сказал:

— Лей заправляет? Тимур Лей?

— Знаешь его?! — удивился Данила.

— Знаю, виделась. Да он меня не помнит, мы и не говорили почти... Так ты что, решил стать военным?

— Не знаю. Мне тут просто интересно.

— А... Ну ладно, мне пора. Хорошо, что мы поговорили.

— Конечно, — Данила пожал протянутую руку. Отец улыбнулся странной, скользящей улыбкой и, повернувшись, пошёл по улице.

— Пап, — окликнул его Данила.

Отец замер. Обернулся, качнулся на каблуках.

— Пап, ты приезжай, — сказал Данила, спиной вперёд поднимаясь по ступенькам: — Приезжай, когда захочешь. Счастливо. Удачи тебе...

Никогда не видел Данила, чтобы лицо человека озарялось таким счастьем.

...Джек стоял в холле. Первое, что он сказал, было:

— По-моему, он хороший человек.

— Твой отец.

— Откуда ты знаешь, что это мой отец?

Джек засмеялся:

— Да вы же с ним как две капли!..

— Да? — искренне удивился Данила. Как ни странно, он испытывал облегчение, и даже ссора с Кларой не казалась такой уж непоправимой: — Может быть... Ну что, пошли? Наши, наверное, уже собираются.

...На сеанс собрался практически весь клуб и немало постороннего народу. Спортзал был полон. В ожидании начала просмотра кое-кто уже строил планы на съёмки нового фильма, который можно будет послать на фестиваль любительских лент. Но когда включили видео — разговоры утихли сами собой.

Фильм был задуман как фэнтэзийный боевик — даже с некоторыми компьютерными спецэффектами, которые обеспечил Витька Пелишенко. В массовках снимались почти все ученики школы и кое-кто из местного сельскохозяйственного техникума. Батальные сцены сменялись пирами и колдовскими обрядами. Злой колдун Кангар строил козни против Киевской Руси, мудрого Владимира Красно Солнышко и богатырской дружины во главе с Ильёй из Муром. Действие захватывало — ещё и потому, что прикольно и странно было понимать — играют твои друзья и одноклубники. Но временами Данила просто забывал об этом. То ли правда очень хорошо играли ребята и девчонки, то ли ещё что...

И вот — последняя сцена. Больше нет ничего, только тёмная глубина. Следуя за пятном света, входят Илья и Добрыня — Олег Строев

66.

и Колька Риттер. По фильму витязи киевской дружины — не бородатые мужи, а молодые парни, почти мальчишки, рискнувшие бросить вызов Кангару после того, как хитростью и колдовством он загубил всех старших богатырей во главе со Святогором Могучим. Илья и Добрыня садятся плечо в плечо — молча, неподвижно. Глядят на зрителей...

ДОБРЫНЯ: Илья, ты чего молчишь-то?

ИЛЬЯ: Чего говорить? Дело сделали...

ДОБРЫНЯ: Ты всё равно не молчи, не надо. А то как-то не по себе.

ИЛЬЯ: Живой я, сколько раз повторять. Сказано ведь: "Илье на роду смерть не писана!" Чего тебе ещё?!

ДОБРЫНЯ: Да, это да... Только ведь мы прискакали, а ты... лежишь.

ИЛЬЯ: Устал. Поспать прилёг.

ДОБРЫНЯ: Я к тебе наклонился. А ты не дышишь.

ИЛЬЯ: Тебе уши пылью забило, пока скакал.

ДОБРЫНЯ: Может, и так... Владимир говорить стал, а ты всё спишь.

ИЛЬЯ: Заслушался. Говорил князь больно красиво.

ДОБРЫНЯ: Да, на это он мастер. А потом?

ИЛЬЯ: Чего?

ДОБРЫНЯ: Тебя ведь плащом накрыли.

ИЛЬЯ: Ночь же. Да ещё в степи. Холодно.

ДОБРЫНЯ: А поминали тебя зачем?!

ИЛЬЯ: Так Владимир сорок бочек зелена вина выставил! Что теперь — пропадать добру?!

ДОБРЫНЯ: Это да. Гульнули здорово... И всё-таки — зря! Право слово — зря, Илья! Зря! Теперь говорят-то что — вроде тебя и не было! Совсем не было — так, народ выдумал!

ИЛЬЯ: Ну и что?

ДОБРЫНЯ: Как — что?!

ИЛЬЯ: Ну и выдумал. Народ русский никчемного какого не выдумает.

ДОБРЫНЯ: Да хватит тебе, побратим! Давай, пошли, пошли в Киев! Как же Русь-то без тебя?!

ИЛЬЯ: А так. Для чего я ей сейчас? Врага мы побили. Чего людей смущать...

Из темноты выступает большой камень. На нём выбита надпись:

А ПОД КАМНЕМ ТЕМ

ИЛЬЯ СЫН ИВАНОВ ИЗ МУРОМА

ПОКОЙ НАШЁЛ.

Появляются друзья и соратники Ильи — Алёша Попович, Дунай-богатырь, Иванище, Краль Марко, другие персонажи славянских былин. Приходят жена Дубравка, князь Владимир. Садятся возле камня... Из темноты продолжают выходить люди — кто в форме времён Петра I и войн с Наполеоном, кто в офицерской форме разных времён, в гимнастёрках Великой Отечественной, бойцы афганской и чеченской

67.

войн... Им молча дают место.

ДОБРЫНЯ: Илья. Вот ведь — все собрались. Объявись! Самое время!

ИЛЬЯ (встаёт, смотрит в зал с экрана): Не время, побратим. А моё время придёт... Знаешь, Добрыня, когда мир кругом — я, может, не очень и нужен. А вот случись беда какая — тут я и объявлюсь. Ты не бойся, Добрыня — люди меня признают. Признают — не слепые же они! Люди ведь! (Смеётся, громко запекает и уходит. Добрыня догоняет его. Гаснет свет, но песня звучит и в темноте...)

Уж и есть за что,

Русь могучая,

Полюбить тебя,

Назвать матерью!

Встать за честь твою

Против недруга!

За тебя в беде

Сложить голову!..

ГЛАВА 3.

Щенок колли, которого он взял из этого дома. был назван Кусь и уже здорово вырос, стал любимцем Люськи. Данила вспомнил Куся, когда стоял возле слегка покосившейся калитки и смотрел на светящееся окно — угловое. Потом отошёл к каштану возле колонки и

сел там прямо на землю, не сводя с прямоугольника, разделённого буквой Т, взгляда.

Она не пришла, хотя знала, что сегодня.

"Возьму и застрелюсь," — вдруг подумал Данила и отчётливо представил себе, как утром его найдут тут, под деревом, мёртвого, в засохшей крови из простреленного черепа. Стало не по себе, словно и впрямь собирался застрелиться. Данила встряхнулся, поднялся на ноги и пошёл к будке телефона, одиноко замёршей на углу. Набрал хорошо знакомый номер — телефоны в городе были бесплатные.

— Да? — она почти сразу сняла трубку. — Цэ хто?

— Клара, это я, — сказал Данила. И услышал гудки.

Он не набрал номера второй раз. Она снова бросит трубку. Вместо этого Данила вернулся к ограде её дома. Взялся за неё руками — и одним точным рывком перебросил себя внутрь, в палисадник.

— Мь-иййеееууу!!! — взвыли под ногами. Данила отшатнулся и сыграл в кусты каких-то цветов. Над головой хлопнуло окно, послышался сердитый голос: "Щоб вы пропали!" — и целый водопад из руки Клары обрушился на голову, спину и плечи поднимавшегося Данилы. Он задохнулся — вода оказалась ледяной.

— Хтось?! — испуганно вырвалось у Клары, и Данила поднялся на ноги, оказавшись глазами на уровне её шеи.

— Я признался Данила и взялся руками за распахнутые створки: — Подожди. Одну секунду.

— Пусти! — Клара дёрнула створки, не справилась, закусила губу: —

68.

Пусти, ну?!

— Не пуцу, послушай...

ХРЯСЬ!!!

Это была вторая за два дня пощёчина.

— Бей ещё, — сказал Данила. — Я тебя очень обидел. Я виноват. Никто не может ударить меня и не получить в ответ. Ты — можешь. Я тебя люблю.

Клара размахнулась. Прикусила губу мелкими белыми зубами, которые чистила "Жемчугом", никаким не "Блендаметом". Моргнула. Моргнула. Моргнула-моргнула-моргнула... Сказала:

— Мазохист, — и заплакала, перевесившись через подоконник в руки Данилы (который слегка обалдел), бормоча: — Я кричала на тебя... и думала, что ты больше не придёшь... мне так плохо было... я подумала, что умру одна... бросила трубку и склялась от своей глупости...

— Я говорил с отцом, — перебирая пальцами волосы Клары, Данила шмыгнул носом, потому что предательская сырость подбиралась к глазам. — До чего здорово, что ты есть, есть, есть... ты есть, ты есть...

...Светлана Александровна сидела перед телевизором, вытянув ноги.

— Я два выходных взяла, — окликнула она Данилу, когда он завозился в прихожей: — Хочу съездить с Люськой в лес... Ты слышишь?

— Слышу, — Данила вошёл, присел на диван. — Здорово, а то ты всё работаешь, её даже на речку сводить некому. В лесу тут красотища. Если хочешь, я карту дам.

— Данила, — щёлкнув пультом, Светлана Александровна повернулась к сыну, — Данила, поедем с нами, а?

— С вами?! — Данила удивился несказанно. И вдруг понял, что хочет этого.

Правда хочет. Поехать куда-нибудь с мамой и даже с надоедливой, вредной сестрой. Он никогда не думал, что может этого захотеть.

Но он этого хотел.

— Конечно, поедем, — сказал он — и стоило сказать это, чтобы увидеть лицо Светланы Александровны. — Мы фильм дорабатывали... Придётся, когда сеанс будет?

— Если будет время... Но в газете дам заметку обязательно.

— Ма, это дурной тон — писать рецензии по слухам, — не без ехидства заметил Данила.

— Пришлю кого-нибудь из своих. Есть там у меня один новенький — пусть опыта набирается.

— Мам, я отца видел, — сказал Данила.

...Светлана Александровна не перебивала сына, пока он рассказывал, сидя рядом с ней.

А потом сказала:

— Ты всё правильно сделал.

69.

— Ма, а ты хотела бы его увидеть? — осторожно спросил Данила. Светлана Александровна промолчала. Данила знал, что у матери бывают мужчины и всегда относился к этому снисходительно... но никогда не задумывался — а любила ли мама хоть одного из них?

Они ещё долго сидели молча. И, когда наконец Светлана Александровна оторвалась от своих мыслей, то увидела, что её сын спит, завалившись щекой на спинку дивана и посапывая. Лицо у него было безмятежное и счастливое даже во сне.

Шумела неподалёку стройка — женщина подумала, что, когда всё кончится, она, чего доброго, не сможет спать без этого деловитого шума.

ГЛАВА 4.

Два дня оказались хорошими. Во всех смыслах. Оказывается, человеку нужно изредка отдыхать ото всего — телефонных звонков, транспорта и других людей. Светлана Александровна забралась в лес вдоль реки так глубоко, как позволяло бездорожье и её BMW с его низкой посадкой — впрочем, этого оказалось вполне достаточно, чтобы о цивилизации напоминали лишь иногда пролетавшие лёгкие самолёты, превентивно опылявшие поля против саранчи.

На самом верху длинного, пологого спуска к реке Данила умело разбил новенькую палатку и занялся обустройством лагеря с такой сноровкой, что Светлана Александровна, наблюдавшая за ним, удивлённо сказала:

— Это тебя в клубе научили?

— Нет, это я ещё в Москве умел, — ответил Данила, ловко подрезая лопаткой дёрн на месте будущего костра. Люська, сидевшая в обнимку со щенком в машине, заметила взрослым тоном:

— Дурачье дело нехитрое, — и была очень расстроена, когда Данила в ответ засмеялся.

Можно было купаться, спать и вообще бездельничать. В первый же вечер Данила забабахал шашлык из запасённого заранее мяса, отогнав от костра обеих женщин — Светлану Александровну, пытавшуюся помочь, и Люську, которая лезла из любопытства и вредности. А утром, пока сестричка ещё спала, Данила уговорил маму пойти пострелять из пистолета.

Он и сам-то стрелял из него пару раз, забравшись за город подальше. Так поступали все городские мальчишки, у которых имелось своё оружие — а имелось оно у многих, в основном Великой Отечественной войны. Зато Данила часто стрелял из газобалонников в клубном тире — это позволяло "набить руку". Всадив в самодельную мишень с расстояния в двадцать пять метров восемь пуль одну к одной, он с удовольствием взялся руководить мамой, куда нажимать, как целиться и держать кисть. Светлана Александровна кивала, кивала... а потом, вскинув руку, расстреляла магазин с такой скоростью и точностью, что Данила захлопал ресницами, не понимая — его ли это мать? Светлана Александровна озорно дунула в курящийся синим

70.

легким дымком ствол и сообщила:

— Не разучилась... — потом рассмеялась: — Я тебе не говорила. Отец меня учил, у него был трофейный пистолет. Не помню, как назывался... — большой такой... Но не "вальтер" и не "парабеллум", эти я знаю.

— У деда был пистолет? — Данила растерянно крутанул в руках ТТ. — А куда делся?

— Не знаю, — призналась Светлана Александровна. — Я весь дом обыскала, боялась, ты найдёшь. Может, выбросил, а может — спрятал надёжно так...

— Я и не знал, что ты умеешь стрелять, — с некоторой обидой заявил Данила. — Ты всегда говорила, что боишься оружия.

Светлана Александровна взлохматила сыну волосы:

— А ты обо мне многого не знаешь, сын. — пояснила она. — Ты подумай — мы же с тобой НИКОГДА вот так никогда не выбирались. Заграница — это не то совсем, я там, если честно, себя какой-то... самозванкой чувствую.

— Самозванкой? — засмеялся Данила. Мама кивнула:

— Да, правда. Вот бармен например подает меню — вежливый, кланяется... А я меню смотрю и думаю: "Может он меня не за ту принял?" — она улыбнулась грустно и спросила вдруг:

— Скажи честно, Данила: ты не злишься на меня, что мы уехали из Москвы? Люська дуется, я чувствую.

— Она глупая ещё, — возразил Данила. — В Москве, конечно, здорово... но тут лучше. По-моему, мам, люди себе много выдумывают. Не просто ванну — а джакузи. Не просто туалет, а с финской плиткой в облицовке. А про то, что есть на свете такое, — он повел рукой вокруг, — вот такое! Про это забывают. И даже отдыхать тащатся на разные там острова. Уже тошно, надоело, не хочется — а тащатся. Потому что престиж.

— Нам легко говорить, — покачала головой Светлана Александровна. — Мы туда ездили. Ты сколько раз был за границей? А большинство людей не были. Думаешь, им не хочется?

— Не зна-аю... — протянул Данила. Задумался, решительно тряхнул головой: — Может, и хочется. Только если побывают там раз, другой — тоже надоест. А то, что вокруг нас — это надоест не может. Понимаешь, ма? Я по-другому просто сказать не умею. Вот я жил в Москве. По здешним меркам мы страшно богатые люди, ты знаешь? А что я видел? Ну Турцию, потом — острова, пальмы, негров с коктейлями, круизные теплоходы... А главное не это.

— А что? — тихо спросила Светлана Александровна, глядя на речку, которая неспешно текла на северо-восток, где начинались плавни, тянущиеся до самого Дона, на лес по берегам... — Что главное?

— Главное? — Данила посмотрел в небо и прочитал тоже не очень громко, но с чувством:

— Главное, что я не знал, что у меня

Есть огромная семья.

И травинка, и лесок,

В поле — каждый колосок,

Солнце, небо голубое —

71.

Это всё моё, родное!

Это всё — моя земля,

Это — Родина моя...

Светлана Александровна слушала внимательно. И молча обняла сына за плечи — они так и вернулись в небольшой лагерь...

...Да, хорошие были два дня. И отдохнул Данила здорово, только... очень устал, как в анекдоте. И, вернувшись вечером домой, завалился спать, да так, что утром проспал будильник, проспал уехавшую на работу маму, которая завезла Люську к какой-то новой подружке, проспал то, как все не привыкший пользоваться специально проделанным собачьим выходом Кусь скребя и лаял под дверью, пока всё же не выбрался наружу... Разбудил его, как ни странно, звонок телефона — правда, звенел тот очень настойчиво. Натыкаясь на углы, двери и мебель, Данила спустился в прихожую, сонно размышляя, что давно пора поставить ещё два аппарата, нашарил трубку и сел на пол:

— Дом Серёгиных, — буркнул он и зевнул.

— Данила, ёлки-палки! — это был голос Олега. — Я думал, вы задержались где! Ты что, дома?!

— Нет, — отозвался Данила, — откуда? Я задержался, а это автоответчик — биинииии... Тебе чего?

— Я из школы, — сообщил Олег, словно это всё объясняло.

— С первым сентября, — согласился Данила. — Если это всё, то я пошёл спать. Вечером в клубе встретимся. Олег, я спать хочу — убойно, честно.

— Данила! — заорал Олег. — погоди, не выключайся! Тут рукопашная! Из-за кадетских классов!

— Что? — Данила понял всё-таки, что просыпается и решил вникнуть в проблему: — Какая рукопашная, какие классы? Июнь только начался, вы там что, ремонт какой затеяли?

— Да какой ремонт, ты что, спишь?! — оглушительно возмутился Олег.

— Я же сказал, что да, — популярно объяснил Данила. И справедливости ради добавил: — Но теперь проснулся. Излагай.

— Уфф... — выдохнул в трубку Олег. — Короче, так. Анатолий Борисович...

— Директор? — напряг память Данила.

— Он... Так вот, он предложил Тимуру ставку в школе. Вести в 10–11 классах начальную военную подготовку — её решением какого-то там областного начальства опять вводят, понимаешь?

— Понимаю, — Данила, всё ещё сидя, поерошил волосы рукой. — И?..

— И ещё сформировать на базе школы два кадетских класса, седьмых — по профилю МЧС и пожарной охраны. Ну и типа куратором тоже Тимура приглашают...

— Он согласен? — поинтересовался Данила, всё ещё пытаясь уяснить себе суть проблемы. Олег зло бросил:

— Да он-то согласен... Педагогический коллектив против.

Нужно было слышать, с каким отвращением произнёс Олег эти безобидные слова — "педагогический коллектив". Словно "подпольные наркоторговцы".

— Роман Романович? — быстро спросил Данила. Олег вздохнул:

72.

— Да он-то как раз... Станислав Викторович! И с ним примкнувшие. Немногочисленные, но активные.

— Не понял, — признался Данила. Олег вздохнул:

— Чтоб в школе тоталитаризмом и не пахло, — пояснил Олег. — Чтоб не калечили детские души. Чтоб Тимура вообще к детям не допускали. Наконец — чтобы часы, которые

предполагалось отвести на НВП, отдали на программу по экологии, а ещё лучше — распределили по предметам. Чтоб "Хорт" прикрыли.

— Сейчас приеду, — Данила рывком поднялся и опустил трубку на рычаги старого телефона. Посмотрел вокруг отсутствующим взглядом, словно оказался в чужом доме. Увидел свой ремень с чехлом, из которого торчала рукоятка туристского ножа "Кобра" — он вчера бросил его на столик в прихожей. Данила подался вперёд, молниеносным движением выхватил нож, и со стоном послал тяжёлый клинок через всю прихожую.

Вонзившись со стуком в одну из лестничных балясин, нож расколол её вдоль по всей высоте.

... Никто не знает, откуда берутся трусы.

Нет, правда. Это никому не известно, а между тем очень серьёзная, возможно даже требующая детального изучения.

Человека могут дразнить "маменькиным сынком" или "ботаном" — но "маменькин сынок" или "ботан" не обязательно трус. Обратных примеров — сколько угодно. Наличие трусости не определяется очками на носу, книжкой под мышкой или наоборот — постоянно пребывающей во рту жвачкой и неудержимым стремлением держать родителей подальше от дневника.

Дети к трусам беспощадны — я имею в виду мальчишек. По их максималистскому мнению, трус не имеет права на обращение с ним, как равным, пока не докажет, что стал смелым. Многим потенциальным трусам такое отношение помогает — они прячут свою трусость, первыми лезут в опасные предприятия сверстников. Боязнь насмешек и трусость за свою слабость как бы загоняют трусость в подполье — глубоко-глубоко, откуда она и нос не смеет высунуть. И получается даже большая храбрость, чем у тех, кто наделён ей от природы.

Но есть другая категория людей. У них страх доминирует над всем — страх боли, страх темноты, наказания, более сильных сверстников. Чаще всего они даже не пытаются со своими страхами бороться, или их попытки очень вялые, для виду. Зачастую ещё и родители, близкие упорно ограждают от конфликтов, драк, споров, ссор со сверстниками, оберегают "ранимую детскую психику", а на самом деле — просто потакают развивающейся трусости. В детском, подростковом коллективе такой мальчишка — изгой. Точнее, он просто ВНЕ коллектива. Но трусом быть никому не хочется. И вот такой несчастный придумывает сам для себя утешительную сказочку о своей исключительности. А близкие — кто же не любит своё чадо? — его укрепляют в этой уверенности. Ты — НЕ ТАКОЙ, как все. Лучше. Умнее. Они тебя просто понять не могут, завидуют, поэтому и не дружат.

А на самом-то деле — кому охота дружить с трусом, да ещё если у труса раздутое самомнение?

Но вот и детство прошло, и не подросток перед нами — юноша. А чем старше становится человек, тем легче ему скрывать свою трусость, тем

73.

меньше вокруг него открытых конфликтных ситуаций. После школы — ВУЗ, часто — в другом городе, где его никто не знает. Армия — ни в коем случае! Армии такой парень боится до физических судорог, она представляется ему той же школой, где все его недостатки вылезут наружу — вот только там не будет уютного дома, в котором можно поплакаться и укрыться от неприятностей. В армии не притворишься — а именно этим такие люди и занимаются. И успешно занимаются! Больше того — учатся они чаще всего прилежно, хорошо. Ещё бы! От этого ведь зависит, можно ли дальше будет носить маску — или реальная и весьма грубая жизнь снова показать настоящее плаксивое лицо? Заставит — сама мысль об этом невыносима, она снова отбрасывает труса в годы безжалостных детских дразнилок и безответных лупцовок...

И вот — высшее образование и шаг в самостоятельную жизнь. Больше можно ничего не бояться. Но воспоминания о детских страхах и чувство собственной неполноценности

(себя-то не обманешь, как ни старайся!) жгут, как крапива. И сколько бы не прожил такой человек на белом свете — он будет презирать, ненавидеть и бояться тех, кто жил не так, как он, не потакая своим страхам. Обязательно будет!

А самое страшное — когда такой человек идёт работать с детьми. Он идёт просто так, не из любви к детям и педагогике. У него одна цель — часто даже от самого себя скрываемая! — цель: ОТОМСТИТЬ. Часть его сознания — всё ещё там, в детстве, она всё ещё получает шалобаны или (ещё хуже!!!) открытое презрение сверстников. Из этой памяти вырастает ненависть к тем, кто похож на его "мучителей" — к сильным, уверенным к себе, открытым и смелым подросткам. ТОГДА он не мог с НИМИ посчитаться. Но сейчас-то — сейчас-то ого-го! Он — взрослый. У него власть.

НУ — ДЕРЖИТЕСЬ...

И начинается то, что иначе как преступление назвать нельзя. Такой, с позволения сказать "педагог" тщательно культивирует в подопечных то, отчего страдал сам: неуверенность, вялость, трусость... Только теперь-то он старше, умней, у него есть красивые слова: Для неуверенности — виктимность, для вялости — аутичность, для трусости — неконфликтность... Он обрастает сторонниками среди взрослых и детей. Он активен и напорист, он организует кружки, секции, клубы под заманчивыми названиями — с одной, неашифруемой программой целью: БОЛЬШЕ ТАКИЗ, КАК Я! Ему плевать на тот вред, который он приносит детям, и даже стране. Ему плевать, что под его чутким руководством подростки превращаются из будущих мужчин в плаксивых, истеричных, циничных, женоподобных по характеру, но очень хитрых и изворотливых существ. Главное — утолить вопящие комплексы. Все для этого. На уроках, на кружковых занятиях, на заседаниях клубов изливает такой "педагог" потоки грязи на мужество, честь, достоинство, готовность к защите, к противлению злу силой, на армию, оружие, всё, всё, всё, на то что он не был способен сам и чему всегда завидовал....

Но хуже всего будет тем, кто посмеет не подчиниться его установкам. Раскусив нашего выросшего труса, или просто в силу здорового мальчишеского характера — романтического, упрямого и мужественного во все времена и во всех странах. Такого наш "герой" обязательно допечёт — издёвками, отметками, тихим бойкотом со стороны "единомышленников".

74.

Допечёт, сломает — если...

Если не окажется рядом ещё таких же парней, а ещё лучше взрослого, который прямая противоположность описанному выше типу. Вот тогда наш трус оказывается бессилён. И это бессилие превращает его ненависть в запредельное чувство, способное толкнуть на любые действия.

Даже САМЫЕ неприемлемые.

САМЫЕ.

Данила и не подозревал, что Станислав Викторович Матвийчук полностью соответствует нарисованному выше портрету.

Не подозревал этого и никто из друзей Данилы.

ГЛАВА 5

"Рукопашная", как охарактеризовал Олег, происходила прямо в школьно вестибюле — не в том крыле, где успел побывать Данила. Эта часть школы выглядела современно. А на широкой, современной лестнице, уводившей на второй этаж, разворачивалась баталия.

Сперва Даниле показалось, что лестница просто забита народом. Потом он понял, что тут около дюжины педагогов, разделившихся на две группки, Тимур и десятка два хортовцев, оккупировавших перила лестницы. Тимур помалкивал, лицо у него было

равнодушное, хотя именно к нему почти в крик обращался Матвийчук:

— Вашим безумным идейкам, молодой человек, не место в стенах школы! Занимайтесь ими в своём фашистском бедламе, а не здесь!

— Станислав Викторович, Станислав Викторович... — укоризненно вмешался Анатолий Борисович Кныш, директор школы. — Зачем вы так, как можно так остро реагировать... Это же необходимая вещь, НВП вводится в школьный план, а кадетские классы — вы же знаете, как велик интерес у подростков к профессиям, которые там будут осваиваться...

— Их, — палец Матвийчука упёрся в Тимура, — фашиствующая организация подмяла под себя всю школу! Уже подмяла! Вы же хотите напрямую допустить руководителя этих ЭсЭсовцев в стены ШКОЛЫ! — он патетически повысил голос. — К ДЕТЯМ, Анатолий Борисович!

— Ну какие фашисты, — с усталой безнадёжностью ответил директор, — какие фашисты... Обычно военно-спортивный клуб, вы же знаете...

— Вот именно! — саркастически скривился Матвийчук. — Военно-спортивный! В наше-то время! И с кем же они готовятся воевать?!

— А что, разве не с кем? — спросил Данила, останавливаясь внизу лестницы.

На него посмотрели все сразу. Хортовцы, и до того не слишком подавленные (похоже было, что они смотрят спектакль), заулыбались. Матвийчук нервно водрузил на нос очки:

— Кто вы, молодой человек? — осведомился он. Директор, благожелательно глядя на Данилу, который неспешно начал подниматься по ступенькам, пояснил:

— Это Данила Серёгин, он будет учиться в 10 "Г". Он внук...

— ...Александра Даниловича, — добавил Данила и улыбнулся всем: — Здравствуйте.

75.

— Вот как, — Матвийчук прищурился. — И вы, я вижу, успели вступить в этот... к-клуб?

— Простите, Станислав Викторович, — чуть поклонился Данила, чувствуя, как в нём начинает закипать веселье, — вы не ответили на мой вопрос. Почему ребят не следует учить воевать?

— Да потому, что это ведёт к повышению уровня агрессивности, — снисходительно ответил учитель. Данила опёрся спиной на перила, поставил ногу за ногу и поднял бровь:

— Да? Большинство малолетних преступников постигли науку агрессивности самоучками. Как раз потому, что им нечем было заняться. Нечто подобное я наблюдал в вашем городе, когда только приехал. Мне помогли защитить себя именно ребята из клуба. Кстати, я как-то не заметил, чтобы вы были очень озабочены тем, что часть учеников школы покупала наркотики у приезжих дилеров. Или это — часть гуманного воспитания в духе терпимости, основанного на самовыражении и свободе воли?

Тимур вдруг засмеялся — резко и презрительно. Матвийчук покраснел:

— Вы — дети, подростки! Как можно приучать вас к мысли, что проблемы следует решать при помощи грубой силы?! Любой конфликт имеет решение на основе консенсуса сторон...

— Станислав Викторович, — очень вежливо сказал, — тут не дискуссионный клуб, но я готов выслушать от вас хотя бы конспективное решение проблемы в Чечне или Македонии — МИРНЫМ путём. Пожалуйста.

Матвийчук посмотрел вокруг, словно ожидая поддержки. Но молчали даже его единомышленники. Данила ловил на себе откровенно заинтересованные взгляды учителей, оценивающих эрудицию и безупречный строй речи вежливого "новичка".

— Договорённость... — Матвийчук кашлянул. — Мирное решение вопроса... — он кашлянул снова. Данила благосклонно кивал, словно это он был учителем и выслушивал интересный и живой, но заведомо неправильный рассказ ученика. — Сотрудничество...

— Угу, — Данила кивнул. — Угу... То есть, вы не знаете, как решать проблемы — ну,

например, если на Россию нападут враги. Что этого не может быть — это ерунда, может, и мы это не раз все видели. Итак, у вас, Станислав Викторович, даже подобия решения нет, есть только общие слова. А у нас есть. А у нас есть решение. Если мы будем сильными — никто не осмелится напасть. За словами, которые вы твердите, как заклинания, не стоит никакого смысла. Договорённость, мир, сотрудничество — с кем? Те, кто облизывается на наши границы, таких слов вообще не знают. Мне ещё нет пятнадцати, и я не хочу оказаться в заложниках у обкурённого террориста или под защитой "миротворца" — я хочу уметь защитить себя, маму, сестру САМ. Мы, славяне — славяне, Станислав Викторович, СЛАВНЫЕ, если вам это что-то говорит, а не сборище болтунов и трусов, готовое покупать себе месяц мира ценой унижения. Мы хотим гордиться своей страной и быть готовыми сражаться за неё — так же отважно, как наши деды, только более умело. Что вы можете иметь против этого?

— Поймите же, это квасной патриотизм! — воздел руки Станислав Викторович.

— Квасной патриотизм —

76.

Тобой не раз меня пугали.

Да, ещё со школы...

Всё это так.

Но настоящий русский квас

По-моему —

Вкуснее пепси-колы, — улыбаясь, прочёл Данила. Грянул хохот и аплодисменты мальчишек.

... - Ты хорошо говорил, — Тимур положил ладонь на плечо Даниле. Они стояли около памятника погибшим выпускникам. — Но теперь у тебя будут неприятности. Причем того рода, с которыми трудно справиться.

— От Матвийчука? — уточнил Данила и зевнул. — Я не боюсь. Что он может-то? А что вы теперь будете вести НВП и курировать кадетов — это здорово!

— Я тоже доволен, — согласился Тимур. И добавил: — У Матвийчука мелкая душонка и огромные амбиции. Поэтому он способен на пакости.

— За мной правда. И клуб, — уверенно ответил Данила.

... - Мой сын — народный трибун, — Светлана Александровна поставила перед Данилой тарелку супа. — Ешь. Мне рассказали, что сегодня было в школе.

— Ты со мной не согласна? — осведомился Данила.

— Разве это так уж важно для тебя? — грустно спросила женщина, разглядывая своего сына, прочно сидевшего за столом. Её вдруг испугала мысль, что мальчик, которого она вырастила, сейчас подтвердит — да, не важно.

— Что ты, мам! — Данила задержал ложку. — Как раз важно!

— Тогда успокойся и ешь. Согласна. Именно поэтому статью о вашем клубе буду писать сама.

— Ма-а... — Данила положил ложку на стол, опёрся подбородком на руки. — А кто Матвийчук? Дурак? Трус? Или настоящий предатель?

— Ему просто трудно понять ваши увлечения. Он, наверное, искренне считает, что детство должно быть ничем не омраченным и счастливым... — задумчиво ответила Светлана Александровна. Данила удивился:

— А разве это не так?

— Не так, — строго сказала женщина. — Даже ещё не взрослый человек должен уметь сочувствовать другим — даже тем, кого не знает. Должен знать, что такое беспокойство, ответственность, тяжёлые мысли по ночам — иначе из него вырастет пустышка.

— Значит, он серьёзно думает, что пожар тушат бензином? — снова спросил Данила. Светлана Александровна вздохнула:

— Я не знаю, что он думает. Я и в лицо-то его увидела впервые сегодня, когда он

пришёл в редакцию.

— В редакцию?! — у Данилы даже рот приоткрылся. — Зачем?!

— Он хотел, чтобы я запретила тебе посещать "Хорт", — Светлана Александровна задумалась и неуверенно сказала: — Данила, этот Станислав Викторович... ты, может быть, слышал от своих друзей... он... ну, не со странностями? Как бы тебе...

— Я понимаю, — Данила почесал нос в смущении. — Я ничего не слышал.

— Будь осторожнее, — вздохнула Светлана Александровна. — Тебе у него

77.

учиться. И ты просто не знаешь, сколько есть возможностей испортить жизнь честному человеку.

— А я — честный человек? — серьёзно спросил Данила.

— Ты знаешь... — Светлана Александровна с удивлением посмотрела на сына, словно его впервые увидела, и закончила: — По-моему — да.

— Ладно, — улыбнулся Данила. — Ма, я поем и поеду к Кларе, я же к ней ещё не заходил...

— Во сколько тебя ждать? — уточнила Светлана Александровна. — Хотя бы приблизительно?

— Когда Небесный Лось повернёт свой хвост на восход (1) — торжественно ответил Данила.

— После полуночи, но до пяти утра, — перевела мама. — В Москве я бы сошла с ума сошла. Ладно. До встречи завтра вечером.

...Клары дома не оказалось — она отправилась к тётке на хутор. Где эта тётка и этот хутор, Данила, к своему огорчению, не знал, поэтому,

обнадёженный словами матери Клары: "Почекай хвылыночку, Данила, вона разом обернётся!" — решил переждать невыносимую разлуку у Олега.

Тот как раз был дома и встретил Данилу на КПП, как это делал всегда. Иначе на территорию бригады было просто не попасть.

Комната Олега была сплошным ковром покрыта постерами и фотографиями космонавтов, космических кораблей и иных планет. По нынешним временам стать лётчиком, а потом — космонавтом немного удивляло. Но он занимался ещё в клубе РОСТО — вместе с Кларой, кстати — и упрямо двигался к цели. За стеклом шкафа у него стояли книги по авиации, подшивки журналов "Крылья Родины", "Авиация и космонавтика", "Военный парад", а на верхней полке располагались тщательно сделанные модели отечественной и зарубежной авиатехники разных времён — от английского "сопвича" до нашего СУ-37. Всё это Данила уже не раз рассматривал и изучал, обмениваясь мнениями по поводу каждой машины с Олегом — тот мог разговаривать о авиации и космонавтике бесконечно. С коврика над кроватью Олега улыбался своей знаменитой улыбкой всем входящим человек, для Олега святой Юрий Гагарин.

Олег отодвинул со стола на угол большой глянцевый альбом, открытый на репродукции, изображавшей стоящий на старте корабль, с пузатыми бочкообразными дюзами, из которых било голубое пламя. "Флот конкистадоров" — гласила подпись.

— Патрик Вудрофф, — пояснил Олег, — в воскресенье с лотка купил. Сто двадцать рублей, но репродукции того стоят.

К живописи Данила был в целом равнодушен, но всё-таки полистал альбом и вздохнул:

— Жаль, что сейчас нет таких кораблей, на которых можно на другие планеты летать. Я бы не отказался... Когда-нибудь наши ракеты будут смотреть, как мы на разные там бипланы и трипланы.

— Бипланы, — Олег присел на край стола. — Смешные, конечно. Вон, у братьев Райт их самолётик едва две сотни метров пролетел... Но зато они

1. Способ определения времени по Полярной Звезде и Большой Медведице, которую

наши предки называли Небесный Лось.

78.

были ПЕРВЫМИ, Данила. Это здорово — быть ПЕРВЫМ. Мы вот сейчас думаем, что самые умные. А по-моему какие-нибудь там греческие моряки, которые Средиземное море еле переплывали, в сто раз мужественней нас, хотя мы его за три дня насквозь проходим. Помнишь я давал тебе "Хроники Нарнии"?

— Да, — вспомнил Данила эту книжку, которую сначала не захотел читать — мол "детская".

— Как там Юстас говорит: "У нас корабли такие большие, что и не поймёшь, где находишься — на суше или на море!" — а ему отвечают: — "Зачем тогда вообще пускаться в плавание?" По-моему, правильно...

Зазвонил телефон. Олег сбегал снять трубку и вернулся, посмеиваясь:

— Тебя на КПП Клара дожидается изо всех сил.

— Я побегу! — подхватился Данила, но потом остановился и спросил: — А как ты думаешь, Олег, с девчонками ТОГДА тоже так было, как сейчас?

— Не знаю, — Олег продолжал улыбаться. — У меня нет девчонки.

ГЛАВА 6.

Под ярким летним солнцем известняковые проплешины в холмах сверкали, как стекло — больно было смотреть. Пушисто зеленели тенистые рощицы у подножий, где в прохладе бежали ручейки и речушки., пробившие себе ложи в известняке.

Губы у Клары были синие. И язык, который она показала Даниле, когда он пытался помочь взобраться ей на каменистую площадку, тоже был синий. Данила подозревал, что у него примерно так же — чернику ели оба, нагибаясь походя.

Велосипеды оба волокли следом. Как заметила Клара "незачем вводить в искушение честных людей". Остановились только на берегу Колотьвы, где в реку впадал ручеёк, говорливо выбегавший из-под большой гранитной глыбы — струйка вымётывалась, словно под давлением, падала в созданную самой природой чашу, а из неё, переливаясь через край, бежала в Колотьву. На камне была высечена фигура человека, поднявшего руки с палкой, лицо — как детский рисунок, штрихами обозначены рот, нос, брови, длинные волосы. Клара, встав на колено, окунула пальцы в воду и перекрестилась — лицо у неё сделалось строгое. Лишь когда они поставили велосипеды и начали раздеваться на небольшом песчаном пляжике. Данила спросил:

— А кто там, на камне?

— Святой Андрей, — ответила девчонка. — Он прогнал отсюда злых бесов, которые убивали людей и воровали скот. Там, за холмами, — она кивнула в ту сторону, — на полях лежат огромные камни, которые бесы кидали в святого.

Данила кивнул — он видел эти валуны, словно бы смятые, как мокрая глина, огромной ладонью. К ним несколько раз уже на его памяти наведывались делегации воронежских и ростовских УФОлогов — охотников за НЛЮ. Люди это были безобидные, восторженные и доверчивые — сельские жители из окрестных деревень беспощадно потчевали их байками о говорящих собаках и пришельцах, похожих на кришнаитов, которые вышли

79.

из аппарата вроде летающего "хрущёвского" стакана и за ночь сняли в огороде у бабы Аграфены урожай редиски...

...Они долго купались в тёплой воде, плавали и гонялись друг за другом по мелководью, пока наконец Клара не шлёпнулась с размаху на песок. Данила повалилась рядом, раскинув руки и ноги, пофырчал, перекатился на спину — грудь у него ходила

ходуном, крупные белые песчинки покрывали мокрую кожу ровным слоем. Клара набрала песку в кулак, выпустила струйку на живот мальчишки и задумчиво сказала:

— Готов к обжарке...

— Что? — щуря глаза на солнце, начинающееся спускаться к заречному лесу, весело спросил Данила.

— Песок — как сухарная крошка, — объяснила Клара. — Готов к обжарке...

— Ты что, так проголодалась? — Данила сел, отряхнув плечи. — Сейчас поедим...

— Не надо, — удержала его Клара. — Давай будем просто так.

Солнце опустилось на верхушки деревьев. В темнеющем небе острыми толчками зажглись первые звёзды, поднималась белесоватая луна. За лесом медленно разливалось зарева Горенска-Колодезного, но вокруг человеческих огней не было, лишь на другом берегу, очень далеко, горел чей-то костёр. Казалось, маленький пляж повисает над погружающимся в ночь миром.

— Пора ехать обратно, — нехотя пошевелилась Клара. — Давай ещё выкупаемся — и одеваться.

— Ничего не съели, — вздохнул Данила, поднимаясь на ноги. — Давай ещё приедем сюда?

— Приедем, — кивнула девчонка. — У нас впереди много дней. Вечность.

... Они катили по ещё вполне людным улицам города — колесо в колесо, висок в висок.

— Положим велики у меня — и пойдём в клуб, — развивал планы Данила. — Там сегодня новый фильм обсуждать будут, а если не понравится — найдём дело... — он помолчал и неловко спросил: — Тебе со мной... не скучно?

— Дурачок, — фыркнула Клара и нажала на педали

Они въехали на велосипедах прямо во двор и соскочили с них только около крыльца, на которое как раз вышла Светлана Александровна.

— Здравсь, тётъ Свет, — уже привычно поздоровалась Клара. Светлана Александровна наклонила голову и окликнула Данилу, словно он её увидел:

— Сынок...

— Что? — Данила прислонил велик к крыльцу, всмотрелся в лицо матери. Повторил: Что, мам?!

— Только что уехал человек, — сказала Светлана Александровна. — Данила, твой отец убит.

.... В тебя стреляют в упор — и ты падаешь.

Как упал твой отец. Человек, передавший это известие торопился к себе домой, не подозревал, что он передаёт тот осколок мины в город Горенск-Колодезный, в сердце мальчишки по имени Данила.

Он брёл по тёмной окраинной улице, где за заборами, передавая эстафету, заливались собаки. Только что прошёл короткий, тёплый, но бурный дождь, прилетевший непонятно откуда. Чудное лето, странное...

80.

Мама не удерживала его, когда он ушёл в сумерки. Только посмотрела на Клару — и та молча прошла следом. Она и сейчас шла следом, но Данила всё равно был один. Ему никуда не хотелось. И ничего не хотелось. Он жалел, что кончился дождь. Пусть было бы темно и сыро.

Вот есть в Македонии — далёкой, маленькой балканской стране, где идет война — село Лешок. Знаменитое село — ни разу без боя оно не сдавалось врагу: ни туркам, ни австрийцам, ни итальянцам, ни немцам... Его жители брали оружие и защищались отважно. Так было и в ночь с 5 на 6 июля — совсем недавно, когда подступили албанские бандиты. И начали обстреливать из миномётов и пулемётов. Жители принялись отвечать, — в тех местах у каждого есть оружие и пользоваться им умеют все, от мала до велика.

Русских в селе, конечно, не было. Не должно было быть. Те, кто хозяйничают в тех местах, не любят русских и не хотят, чтобы "они не лезли не в своё дело". Но простые македонцы думают совсем не так, потому сто Лешок вместе с ними защищали и сербы, и болгары, и русские были, которые приехали туда воевать. Многие говорят — за деньги. Но это неправда. Можно ПОЙТИ воевать за деньги. Но ВОЕВАТЬ за деньги нельзя, уж очень быстро война и горе чужого народа становятся твоими...

Был там и Андрей Баронин, только звали его в тех краях по-другому. Он с двумя товарищами перебегал улицу, меняя позицию, когда за их спинами разорвалась мина. Двоих македонцев ранило. А русского добровольца убило наповал. Он упал на далекую македонскую землю, и автомат его, падая рядом, выстрелил, словно салютуя хозяину.

Отца Данилы убили те же, кто убил отца Клары — милиционера ОМОНа. И те же, кто ранил в Таджикистане отца Сашко — пограничника. И те же, кто, как боялась тётя Фрося "вобьют" её младшего сына в Чечне. Они назывались по-разному, эти убийцы, и даже говорили на разных языках. Но ХОТЕЛИ они одного. И добивались своего одними методами — УБИВАЯ тех, кто противостоял им. Или просто — убивая как можно больше. Всех подряд, чтобы испугать.

Почему мы начинаем что-то понимать, когда уже поздно? СОВСЕМ поздно? Можно кричать, можно просить прощения... можно застрелиться или найти выпустившего ту мину бандита и застрелить его. Только всё равно Андрея Баронина — уже не будет. Умирай, живи, позабудь, помни всю жизнь — НЕ БУДЕТ. И все слова будто покрыл налёт пыли, и потускнели даже самые яркие из них...

Кроссовки промокли. В незастёгнутый ворот ветровки текло. Джинсы облепили ноги.

Ну и пусть.

Как болит сердце... Первый раз в жизни! Или это не сердце — а душа?

— Данила! Даня, постой!

Он повернул голову — Клара шла рядом, в своей жёлтой ветровке похожая на солнечный лучик, тоненький и светлый. "Как ты нашла меня?" — хотел спросить Данила, но вспомнил, что она всё время шла рядом.

— Как ты меня назвала? — тихо спросил Данила.

— Даня, — повторила она. — Пойдём домой. Пойдём, пожалуйста. Тебе нужно отдохнуть, поспать...

81.

И он покорно пошел, не спрашивая, куда и зачем... Клара вела его, обняв за плечи, и Данила просто закрыл глаза и переставлял ноги, а пришёл в себя только в ванной своего дома.

— Раздевайся и лезь в воду, — сказала Клара. — Я попрошу тётю Свету, чтобы она постелила мне на диване. Домой я позвонила.

Она вышла. Данила медленно стал раздеваться, швыряя мокрую одежду на пол. С него текло — на кафель и на коврик из мочалки. Потом спустил воду в белую ванну, сел на дне, обхватив колени руками и уткнувшись в них лицом, чувствуя, что начинает дрожать. Клара вошла очень тихо, что-то сказала маме, оставшись в коридоре, повесила халат на крючок и присела на край ванны, сказав:

— Не бойся, я не смотрю.

— Я хочу лечь, — попросил Данила.

Она отвернулась и терпеливо ждала, пока он вытирался полотенцем, влезал в халат. Потом — довела по лестнице наверх и стоял в дверях, а Данила, не зажигая света, укладывался под одеяло. И попросил:

— Не уходи. Посиди тут.

— Я не уйду, — сказала Клара, садясь на край кровати. Данила освободил руку из-под одеяла и нашёл руку Клары. Якорь. Руку той, которая отыскивала его среди темноты и отчаянья, чтобы спасти. Он хотел оформить эти мысли в слова, чтобы Клара поняла, как он

её любит... но усталость навалилась глухим чёрным покрывалом — Данила уснул...

...Голова гудела. "Уж не заболел ли я?" — испуганно подумал Данила, вглядываясь в лунный сумрак, плавающий в комнате. Клары не было, но отчаянье уже не вернулось. А вот голова... Данила с детства ненавидел болеть именно потому, что болезнь лишала его возможности нормально владеть своим телом — наверное, именно так боялись болезней первобытные люди.

В доме было тихо. Данила лежал, прислушивался к тишине. Казалось, вымер весь мир. Даже техника на стройке почему-то не работала. Мальчишке вспомнился сон, который мучил его лет шесть-семь назад — что он просыпается, а кругом — пусто. Солнечно так, спокойно, но — пусто. Ни единого живого существа, и он бродит по Москве даже без страха, а с какой-то безнадёжной тоской — именно от неё он всегда просыпался и бежал в комнату мамы.

Данила хотел встать, но внезапно испугался тихой лестницы и пустого, сумрачного зала — что, если там нет Клары?

А потом он услышал шаги.

Шаги на лестнице. И сухое, металлическое позвякивание, хорошо знакомое мальчишке. Так "звучал" при ходьбе доспех, который он сам носил.

Данила сел на кровати, развернувшись лицом к двери и чувствуя, как мельчайшие волоски на коже встают дыбом, словно наэлектризованные. Он не испугался, хотя то, что двигалось за дверью... оно...

Он не успел додумать. Дверь мягко распахнулась, словно от толчка ветра. В комнату, касаясь плечами косяков, а головой — притолоки, с мягким звоном вошёл огромный воин в светло-серебристой кольчужной броне. Левая рука его лежала на рукояти длинного меча в ножнах. На сгибе правой покоился островерхний крылатый шлем с шипастой пустоглазой маской. Над

82.

плечами поднимался заброшенный за спину щит.

Воин шагнул ближе — Данила ощутил его запах — железа, нагретой кожи и конского пота, словно гость вышел из сказочного, солнечного, прогретого дня, где пасутся, прядая ушами, рослые кони. Данила увидел его — худощавое, с длинными, рассыпавшимися по плечам волосами и падающими на чеканный нагрудник усами пшеничного цвета. Данила посмотрел в его глаза — чуть усталые, синие, окружённые сеточкой морщин, словно прорезанных в загаре.

Удивление так и не пришло. Данила поднялся с кровати, вскинул подбородок, вытянул руки по швам, как перед командиром.

Тяжёлая кольчужная рукавица наискось — правая на правое плечо — легла на Данилу, захолодив кожу сталью.

— Здравствуй, — сказал воин. — Вот я и пришёл.

— Хорошо, — одними губами ответил Данила. — Ты возьмёшь меня с собой... ТУДА?

— Каждому — своё время, — негромко сказал воин. — Я пришёл, чтобы сказать тебе: помни — мы были. Поэтому есть вы. Сделайте так, чтобы было и ПОТОМ.

— Всё бывает так плохо, — горестно сказал Данила. — Я чувствую себя таким слабым, бессильным иногда... и не чем не могу помочь...

Вместо ответа воин убрал руку и достал из ножен меч — длинный меч, по лезвию которого текла луна. И протянул оружие Даниле — рукоятью вперёд.

— Бери. И помни — мы рядом. Он ТВОЙ!

Данила протянул руку и сомкнул пальцы на рукояти меча...

... И проснулся от собственного неслышного крика. Сел в постели, ошалело глядя на правую руку и бормоча:

— Я же его взял. Я же его взял, взял...

Дико посмотрел кругом. Внизу слышались невнятные голоса мамы и Клары. А Данила

всё ещё не мог отделить явь от сна, почти ощущая в руке тяжесть длинного меча.

... Женщина и девчонка удивленно обернулись, когда он бесшумно вошел в дверь кухни и попросил:

— Налейте мне чаю.

ГЛАВА 7.

Дверь ванной Данила закрыл на задвижку — по дому, как стонущее привидение, слонялась Люська. Её подруга, сестричка Ваньки Ямщикова, вполне сравнима с Люской по вредности, уехала на неделю к каким-то родственникам (кое-кто в клубе прозрачно намекал, что никуда она не уехала, а просто Ванька придушил малолетнее сокровище с задатками энергетического вампира), Люська осталась одна и сейчас караулила любимого братца, чтобы испортить ему настроение на весь день.

Булькая под душем, Данила услышал звонок в дверь, топот Люськи и её вредный голос — она выясняла, кто и зачем пришёл. Потом Люська сообщила, что "он заперся в ванной и не откликается — может быть, имела место попытка суицида" — какие слова выучила, поганка! Данила поспешно

83.

заорал:

— Люська! Впусти! — и, услышав шаги и голоса, крикнул: — Я сейчас, ребята!

— Тут и девчонки — гаркнул в ответ Олег. — Прикинься по полной программе!

Выйдя, Данила не обнаружил Люськи — спаслась от мщения в своей комнате. Но и без неё народу хватало — человек десять толпились в прихожей.

— Где Клара? — быстро спросил Данила, расчёсывая мокрые волосы. Но Клара уже появилась из-за спин остальных, чуть смущённо улыбаясь, и Данила, улыбнувшись ей в ответ, подумал, что плохо будет, если сейчас начнут выражать соболезнования... Вместо этого Сашко сказал:

— Е две новости. Очень добра и так — поганенька. Чего сначала?

— Поганеньку, — улыбнулся Данила, беря под руку Клару — она положила голову на плечо мальчишки. От её волос пахло горькой травой.

— От це и вона, Сашко, криво улыбаясь, развернул перед Данилой журнал — тот узнал Воронежское издание.

Цветной коллаж изображал марширующих попеременно хортовцев и фашистских штурмовиков — парад принимал Гитлер. Над коллажем во весь разворот алые готические буквы возвещали:

ЭСЭСОВСКИЙ МАРШ

А ниже мельче: "Чему и как учат подростков "военно-патриотические клубы?""

— Прямой жирный шрифт, кегль двадцать пунктов, — определили Данила. Кто-то нервно хихикнул. — Ничего, прорвёмся... А хорошая новость?

— Она из нескольких частей состоит, — Ухмыльнулся Джек, разворачивая ещё один областной журнал. Хорошо знакомый всем Николай Павлович Астафьев серьёзно смотрел с фотографии, увенчанной строгими буквами заголовка:

ТИМУР И ЕГО "КОМАНДОС"

— Это не только про нас, — пояснил Джек, — а вообще про все такие клубы области. Хвалебная статья.

— Первая часть, — согласился Данила. — Сколько ещё?

Джек молча выставил два пальца. Олег, до сих пор молчавший повторил:

— Через два часа общий сбор. Там всё скажут.

— Мальчишки, — жалобно подала голос одна из девчонок — кажется её звали Ленка, — а нас вы опять бросите?

— Скажи спасибо, что мы вас только бросаем, а не кидаем, утешил Джек.

— Спасибо! — фыркнула Ленка.

— Без меж половых конфликтов! — решительно объявил Олег. — Тимур сказал, что построение будет во внутреннем дворе, могут приходить сочувствующие, желающие, а также враждебно настроенные.

— Для этих враждебно настроенных, — буркнул кто-то, — давно пора объявить открытый диспут, потом закрыть, заколотить, облить и бензином поджечь.

— Добрый мальчик, — подмигнул Даниле Олег. и взглядом спросил: "Ты

84.

как?"

Олег улыбнулся: "Ничего. Я же сказал прорвёмся!"

...Есть в невообразимых пространствах Интернета адрес, именующийся www.hort.ru. За этим адресом — сайтом С.П.К.Ю.Ф. "Хорт" — стоит мощная фигура урядника клуба Витьки Пелишенко, известного в хакерских кругах под никнэмом Политрук. Политические взгляды Витьки тут не при чём. В этом как раз году он окончил школу и собирался поступать в ВГУ, но связей с родным клубом не порвал. В одной из комнаток "Хорт" Политрук с ещё несколькими фанатами компов, из которых он ковал себе смену, занимался множеством мало приятных, но полезных для клуба дел. Там его можно было — за редкими исключениями — найти в любое время дня и ночи и даже обратиться с просьбой. Правда, живую русскую речь Политрук понимал уже плохо, искренне недоумевая, зачем люди болтают языками, если есть "емеля" и аж десять пальцев? Тяжести в общении добавляло то, что на 3/4 разговор Политрука состоял из "апгрейдов", "чатов", "вебов", "гамесов" и тому подобных "юзеров" — у нормального человека после одной-двух минут общения начинала плавно и неотвратимо сползать крыша.

Помимо всего прочего, Политрук заведовал той самой "емелей" — или, если по-человечески, электронной почтой e-mail с адресом hort@aport.ru. Посредством этой почты клуб поддерживал связи со множеством единомышленников и противников не только в России и СНГ, но и по белу свету.

...Клуб на построении — это зрелище. Редкий мальчишка, увидев это, не прикусит завистливо губу и редкая девчонка не посмотрит с откровенным интересом на парнишек в форме, заполнивших чёткими шеренгами квадрат внутреннего двора.

Три сотни — "Святослав", "Суворов", "Жуков" — с сотенными флажками образуют три стороны квадрата. Сотники — впереди, с небольшими интервалами сотни поделены на полусотни — "Доростол", "Куликово поле", "Полтава", "Бородино", "Курск", "Приднестровье". Полусотни — на ряды, ряды — на десятки, десятки — на звенья... Знаменна группа и барабанщики — знаменная с обнаженными клинками, в белых перчатках и поясах, барабанщики — без клинков, но с белыми перевязями — замерли в центре. Четвертая сторона квадрата — кандидаты, пока ещё единым, монолитным строем: "младшая дружина". Обычно больше некого на построении нет, но сейчас во дворе полно любопытных — они притихли вдоль стен.

А вот и Тимур. И голос дежурного:

— Смирррр-а-а!

Рассыпчатая барабанная дробь — и барабаны выбивают первые такты марша клуба. Затихли.

— Вольно, — это Тимур.

Встав около знаменной группы, он внимательным взглядом обвел весь строй, поворачиваясь на каблуках.

— Ну что, "командос", — он улыбнулся, по строю искоркой пробежал смех, но тут же затих. — Дожили мы до цепочки приятных событий. Уж извините — не говорил, не хотел

расстраивать, если вдруг сорвётся... Через два дня около города Георгиу-Деж при поддержке фирм и администрации

85.

области состоится в присутствии телевидения — в том числе и центрального — рыцарский турнир. Название так себе... — Тимур поднял руку, в зародыше придушив родившийся шум, и грозивший перерасти в бурю с воплями и прыжками. — Присутствовать будут в основном наши двоюродные братья — "Витязи", "Серебряное копье", "Святогор", — Тимур перечислил клубы спонсируемые Астафьевым и его товарищами. — Но приезжают и ребята из Карелии — клуб "Калевала". И ночью скинули сообщение на "емелю"... Тимур выдержал паузу: — Краковский клуб "Пан Володыевский" в изысканно-вежливых оскорбительных словах шлёт нам, как они выразились, "шановному москальскому рыцарству", вызов на бой.

— Международная встреча!!! — аж взвизгнул кто-то. На этот раз дисциплина не устояла...

Когда Тимур установил тишину и порядок, то смог наконец продолжить объяснение ситуации:

— Это еще не все... Значит хочу предупредить, так сказать, команду поддержки — вам билеты никто не оплатит, так что если хотите ехать — договаривайтесь с родителями. Кандидаты едут тоже — как оруженосцы. И последнее. По возвращению уходим в поход. Заодно посмотрим, чему вы научились за прошедшее время... Под знамя — смирно!

...Дома Данила бухнулся на свою кровать, закинул руки под голову и какое-то время лежал, глядя в потолок и представляя себе то, что предстояло. Беды, неприятности — все отодвинулось на второй план, и мальчишка подумал: а ведь неплохая это штука — жизнь! Он резко поднялся, пошарил на полке и толкнул в проигрыватель лазерный диск "Арии"...

Старый добрый "метал" взревел из колонок, подгоняя кровь, и без того разгорячённую поселившимся в парне ожиданием События:

— Кто сказал, что страсть опасна,

Доброта смешна?!

Что в наш век отвага не нужна?!

Как и встарь, от ветра часто

Рушиться стена —

Крепче будь, и буря не страшна!

Встань!

Страх преодолей!

Встань

в полный рост!

Встань

на земле своей

И достань рукой до звёзд!

Данила толчком открыл окно и оперся руками в подоконник. Музыка била его в спину:

Кто сказал: "Один не воин,

Не величина!""?

Кто сказал: "Другие времена!""?

Мир жесток и не спокоен —

За волной волна —

Не робей, и не собьёт она!

Кто сказал: "Живи покорно.

86.

Не ищи руна,

Не летай и не нырай до дна!""?

Сталь легка, судьба проворна —

Грош тому цена,

Кто устал и дремлет у окна!

Если бы схватка ожидала его сейчас — он бы победил любого противника. Под такую музыку не могло существовать непобедимых противников и нерешаемых проблем. Данила стиснул зубы:

Кто сказал: "Борьба напрасна,

Зло сильнее Добра!"?

Кто сказал: "Спасайся — вот нора!"?

Путь тяжёл, но цель прекрасна,

Как огонь костра!

Человек — настал твой час, пора!

Встань!

Страх преодолей!

Встань

В полный рост!

Встань

на земле своей

И достань рукой

До звёзд!

Сквозь листву деревьев, которую раскачивал тёплый ветер, Данила видел Клару — девчонка катила по тротуару и махала ему рукой.

В мире существовало только счастье. Его было много, очень много — столько, что Данила на миг подумал: не задохнуться бы! И замахал в ответ.

ГЛАВА 8

Не в пример многим мероприятиям, "Рыцарский турнир" был организован хорошо — как бывает, если дело делают не "Для галочки", а с настоящим энтузиазмом. Распорядители подобрали здоровенную плоскую луговину, которая постепенно обрастала машинами и палатками — на плав зрителей был большой. В нескольких местах палатки группировались под флагами — однотипные, так располагались ребята из других клубов во главе со своими руководителями.

"Хорт" добирался от ближайшего полустанка восемь километров пешком и не мог оценить красоты выбранного места. Все были довольны уже и тем, что их встретил расторопный молодой человек проводил на отведённое место, где все уже занялись разбивкой палаток в одном чаяньи — улечься спать. Скоро заслуженные многоместки уже стояли, где им положено, и над лагерем ""Хорта" импровизированном флагштоке поднялся голубой походный флаг.

После всех этих работ оказалось, что спать никому не охота, только младшие, хотя и активно протестовали, всё равно были загнаны по палаткам, где благополучно и быстро уснули. Остальные — кто отправился искать болельщиков, прибывавших своим ходом, кто рассаживался у костров, сложенных из натасканного добровольцами топлива. Сами собой у огня

87.

материализовались девчонки — в том числе и Клара, которую привезла Светлана Александровна, приехавшая на турнир вместе с Люськой. Данила был приятно удивлён — не обнаружив в электричке, которую они забили к возмущению других пассажиров, Клары, он впал было в унынье, тем более, что мама даже не намекнула на своё желание посетить "побоище", как она выразилась.

Болельщики продолжали прибывать — по еле заметной в обычное время просёлочной дороге то и дело подходили машины и долго блуждали среди палаток и костров, отыскивая местечко, где можно хотя бы спальники разложить.

Данила уже успел оценить ребят из других клубов. "Витязи" и "Святогор" как две капли воды напомнили самих хортвовцев. "Серебряное Копьё" — в более сложных латах — дублировали героев американского эпоса "Сага о Копье" и были скорее не историческими, а фэнклубом, хотя и получали субсидии от кого-то из старых друзей Астафьева, ещё в детстве "заболевшего" Толкиеном. Понравились Даниле ребята и девчонки — там они были! — из "Калевалы": здоровенные, немногословные, почти сплошь светловолосые, они пренебрегали латами, используя только щиты и шлемы, зато национальная карельская одежда поражала красотой и богатством вышивки. Поляки кучковались где-то аж на другом конце луговины, километрах в трёх, с ними никто закончить не успел, хотя поговаривали, что Тимур уже повстречался с их руководителем.

Постепенно все, кто мог, стянулись к одному, самому большому, костру. Кто сидел на земле, кто, обнявшись, стоял за границей освещённого круга — лишь потрескивал в огне сушняк, да бегали по задумчивым лицам бронзовые блики. Костёр объединяет людей, даже если они плохо знакомы. И вот уже около огня зазвучали разговоры.

— Представьте, что прошло пятнадцать лет, — вдруг сказал Сашко. — Я об этом часто думаю, чесслово! Вот прошло. Как там всё будет?

— Всё здорово изменится, — уверенно ответила Ленка Левко. Она сидела, упёршись локтями в колени скрещенных ног и поставив подбородок на ладони.

— Меня вы найдёте в Горенске, — подал голос Ванька Ямщиков, — виде мэра. Я тут весь цент перестрою. И пущу автобусы рейсовые... Прикиньте — ещё издалека будет видно башню мэрии! С часами.

— Гостиницу построй хорошую наконец, — посоветовал Стас Голявко. — А то я прилечу с Марса, а жить негде. Обидно будет покорителю марсианских пустынь дрыхнуть в родном городе на лавке.

— Ничего, у меня лавки будут, как хорошие кровати, — обнадёжил Ванька.

— А я загляну сюда — ну, в Горенс-Колодезный — вместе с Ванькой, — пообещал Олег. — Точнее, привезу его с Марса. На корабле, капитаном которого буду.

— Построй у себя космопорт, — посоветовал Джек, — пусть Стас сразу дома приземлится.

— Подумаем, — обещал Ванька. — А ты что будешь делать?

— Воевать, — серьёзно ответил Джек. — К тому времени буду уже капитаном ВДВ.

88.

— Сашко, а что ты сам будешь делать? — спросил Олег. Сашко смутился, потом ответил:

— А я обо всех вас напишу. Мне лучше всех — везде побываю! Данила, а ты??

— Буду соревноваться с Джеком — кто скорее получит майора, — неожиданно для самого себя ответил Данила и понял, что это правда. — Но в ваш городок я тоже буду наведываться, так что не надейтесь легко от меня избавиться!

— Мы с ним вместе будем приезжать, — пообещала Клара. — Я буду военным лётчиком. Вот только не знаю, как мы... — она хихикнула.

— А Танюшка хочет стать врачом, — сказал Артур, сидевший в обнимку с гитарой, — правда?

— Обалдуй, — заметила Татьяна. — Хочу и стану. А вот ты...

— А я буду музыкантом, — отрезал Артур. — Настоящим, хорошим музыкантом.

— Когда будете сидеть за столами и отмечать встречу, — вмешался Димка Орлин, — не забывайте обо мне. Я забабахая на ваши столы вишни размером с арбуз. Это такая сложная вещь — селекция называется.

— А я буду учить детей, — вздохнула Машка Риттер. — Младших здесь, в городе.

Ванька для младшекласников отдельное здание построит...

— Если бюджет позволит, — заметил Ванька.

— Ничего, найдёшь на такое дело...

— Я тоже стану военным лётчиком, — пообещал Валька Баладин. А Тонька Служеникина вкрадчиво сказала:

— Как вы с таким трогательным единодушием соберётесь — отправляйтесь на побережье Чёрного моря, садитесь в подлодку...

— ...которую вести буду я, — ответил Олег Строев.

— Отлично... И жмите в сторону Крыма. Там будет стоять моя глубоководная станция.

— Ребята, — удивился Данила, — это что же? а где дипломаты? Где будущая надежда русского бизнеса? Где голливудские звёзды с русскими фамилиями и профессиональные спортсмены?

— А нэту! — с грузинским акцентом ответил Сашко, разводя руками. — Ызвени, дарагой!

— Не повезло тебе, — сочувственно ответил Джек. — В Москве таких, наверное, больше?

— Да я от них сюда и сбежал, — признался Данила, вспомнив разговоры однокласников о планах на будущее — там, в Москве.

— Вот что, — Олег хлопнул его по колену. — Давайте-ка дёрнем песню! Артур, ну-ка — чтоб на дело звала и робость не заставляла!

Артур с готовностью перехватил свой инструмент. Побрякал по струнам, вскинул голову...

— Каждый выбирает для себя

Женщину,

религию,

дорогу!

Дьяволу служить —

Или пророку —

89.

Каждый выбирает для себя!

Каждый выбирает по себе

Слово

для любви

и для молитвы,

Шпагу для дуэли,

Меч для битвы —

Каждый выбирает по себе!

Каждый выбирает по себе

Щит и латы,

посох

и заплаты!

Время окончательной расплаты

Каждый выбирает по себе!

Каждый выбирает для себя!

Выбираю тоже — как умею!

Ни к кому претензий не имею —

Каждый выбирает для себя!

ГЛАВА 9.

Данилу разбудил рёв рога.

Он открыл глаза в палаточной полутьме. слева и справа сопели ребята, но снаружи уже начиналась какая-то жизнь — позвякивал металл, слышались голоса. Рог проревел ещё ближе, встав воинственного, наполненного схватками сна Данилы. Мальчишка сел, зевнул, потряс головой. Кто-то сказал у стенки недовольно: "Выключите нафик, пацаны..." Данила поднялся на ноги и выбрался наружу.

Холодная роса обожгла босые ноги. В воздухе стоял плотный туман, сквозь который серели контуры палаток и движущиеся тени людей, казавшиеся призраками. Звуки мешались и путались, как в приёмнике, когда вращаешь ручку настройки.

Рог заревел уже третий раз — уже рядом. Из тумана вынырнул Тимур, с ним — незнакомый молодой мужчина и двое соратников — Колька Ангелов и Олег Гриценко — в полном вооружении, только без щитов, а шлемы на локте.

— Чё такое? — воззвал Данила к тем, кто поближе, видя, что и из других палаток выглядывают любопытные. Ему не ответили — похоже, никто и в самом деле ничего не понимал. Но всё разъяснилось тут же.

Из туманной мглы выплыли три человека — три подростка. Они были одеты одинаково: куполовидные шлемы, закрывали всю голову, кроме лица. с поднятыми на лоб наносьями, похожими на перевёрнутые елочки, какими их рисуют дети; алые накидки с белым орлом; наручьи, соединённые с налокотниками и кольчужными перчатками; поножи, защищавшие ступню; длинные мечи в ножнах. Один нёс флаг — тоже красный, с белым орлом. У

другого был прямой рог. Третий просто шёл в середине. Лица у всей троицы

90.

прямо-таки излучали надменность.

Удостоверившись, что собрался весь народ, шедший в центре ещё раз огляделся и, устремив взгляд вверх голов, громко и отчётливо заговорил по-русски, с небольшим акцентом, придававшим речи особый шик:

— Как герольд отважного польского рыцарства я послан к вам с напоминанием рыцарству московскому, что был наш вызов и быть бою! А если хотите уклониться от такого, то герольды наши трижды прокричат вас трусами и отступниками слову, едва рассеется туман и соберётся народ на ратную потеху! Если хотите боя — пусть будет у вас два часа на сборы и молитвы, а остальное — в руках божьих! — все трое поляков перекрестились непривычно, "наоборот". — А чтоб придать вам мужества, — продолжал герольд, — которого вечно не хватало москвитам — наш походный кнез прислал вам это!

Быстрым, отрететированным движением поляк выхватил из ножен меч и метнул его с такой силой, что тот, вонзившись на треть длины в землю около ног Тимура, задрожал мелко и зло. Данила затаил дыхание, по достоинству оценив эпизод из "Крестоносцев" Сенкевича и одноимённого фильма.

Поляки скрылись в тумане под возмущенным ропотом. Тимур, не пошевелившись, двинул бровью — Колька, нагнувшись, вырвал меч из земли.

— Поляки, — с усмешкой сказал Тимур, рассматривая меч, — шляхетство гоноровое... — он принял оружие, подержал его в руке и вскинул над головой: — Ну что, дружина, наши мечи покажем?!

— Покажем!!! — заорали кругом повывлезавшие из палаток мальчишки.

— Барабаны, бить подъём! — крикнул Тимур. — Наш суд чести — первый сегодня!

...Если бы как-то похоже проходили уроки истории — все по этому предмету были бы отличниками.

Эта мысль была немного нервной. Но Данила был готов побиться об заклад, что

хладнокровие на его месте не удалось бы сохранить никому.

Туман уполз. Солнце быстро поднималось над горизонтом. Народ оккупировал природные трибуны — склоны вокруг места боя, кто сидел или стоял, многие повлезали на машины или какие-то непонятные конструкции. Сдержанный гул прокатывался волнами над полем.

Герольды объявили через мегафон(уступка ХХ1 веку и многочисленности аудитории), что на поле в общем бою встречаются юношеский клуб любителей исторического фехтования "Пан Володыевский", Польша — и спортивно-патриотический юношеский клуб исторического фехтования "Хорт", Россия, согласно заранее обговоренному через интернет вызову. На поле вышли двенадцать судей, выстроившихся по шесть с каждой стороны, и герольды, отдавая дань традиции прокричали:

— Пусть начинают!

Никогда в жизни Данила так не волновался. Нет, это было даже не волнение, а какой-то странный пьянящий подъём. Поиск глазами своих среди публики — и не найдя конечно! — мальчишка обеими руками одел шлем, устроил на руке щит и потянул меч из ножен — конечно пластмассовый муляж, иначе судьбы могли бы и не уследить и началось побоище. Слева от него стоял Сашко, справа — Олег с топором. Это оружие он предпочитал

91.

любому другому. Сейчас Олег поворачивал кисть в боевой рукавице и бормотал:

— Давайте, давайте... — слова глухо, искажённо доносились из-под маски, украшенной шипами.

Поляки стояли в полукилометре — как серебристо-алая полоса. Внезапно послышался слитный шорох, и Данила, чувствуя, как сердце заколотилось где-то в животе, понял, что это они достали мечи из ножен. Он, если честно, уже не помнил, что у поляков, как и у "Хорта" — пусть тяжёлые, но пластмассовые муляжи. Всё было по-настоящему... Серебристо-алая полоса качнулась и двинулась вперёд, разрастаясь в стену. Дружинники "Хорта" слышали единое, дружное пение десятков мальчишеских глоток — похожее на молитву, но одновременно грозное и воинственное...

— Кирие Элесон,

Кристе Элесон!.. — слаженно пели поляки, двигаясь щит к щиту, ровной стеной.

"Хорт" всё ещё стоял. Зрители бесновались — крики здорово организованной, но немногочисленной польской группы поддержки утонули в воплях остальных, большинство из которых выкрикивало: "Хорт! Хорт!" — но весь этот рёв доносился до дружинников, как неясный гул, перекрывавшийся пением:

— Кирие Элейсон,

Кристе Элейсон!..

Олег Гриценко вышел из общего строя и повернулся спиной к полякам. Отвёл в сторону правую руку с мечом. И с силой ударил мечом в щит, выкрикнув:

— Рось!

Ему ответил ещё несколько ударов и голосов. А через две или три секунды уже десятки мечей били по щитам — и в ответ песнопению движущегося польского отряда так же дружно рывало:

— Рось! Рось! Рось!

Поляки прошли половину расстояния, когда, продолжая выкрикивать боевой клич, хортовцы тоже пошли вперёд. Данила кричал и бил мечом в щит, не спуская глаз с распадающейся на отдельные лица, фигуры, щиты стены польского строя — и ему казалось, что всё это уже было когда-то в его жизни... может быть — в другой, но его: утренний луг, роса, пение врагов и собственный боевой клич над землёй...

— Напишут! — выкрикнул напряжённый голос у поляков: — Бий! Погром!(1.)

— Вива-а-а-т!.. — загремело с той же стороны, но тут же смолкло. Оставалось метров пять-десять, их отряды преодолели единым духом. Стало не до кличей.

"Бдзаммм!" — загудел орлёный щит поляка от удара мечом. Ага, щиты у них металлические — береги пальцы, то ли дело наши, деревянные! Слева, справа — стук, ляг, крики... работая мечом, Данила теснил своего противника, тот в какой-то момент резко отшагнул, его сменил свежий, из второго ряда, но тут же упал — Олег, появившись сбоку, достал его топором

1. Вперёд! Бей! Победа! (польск.)

92.

по гребню шлема, украшенному перьями, а Данила ткнул мечом под щит переводившего дух первого поляка — как из-под земли появившийся рядом судья коснулся его плеча полосатым жезлом, польский мальчишка послушно растянулся на земле... Потом впереди оказалась сплошная стена щитов, между ними быстро опускались копья, а в несколько сохранившихся промежутков вбегали, как в двери, отставшие поляки. Дружинники отхлынули, оставив между собой и сплотившимся врагом пространство, устланное "трусами" — жутковатое зрелище...

— Звыценьство, панове! — прокричал чей-то голос за щитами. — Венц ще един до погрому! Вшистки — напшуд! До москальства! (1.)

— Стену выстроили! — прохрипел кто-то рядом неузнаваемо. — Ну, сейчас они нам дадут...

И действительно — "Пан Володыевский", почувствовав, что проигрывает в распавшемся на отдельные схватки бое, применил тактику рыцарских "орденов": первый ряд сдвигает щиты, второй — опускает копья, и эта живая крепость движется вперёд, подкалывая наиболее храбрых и наименее расторопных врагов, а остальных просто оттесняя.

— Звыценьство! Звыценьство! — торжественно кричали поляки. Судьи безмолвными призраками скользили за отступающим "Хортом", неумолимо работая жезлами вслед польским копьям. В лагере дружинников тоже были копья, но они их не взяли, понадеявшись на единоборство — а поляки позаботились взять...

— Сигнал "отступление" подаётся страшным криком и выпученными глазами... — пробормотал Олег, сбрасывая шлем. Его потное лицо было бледным и решительным: — вот что, Данька... Сашко, Джек... а, он вон там валяется... Серёга, Ванька! Давайте-ка, пока они нас в лагерь не загнали, сделаем им букву "зю"

— то ты предлагаешь? — спросил Данила, пятясь вместе со всеми. Передний ряд, к которому тянулись покрашенные серебрянкой жала копий, уже оглядывался, в рассуждении "куда бечь".

— А вот что пацаны...

Неизвестно, успели что-нибудь понять поляк, или нет, когда дружинники первого ряда, беспомощно пятившиеся от копий, вдруг раздались в стороны — и появились четверо парней, тащивших, согнувшись, круглый щит. Они остановились прямо перед копёйной щетиной... за ними выбежал ещё один — с топором, но без шлема и доспеха — с разбегу прыгнул на щит, и четвёрка, этот щит волокшая, выпрямилась, как живая катапульта.

Зрители ахнули. Приём был смертельно опасным для молнией взлетевшим над польским строем светловолосого мальчишки — он мог искалечиться или даже погибнуть, как в настоящем бою... Но поляки раздались в стороны испуганные и удивленные — парень приземлился в третий ряд и, улюлюкая, как индеец, несколькими взмахами топора С ТЫЛА проломал дыру в стене щитов!

— Рось! — завопили вновь дружинники, как вода в воронку, вливаясь в эту дыру и расширяя её, уже не давая полякам оторваться для нового построения...

1. Слава, анове! Нам ещё минута до победы! Все — вперёд! На русских (польск.)

93.

...Последних "рыцарей", как окрестили поляков на "трибунах", доби́ли возле самого их

лагеря, где они попытались организовать оборону. Олег Строев, позаимствовав и герольда мегафон, проорал, надсаживаясь:

— А кто с мечом к нам придет — от меча и загнётся! — и добавил: — Блин.

Зрители обрадованно захлопали. "Убитые" обеих сторон вставали с земли, поправляли снаряжение, подбирали оружие. К Олегу, разыскивавшему свой доспех, подошли сразу четверо поляков. Данила, Джек и ещё трое мальчишек их "Хорта" поспешили к ним тоже — но напрасно беспокоились Веснушчатый круглолицый мальчишка с царапиной во весь лоб, возбуждённо блестя глазами, сказал, хлопая Олега по голому плечу:

— Бардзо добже! Фантастично! Этому не будут верить, когда мы разовим... расскажем! Додже, цо... что была записка, видео!

Олег улыбался и морщился (как по секрету сказал друзьям — всё-таки треснулся копчиком о плечо одного из поляков, еле удержался на ногах!). Противники отошли, оживлённо толкуя друг с другом. Впрочем, если честно, наши мальчишки ловили и откровенно злые взгляды — но сказать никто ничего не сказал. Победа оказалась чистой.

А день продолжался. Начались индивидуальные схватки, стрельбы из луков, рукопашный бой без оружия, показательные выступления по метанию топоров, ножей, копий... Данила тут нигде особых заявок не делал, хотя дважды схватывался на мечах: парню из "Калевалы" он бой продул, зато у воина из "Святогора" выиграл, да потом ещё выиграл рукопашную схватку у другого святогорского дружинника — за это время его личные болельщики пробились в первые ряды, и визг Люськи, кажется, деморализовал противника. Во всяком случае, Данила так ей и сказал, и она страшно загордилась. Светлана Александровна выглядела слегка ошарашенной и призналась:

— Я не думала, что это выйдет... настолько реалистично. Мне было временами просто страшно — особенно когда схватка перемещается, а там остаются лежать... брр! — она передёрнула плечами и обняла Данилу, который смущённо покосился на Клару.

В стрельбе из луков непревзойдёнными оказались мальчишки из "Серебрянного Копья" индивидуальные схватки на мечах раз за выигрывали то "Хорт", то "Сятогор", то "Витязи" — спор в пользу "Витязей" решил их боец, одолевший сперва святогорского дружинника, а потом — к унынию "Хорта" — лучшего рубаку клуба Олега Строева. В метании ножей и топоров никому не уступала "Калевала". С копьём лучше всего обращались поляки. А вот рукопашный бой подмял под себя "Хорт" — однозначно.

Подкатил вечер. Отряды последний раз построились на поле, отсалютовали друг другу — и началась предразъездная толкотня. У Данилы оказались полтора десятка адресов, в том числе — два из Польши, и сам он свой адрес дал шести или семи парням и одной девчонке. Паковались телевизионщики. Сигналили, разъезжались, машины. Светлана Александровна без особой надежды предложила сыну ехать с ней, но он только замотал головой и исчез в толпе, а следом смылась Клара, покаянно сказав:

— Тётъ Свет, я с ним, на электричке...

94.

...Вагоны спали вповалку. Во всём составе бодрствовали несколько бабок, отвоевавших себе плацдарм в первом вагоне, проводники (их беспокоило нашествие подростков в таких количествах) и сидевшие у приоткрытого окна Астафьев и Тимур. Бизнесмен ехал без охраны в весьма общественном транспорте, не испытывал от этого особых неудобств

— Я смотрел классные журналы, — неспешно говорил Астафьев, — за прошедший год. Практически все ребята из клуба учатся очень хорошо.

— Вы об этом разговаривали с Зайцевым? — спросил Тимур. Астафьев слегка удивился:

— Заметил?

— Трудно не заметить, — Тимур покачал головой. — Он так активно болел!

— Да, — засмеялся Астафьев, — хотя сперва пытался сохранять хладнокровие... Разговаривали и об этом. А вообще — он снова старался убедить меня, что мы ущемляем индивидуальность подростков... — Астафьев иронично хмыкнул: — Прежде чем заявлять о ущемлении индивидуальности — нужно этой индивидуальностью обладать! А большинство из тинэйджеров — словцо-то какое поганое! — мнением которых козыряет Зайцев, индивидуальности не имеют — больше того, больше того стремятся этой частью стада остаться. Не КОМАНДЫ, что им так претит, а СТАДА, стадо от своего члена ничего не требует, значит — можно жить без хлопот... Что до наших парней — вряд ли можно ещё где-то встретить ярче выраженные и более сильные личности! — Астафьев с удовольствием вспомнил: — Но какие у них были лица, когда они победили! И какой ход — со щитом! Рискованный, отчаянный — но ах какой!

— Как писал Хайнлайн, — кивнул Тимур, — очень немногие ощущают себя достаточно сильными, чтобы быть частью коллектива и подчиняться принятым в нем формам взаимоотношений...

— Но, боюсь, драки будут продолжаться, — покачал головой Астафьев. — А так хочется чтобы не мешали эти мелкие дразги... — он поморщился. — Эти склочники, сплетники, глупцы... Не мешали даже нам — мальчишкам нашим не мешали...

Мужчины умолкли, глядя в проносящуюся за окном ночь. Спали вагоны, прикорнули бабульки, задремали проводники — и лишь в хвостовом вагоне самые неугомонные во главе с Артуром распевали под гитару:

— Есть ещё белые-белые дни,
Белые горы и белый лёд!
Но все, что мне нужно —
Это несколько слов
И место для шага вперёд!

ГЛАВА 10.

Сырая духотища висела над лугом. Кто-то сказал "банная", но Данила в жизни не был в бане, для него такое ассоциировалось с "тропической". Под ногами чавкало, в лужицах воду лепились гроздья жабьей икры и личинки комаров. Сами комары были тоже, но не поднимались выше колен — жара

95.

доконала и их, им просто лень было куда-то лететь и кого-то кусать. Всё живое попряталось, лишь где-то очень высоко, неподвижно распластав крылья, висели ястребы — то соскальзывали, то поднимались выше в потоках воздуха.

Пот стекал по лицу и шее Данилы ручьями. Он давно пропитал насквозь куртку, трусы и штаны. Кроссовки промокли от тёплой, противной воды. Глаза щипало. Ладони прилипали к рукоятке и стволу автомата. В горло словно засунули ёршик для посуды, и при каждом глотке он елозил там вверх-вниз. Рюкзак набил плечи и поясницу. Вода во фляжке находилась на точке кипения.

Данила никогда бы не подумал, что может так хочется пить — не где-нибудь в пустыне, а в самой обыкновенной России. Пусть и на юге. Казалось, что река где-то за сотни километров, и ручьи с родниками пропали, испарились, осталась только эта вода, под ногами — бульон из икры. Но и она уже не казалась противной.

Три десятка парней растянувшейся цепочкой двигались через луг, держа курс на холмы, за которыми начинались приречный лес и плавни — цель перехода. Каждый нёс рюкзак, фляжку и автомат.

Пентбольный, конечно. Вот только жара от этого не становилась ненастоящей.

Рано утром отряд под командой Кольки Ангелова высадился на полустанке. Сейчас

было за полдень, они отшагали километров двадцать с короткими привалами. По правилам, привалы нужно было устраивать каждый час — по правилам турпохода. Но они отдыхали три раза. Первый раз — в полях, где уже начинали золотиться колосья, через час после начала движения: подгоняли снаряжения. Второй раз — на границе поля и заливных лугов, километрах в шести отсюда. Третий раз — полчаса назад. Отдыхали стоя и не снимая рюкзаков — сесть самим или поставить их было некуда. Колька спешил, остальные тоже. До границы леса нужно было добраться не позже часа дня — иначе их перехватят и положат на открытом месте. Это понимали все.

Восьмикилограммовый рюкзак. Общий вес груза — килограмм пятнадцать. В голове вертится одна и та же мысль: "Через глаз повязка, через череп — шрам. Это не жизнь, а сказка, скажу я вам!". Привязалась и вертится, а за её фоном разворачивается целый монолог. Покаянный. Его краткое содержание следующее "Больше никогда не совершу такой глупости!!!"

В смысле — похода.

А ведь мог бы быть а одной из групп преследования, идиот! Мог бы не бежать, как лошадь! Нет, не как лошадь — верблюд, он так же без воды ходит, и горб у него такой же... Как же! Захотелось попробовать! Не пожелал показаться слюнтяем! Друзья — это святое, вместе с другом хоть на медведя, или как там в песне поётся? Вот упаду — пусть друзья тащат и рюкзак и меня.

Это не жизнь, а сказка, скажу я вам.

Глаза у всех были усталые и злые. А ведь похоже, что и остальные идут примерно с такими же мыслями... Только Артур — замыкающий — непобедимо, хотя и негромко напевал:

— Я здоров, как бык, поднимаю танк.

Десантник орёл... минуты три.

96.

Потом он мустанг.

Вот ведь! Худощавый, невысокий, а жилистый, как не знаю кто!

Внезапно Даниле стало смешно. Он на миг представил себе, что его вот сейчас бы увидели некоторые одноклассники из Москвы. (Не все, нет — кое-кто позавидовал бы; некоторые!) Решили бы что он сошёл с ума...

— Ты чего хрипишь?

Это Олег обернулся. Лицо бронзовое, блестит, как в масле.

— Это я смеюсь, — пояснил Данила. — Как думаешь, у меня уже стропила подкосились?

— Иди ты, — Олег отвернулся. Артур сзади напевал:

— Обещает быть весна

скоро.

Только я не доживу —

знаю.

Нас осталось человек

сорок,

Да и те, кажись, помрут

к маю.

А в столовке еда

Пахнет горечью...

Кто-то в бане прилёт

У стены...

Просыпаемся мы-

И грохочет над полночью

То ли гроза-

То ли голос жлоба-старшины.

...Когда под ногами перестало чавкать, а идти почему-то сделалось труднее, Данила понял, что они начали подниматься на склон одного из холмов. Колька явно нервничал — озирался, то и дело смахивая с бровей пот, на вершину никому выйти не позволил. Положил всех за кустиками, а сам пополз, скинув рюкзак, дальше.

Ну и пусть. Ну и ладно. Счастье-то какое, что можно лежать! Ещё бы рюкзак снять, ну да ладно... От кроссовок и низа штанин поднимался пар. Данила тронул было фляжку, но больше никто к ним не тянулся, и он убрал руку.

Колька вернулся быстро. Сел, скрестив ноги, поставил автомат стволом вверх. Оглядел свой отряд:

— Пусто вроде, — провозгласил он, но тут же строго добавил: — Это не значит, что и правда пусто! Конечно, кто-то нас преследует, но наверняка несколько групп вышли на перехват, так что расслаиваться не будем. Короче, так. Сашко!

— Ихь бин, — отозвался тот.

— Бери двух человек, пойдёте в разведку.

— Есть! — браво ответил Сашко. Колька заметил:

— Да не есть, а в разведку. Бери себя и людей. Но не как в прошлый раз — узнайте хоть что-нибудь.

Данила напрягся. Но Сашко выбрал Артура и Вовку Сапегина. Они

97.

сбросили рюкзаки, пригибаясь и скрываясь за кустами, добрались до вершины и исчезли за ней.

— Перекусим и попьем в лесу, — ответил Колька на невысказанный, но явственный вопрос. — Остаток дня перележим где-нибудь, стемнеет — пойдём. К рассвету выйдем в плавни.

— А там как? — спросил Севка, брат Артура. В таком походе он был первый раз и в диверсионной группе оказался младшим.

— Как бог даст, — усмехнулся Колька. А Джек пояснил.

— Командиру таких вопросов не задают. И вообще — чем меньше боец знает о планах начальства — тем лучше для всех.

— Ну да, — лениво откликнулся Олег, который вроде бы дремал, надвинув на глаза панаму, — вот возьмут тебя, Севка, в плен. Будут бить, огнём там пытаться, щепки вставлять под ногти... А ты ничего не скажешь. И не потому, что ты такой стойкий. А просто знать ничего не будешь.

Севка заморгал растерянно. Кругом засмеялись.

— Идите вы! — обиделся мальчишка. Колька его обнадёжил:

— Скоро все пойдём... Нас, товарищи, ждут две с полтиной сотни человек. А поскольку учились мы вместе, то вы понимаете — это не какие-нибудь американцы, которые без крема от загара и туалетной бумаги воевать не могут. Это тоже — "командос" Тимура. И ждать от них можно чего угодно. Так что призываю к бдительности похлеще, чем в 37-м. Войдём в лес — надеваем очки.

Защитные очки для глаз у всех болтались на шеях. Без них Тимур обещал дисквалифицировать любого, кто схватится за автомат или вступит в бой.

Шло время. Жажда уже не так донимала — потому что превратилась в часть существования и казалась вечной, как небо. Данила начал задрёмывать, когда сверху скатился Вовка смахивая пот со лба, он сбивчиво затараторил:

— До самого леса — никого... а там — колодец, настоящий... наши сидят, ждут...

— Пошли, — решительно поднялся Колька.

...Колодец и в самом деле был "настоящий" — прятался под ивами, из вделанной в сруб бетонной трубы выбегал и терялся среди деревьев ручеёк, плотная крышка на ремённых

петлях надёжно защищала воду и от солнца, и от мусора. Все ордой ломанулись к воде — Артур как раз отвалил крышку, открыв поросший изнутри белёсой плесенью чёрный сруб, — начали отталкивать друг друга... но уже через секунду опомнились. Воду из фляжек — тёплую, пахнущую металлом — слили в ручей. Двое мальчишек встали около колодца и наполняли фляжки, передавая остальным, а те пили. Вода оказалась холодной, она пахла морозом, землёй и была необыкновенно вкусна — как только может быть вкусной вода в такой день. напившись наконец и наполнив фляжки ребята, ещё кое-какое время стояли около колодца. Потом — молча — Колька выделил по три человека в головной, тыловой и фланговые дозоры — и также молча — отряд втянулся в лес, исчезнув в нём, литая в губку вода. Даже высокая, сочная трава не могла показать с какой стороны вышли люди — тридцать пар ног аккуратно переступили через неё.

... Они прошли по лесу километра три — без дорог, во всяком случае,

98.

Данила дороги не видел. Здесь комары бесчинствовали, аэрозоль, который взяли с собой, помогал плоховато. Но двигаться приходилось всё равно абсолютно молча. Останавливались один раз, по тому же молчаливому знаку головного дозора — поднятая левая ладонь. Всего в десятке метров от замерших мальчишек через кусты прошли цепочкой три или четыре кабана. Данила обмер. Но остальные казались спокойными.

Окончательно остановились в узкой сырой ложине, над которой ветви кустарников смыкались пологом, образуя настоящий шатёр. Здесь, усевшись по пятнадцать человек на краях лощины — так, чтобы видеть происходящее за спинами сидящих напротив — молча съели по банке консервов с сухарями, и, убрав пустые банки в рюкзаки, спустились вниз. Наверху осталось только шестеро человек — по трое на каждую сторону "дома", они залегли в кустах, натянув капюшоны курток. Остальные, сложив рюкзаки в два ряда, и улеглись возле них голова к голове. Происходило все это в полном молчании — а Данила усваивал урок: в лесу у человека нет языка, как нет его у птиц, зверей, деревьев. Слова здесь — неуместны.

Он не думал, что сможет уснуть — комары вились и кружились, кроссовки так и не просохли, под спиной постоянно что-то кололось. Но, потратив перечень всех неудобств где-то пол минуты, Данила не просто уснул — вырубился наглухо.

...Его разбудили ровно в восемь, на смену. В лесу всё ещё было светло, но всё чувствовался вечер. Ребята кругом спали — часовые менялись по одному: спускались, будили сменщиков и сами ложились не раньше, чем убеждались, что пост принят. Данила сменил Артура, но так и не понял, кто стоит на часах вместе с ним. Заняв своё место, он просто не смог обнаружить соседей. Оставалось ждать два часа, наблюдать и надеяться, что и он замаскировался хорошо....

Никогда ещё Данила не видел такого леса. Звери бояться необычного, неожиданного, а за шесть часов почти полной неподвижности, люди перестали казаться страшными. Мальчишка мог видеть, как дневные животные устраиваются на ночлег — оказывается, лес кипел жизнью! Это помогало терпеть(кроме всего прочего, хотелось ещё и в туалет!), но одновременно отвлекало внимание.

И всё-таки Данила не проморгал! Ну, может быть, ему просто везло — белка за которой он наблюдал, вдруг прыжками взлетела вверх по стволу, на высоте быстро развернулась и застыла, распластавшись, головкой вниз, глядя любопытными глазками и приподняв хвост. А на том уровне, где только что она была, появился человек. Он шёл совершенно бесшумно, наклонив ствол автомата и поворачивая влево-вправо очкастую голову. Данила провёл глазами — так и есть, с обеих сторон на небольшом расстоянии — чтобы видеть друг друга — шли и другие поисковики — ребята из клуба.

Вот теперь Данила в полной мере оценил предусмотрительность Кольки! Да, они могли бы и не спешить. Но тогда их бы нагнали преследователи, которые сейчас, конечно, ждут на опушке. Могли бы и не останавливаться на днёвку — и столкнулись бы с загонщиками,

которые, судя по всему, проплыли Колотьвой на лодках и шли от берега. И не зря Колька выбрал заросший овражек! Тот, кто ищет должен быть осторожней того, кто

99.

прячется. Не полезут загонщики в заросли, чтобы не шуметь.

Но по спине всё равно струился пот, а внутри всё скрутилось в тугой комок от веселья, страха, ожидания...

Загонщик прошел в МЕТРЕ от Данилы. Можно было плюнуть на его кроссовки. Он остановился на несколько секунд, покрутил головой снова, всмотрелся в заросли, кому-то что-то показал рукой... но так и не догадался, что заросли скрывают ложбинку!!!

Данила даже ослабел от нешуточного облегчения. Да-а, если кто-то хочет новых ощущений — играйте в игры с Тимуром и его "командос", мало не покажется!

— Ушли?

Шёпот был в самое ухо. Данила повернулся — на него смотрел Колька. Данила кивнул. Колька глянул на часы — пять минут десятого.

— Подымай остальных, — так же еле слышно сказал он, — я подежурю. Быстро.

...Что бы там не говорил Олег, а сейчас Колька вынес свои планы на общее обсуждение. Все сидели уже в полной боевой готовности, ели и слушали.

— Загонщики через полчаса выйдут на опушку, — говорил Колька, — встретятся с группой преследования. В то, что они не поняли, что мы уже побывали у колодца — не верю, не такие они лохи. Значит — пойдут обратно. Ночь-не-ночь, а пойдут, потому что время им дорого. Теперь давайте-ка кое-что прикинем. Сколько может быть людей в отрядах загонщиков и группах преследования?

— Человек по шестьдесят там и там, — тут же ответил Олег. — По логике — чтобы над нами был двойной перевес.

— Правильно, — согласился Колька, — сто двадцать. Ещё шестьдесят на охрану моста, не меньше. И ещё столько же прочёсывают плавни или там нас караулят — это без разницы. Короче — двести сорок. Остается ещё десяток, от силы — два. Где они?

— Может, в группах больше, чем мы считали? — предположил Стас Голявко.

— Может, — согласился Колька. А Данила вдруг вскинулся, вспомнив свои мысли:

— Стоп, я знаю, где они! — и, торопясь, заговорил: — Эти, загонщики — они как сюда попали?

— Точно! — Олег хлопнул себя ладонью по лбу. — Лодки!

— И я про это думал, — кивнул Колька. — А теперь — дальше. Если их там пусть двадцать — они особо не опасаются. Может даже — костёр разожгут, в лесу же больше сотни ихних! И уж точно — оставят человека три на часах, а остальные завалятся спать. И правильно, и мы бы на их месте так сделали... Но даже если поосторожничают — у нас всё равно преимущество в людях, а главное — во внезапности. Мы выходим на берег и атакуем. Захватываем лодки.

— На кой бис? — не выдержал Сашко. — Ну поплывём мы на них. Утро уже будет. В плавнях нас прижмут с берегов, как американцев во Вьетнаме!

— Никуда мы на них не поплывём, — торжествующе заявил Колька. — То есть — мы отплывём. А потом половина высадится на противоположный

100.

берег и плавнями пойдёт к мосту. А остальные двинут дальше по воде. Как приманка.

— Не, — замотал головой Артур, — пополам нельзя. Догадаются. Пусть пятеро идут к мосту, а остальные поплывут, тогда незаметно будет, что разделились.

— Годиться, — кивнул Колька. — Олег, — окликнул он Кройца, — поведёшь диверсов?

— Поведу, — кивнул Олег, — только мне кто-то из местных нужен. Артур, пойдёшь?

— Без вопросов, — отозвался гитарист. Колька сказал:

— Бери ещё троих.
— Сашко, — выбрал Олег. Тот потряс поднятыми руками. — Ещё...
— Возьми меня, — дрожащим от волнения голосом попросил Севка. Олег посмотрел на Артура.
— Пусть идёт, — кивнул тот, — он плавни не хуже меня знает.
— Забито, — согласился Олег. — И пятым идёт... Данила, пойдёшь?
— Я?! — вырвалось у Данилы. Он этого совершенно не ожидал, но тут же закивал: — Конечно!
— Пять, — подытожил Колька. — Значит, на берегу держитесь позади, в драку не лезьте.
— А я пострелять хотел, — с наигранной досадой вздохнул Сашко. Олег пообещал:
— Настреляешься.

ГЛАВА 11.

Впервые в жизни Данила шёл куда-то по ночному лесу. Луны практически не было, темнотища царила — хоть глаз выколи, но, как ни странно, оказалось, что всё равно можно ориентироваться. На свете просто не бывает ПОЛНОЙ темноты, всегда хоть какое-то освещение, да есть. Кроме того, все ребята, когда стемнело, облучили глаза красным светом от Колькиного фонарика со светофильтрами разных оттенков. Способ нехитрый, а помог.

Сложнее было другое. Молчание плюс темнота плюс напряжение действовали на нервы. Когда сверху плавно, будто комок пуха, спикировала сова, а в кустах что-то забилося, Данила едва не выпрыгнул из штанов. Временами ему казалось, что в лесу он остался один, мальчишка невольно ускорял шаг, пока впереди не начинала маячить спина Олега.

Шли долго. Данила и не заметил, как ночь поредела, стала похожа уже не на чёрный занавес, а на реденькую серую марлю — и дело было не в том, что глаза окончательно освоились. Просто уже был четвёртый час утра. На проталинах появились тени. Впереди орали во всю мочь лягушки — так громко, что казалось, будто река рядом.

И вдруг разом замолкли. Молчание было даже угрожающим... но вот неуверенно квакнула одна, её поддержали ещё несколько, и хор залился с прежней силой и активностью.

Колька, шагавший впереди, поднял руку... потом — развёл обе руки в стороны, пригнулся и канул в заросли. Данила, не зная, что делать, остался

101.

на месте, его обогнали несколько ребят, а потом подошли Олег, Артур, Севка и Сашко.
— Вот и всё, еле слышно сказал Олег, — головной к реке вышел. Слышал, как они за лягушек квакали?

— За лягушек? — не понял Данила. Сашко хихикнул:

— Що ты за дурня...

— Блин! — разозлился на себя Данила. До него дошло.

Лягушек нельзя обмануть. Как бы тихо человек не шёл — они всё равно перестанут орать. Тут уж если внимательный часовой у врага — плохо дело. Но если пару раз симитировать кваканье — зелёные снова завопят, будто ничего и не случилось.

В вышине над лесом — там, откуда они пришли — вдруг вспыхнула ярко-алым и начала снижаться алая ракета. За ней — белая и ещё одна алая. Олег засмеялся уже открыто:

— Предупреждают, только поздно!

И словно бы в ответ совсем рядом зачастили, перебивая друг друга, пентбольные автоматы: "Пок! Пок! Пок-пок-пок!.." Кто-то заорал без слов, просто: "У-уу!.. — с досадой, длинно. Олег махнул своим:

— Пошли, всё.

Берег оказался метрах в ста. Отлогий, хороший пляж. На нём лежали вытащенные

полтора десятка лодок — с лодочной станции, борта у нескольких украшали алые брызги. На песке ещё дымился костёр, возле лодок сидели человек двенадцать-пятнадцать: уже без очков и оружия, тоже густо испятнанные алой краской — диверсанты от души постарались.

— Потерь нет? — весело спросил Олег у Кольки. Тот отмахнулся:

— Спали, только вон двое часовых в кустах... Мы их обошли. Ракеты видел?

— Видели? Такой фейерверк... Километра три отсюда.

Колька засмеялся:

— Бегут, наверное... Всё, отваливаем! В лодки, живо!

Олег Строев, командир охраны, мрачно наблюдал за погрузкой. Волосы у него были забрызганы красным. Сашко, проходя мимо развёл руками. Олег вяло отмахнулся:

— Вали... Всё по- честному.

Данила запрыгнул в лодку, куда уже сели Олег и Сашко. Сашко взялся за вёсла, Олег лёг на носу, выставив автомат. Артур и Севка столкнули лодку в воду. Забрались в неё. Севка, как и Данила, сел на дно, Артур устроился на корме.

Шесть лодок одна за другой отвалили от пляжа, оставив на нём остальные плавсредства и как в воду опущенных "убитых". Видок у них и правда был убитый, что и говорить. Данила даже посочувствовал. Но с другой стороны — в жизни так и бывает, и нечего тут вздыхать.

Над рекой разводами плавал туман. В некоторых местах даже лежал вроде бы неподвижными шапками, но в их глубине что-то ворочалось, шевелилось, даже вздыхало, кажется. Плыть мимо этих белёсых куч было жутковато. Лодки, подгоняемые умелыми гребками вёсел, шли бесшумно и быстро. И скоро повернули за речной изгиб, скрылись из глаз.

Данила подумал, что Колька сразу прикажет высаживаться. Но он

102.

сидел, как носовое украшение "Мальчик с автоматом" на носу своей лодки, никаких сигналов не подавал.

Лодки проплыли в тумане мимо ещё одного пляжика — с другого берега. На нём тоже дымился костерок, стояла старая "брезентуха", отдыхала вытащенная на берег рыбацья лодка. Возле кустов избавлялся от вечернего чая мальчишка лет двенадцати — заспанный, он даже покачивался, и вдруг, выпучив глаза, увидел шесть лодок, бесшумно скользивших через туман, полных людьми в камуфляжах и с оружием. Так и провожал ошарашенным взглядом то ли видение, то ли кусочек сна, выскочивший следом из палатки.

Когда и этот пляж остался позади, а туман начал таять, разгоняемый лучами приподнявшегося над горизонтом солнца, Колька остановил лодки. Сашко подгрёб ближе, Олег прихватил рукой за борт командирского судна.

— Сельские нас видели, — довольно сказал Колька. — в случае чего подтвердят, куда мыплыли и сколько нас было... Ну что расходимся. К берегу приставать не будем. Рюкзаки оставьте.

Позади над берегом взлетала со свистом сигнальная ракета — километра за четыре. Впереди над деревьями, на таком же расстоянии ей ответила вторая. Пятеро мальчишек переложили в карманы курток по две банки консервов, герметичные пакеты со "взрывчаткой" и, подняв над головами автоматы, один за другим перевалились через борт. На их место влезли четверо из других лодок. Оказалось — по грудь. Стоя в воде, Сашко сказал:

— Потаскайте их подольше, ага?

— Постараемся! — Колька поднял руку со всех лодок молча замахали. Олег скомандовал:

— Пошли!

Между мелью и берегом оказалась холодная яма. Первым её обнаружил Севка — ойкнул, нырнул с головой, тут же появился на поверхности с испуганными глазами, погрёб одной рукой, держа другую, с автоматом, над головой. Следом поплыли остальные.

Кусты и ветви зелёным шатром скрывали полосу песка — со стороны казалось, что лес подступает к самой воде. Здесь выжали, как могли, одежду. Севка, провожая глазами удаляющиеся лодки, спросил:

— Пацаны, а вот на самом деле если бы... они же ведь...

Он не договорил, да остальные и так поняли. Чем — то холодноватым, жутковатым потянуло то этой невысказанной мысли.

ОНИ БЫ ВЕДЬ ПОГИБЛИ, ЧТОБ МЫ ЗАДАНИЕ ВЫПОЛНИЛИ.

Артур пробормотал — не пропел — выливая воду из кроссовки:

— Что было — не важно,

А важен лишь взорванный

форт... Ну что, командир, пошли?

— Артур, Сашко — головной дозор, — ответил Олег. Помолчал и добавил: — Короче, если нарвёмся, я с головным остаюсь, прикрывать. Севка, Данила — пойдёте к мосту. Его нужно взорвать любой ценой... А сейчас — двигаем, партизаны. Плавни рядом.

...После первых трёх километров по плавням Данила впервые в жизни посочувствовал фашистам и начал вспоминать заболоченный луг за лесом с

103.

нежностью. Если в здешних местах и могли где-то прятаться партизаны, так лишь здесь. Хотя — тут можно особо и не прятаться. Просто сесть и сидеть на одном месте. Если только случайно найдут. Наступят, например.

В плавнях невозможно ходить. Зелёная полянка вполне может оказаться болотом, где под ковром из переплётшихся корешков растений — бездонная ледяная яма с жижей из перегноя, ила и торфа. Островки суши ничем между собой не соединены, хотя на некоторых из них растут настоящие рощицы — видишь такую метрах в двадцати от себя, облизываешься на сухую травку, на тень под деревьями, а добраться не можешь — болото! Протоки безо всякой системы пронизывают плавни, как кровеносные артерии. Но и плавать тут тоже нельзя! Любая протока может завести в зелёный тупик, откуда приходится долго выбираться задним ходом, потая, отпихиваясь вёслами и теряя их в илистом дне. Сытые и довольные жизнью пиявки вольготно существуют на открытой воде. В воздухе висят их братья меньшие, но куда более агрессивные и многочисленные — комары. По словам одного из местных ребят, они в плавнях такие, что переворачивают лодки. Тут не жарко, нет. Тут ДУШНО, и эта духота похожа на мешок, который надели на голову и завязали.

И Олег, и Сашко более-менее ориентировались в плавнях — они жили в Горенске-Колодезном уже не первый год и бывали тут. Но с братьями Талашко сравниться не могли. Те находили дорогу по каким-то непонятным признакам — и оказывалось, что от островка к островку можно пробраться, нащупывая ногой то рыбачью гать, то скрывающуюся под водой природную тропку; что даже через болотины можно пройти, ориентируясь на приметы — неясные, но верные... Правда, комары от этого не переставали кусаться, духота не уменьшалась, а здоровенная, острая, как бритва, осока продолжала полосовать руки и лицо.

Данила уже знал, что в конце сентября 42-го, когда партизаны допекли итальянцев, стоявших в городе и окрестных сёлах, те упростили немцев прислать егерскую команду. В здешних степных районах каждый партизанский отряд был как бельмо на глазу, поэтому немцы не отказали союзникам.

Егеря оказались настоящими профессионалами. Кур не крали, по сундукам не лазили — упорно и незаметно работали, и в начале октября, вычислили район пребывания партизан, ушли а плавни.

Больше их никто не видел. Лишь один — ОДИН! — из команды выбрался к итальянским аванпостам аж около Дона почти в середине октября. Выбрался истощённый, полусумасшедший, оборванный. Он так ничего и не смог связанно рассказать, лишь твердил что-то о "ди грюне тойфель" — "зелёных чертях". Так его и увезли в тыл...

Брр...

Артур приостановился, повернулся, показал ладони шалашиком, ткнул вперёд. Что он, с ума сошёл, какой дом? Но оказалось, что гитарист прав. Уже через пять минут вся компания лежала в зарослях на берегу широкой протоки и созерцала серый от времени и влаги рыбацкий сарай, крытый просевшим толем. На берегу отчётливо виднелись следы — совсем не давно стаскивали в воду лодку. К стене сарая были прислонены вёсла, какие-то палки, дверь — заложена на цепочку.

104.

Артур показал ладонью, что тут по пояс, ткнул в Севку — даже ему. Олег изобразил, как работает ложкой: поедим — и указал на сарай: — здесь. Артур поднял брови, подложил под щёку ладони: отдохнём? Олег показал часы и прочертил пол-круга.

Протоку перебрали по очереди, страхуя друг друга. О рыбацком сарайчике знали, конечно, не только Артур с Севкой — другое дело, что, похоже, план Кольки сработал, ловят сейчас диверсантов на границе леса и плавней, может, даже на суше. Во всяком случае, других людей вокруг не наблюдалось.

Первое, что встретило мальчишек в сарае — запах. Тяжёлый и какой-то знакомый. Сашко догадался первый — прошелся, заглядывая в углы и под ветошь, сваленную тут и там, пнул ком сетей, приподнял его и хрюкнул:

— Цукор...

Там правда один к одному стояли несколько мешков сахара. А Артур, разворошив другой ком старья, засмеялся:

— Чудо-агрегат, хлопцы!

Под тряпками скрывался самогонный аппарат, как в старом фильме, который часто крутят по телику. Олег было примерялся дать аппарату пинка, но Артур удержал его:

— Да ладно...

Такая позиция удивляла Данилу. В Москве гнать самого никому не приходило в голову. А тут к этому относились спокойно. Олег — тот был вообще противником любого спиртного, но в цело самогонование не считалось в Горенске-Колодезном особым преступлением, многие гнали самогон "для себя", уверяя, что он в сто раз "краще казённой водки".

Короче, аппарат уцелел. Рядом с сахаром стояли ещё какие-то ящики, лежало рыбацкое снаряжение, на котором ребята и устроились, чтобы поесть и отдохнуть.

Севка управился с колбасным паштетом первый, начал укладываться, но вдруг ойкнул и подскочил:

— Ой, блин! Это чего?!

Он запустил руку в ворох сетей и достал.... кинжал. Здоровенный, прямой без ножен. Не охотничий нож, а именно кинжал, почти меч. В рукояти из чёрного серебра поблёскивал, как злой глаз, рубин. Мальчишки, понимавшие толк в холодном оружии, перекатились ближе, рассматривая клинок, отточенный до бритвенной остроты, синеватый, острый на конце, как игла.

— Кавказский, — определил Сашко. — Трофей, наверное, сколько же ему лет?

— Лет двести, — ответил Сашко. — Во, неужели им рыбу чистят, или ещё чего по хозяйству?!

Такая мысль казалась издевательством над оружием.

— Убери ты его, — поморщился Данила, — чужая вещь...

— Да, — Севка помедлил, убрал кинжал и вздохнул: — Жалко... Придурки эти рыбаки.

Тему никто не поддержал.

Почти все задремали. Во всяком случае, про себя Данила точно знал, что задремал — его вдруг начали трясти за плечо, и он, вскочив ещё со сна,

105.

увидел, что все на ногах. Артур стоял в дверях и мурлыкал себе под нос, глядя на небо:
— Там, вдали, за рекой,
Загорались огни —
Ирокезы нашли зажигалку...
Двое смелых бойцов —
Чингачгук, Зверобой —
С растаможки коня забирали...
А в небе догорала с подвыванием сигнальная ракета.

ГЛАВА 12.

Из сарая они убрались во время. Не успели ещё перестать шевелиться кусты на берегу протоки, а с другой стороны к несуразному строению выбрались полдюжину злых, потных и исцарапанных поисковиков. Данила ещё слышал, как один из мальчишек говорил командовавшему группой Димке Орлину:

— Кого мы тут ищем? Они же в другую сторону всей шаблон ломанулись, лодки бросили... И деревенские говорили...

Потом началась перепалка, пока Димка не наорал на своих подчинённых, и они не пошли дальше берегом. Пятеро диверсантов в кустах корчились от смеха. План Кольки сбывался по пунктам.

Правда, вскоре стало уже не до смеха. Оказалось, что они проделали самую легкую и короткую часть пути. Начиналось наиболее жаркое послеполуденное время. Воздух над плавнями зыбко дрожал и растекался, как масло на сковородке. Неподалёку кричала утка — Артур минут десять потратил, выясняя, настоящая, или нет. Она оказалась настоящей. Хотелось, пить, есть и сесть. Ещё лучше — лечь. Впрочем, скоро представилась возможность полежать, и долго: на островке, который нельзя было обойти, пятеро "врагов" разожгли костёр. И скоро Данила начал думать о них, как о врагах, безо всяких кавычек: его в кустах жрали комары, пузом он лежал в тёплой луже с мелкой живностью, а эти охламоны жрали рыбу! Уходить они не собирались — наевшись, разлеглись на травке и принялись травить анекдоты. Олег чуть не вскипел от злости, и в конце концов пришлось опять лезть в воду, пробираясь мимо поста по дну, отчаянно цепляясь за какие-то осклизлые коряги. Даниле всё время казалось, что его "корма" уже всплыла, и сейчас по ней стеганут из автомата — вот будет позорище! Кроме того, у всех едва не лопнули лёгкие — потом диверсанты минут пять лежали, дыша широко открытыми ртами, на берегу, а комарё радостно и беспрепятственно их жрало.

В 19.34 диверсионная группа увидела мост.

... Мост был муниципальный, построенный в узком месте плавней, чтобы возить сено с заливных лугов в пригородные сёла. Данила успел изучить это построение в деталях — они лежали в метрах ста и созерцали, как охрана базарит с проходящими и проезжающими мимо людьми. Охрана не скрывалась — на кой чёрт? Сам мост и подходы к нему были буквально усеянные опухающими от безделья мальчишками в плавках, очках и с автоматами.

106.

Речку перегораживала самая обычная браконьерская сеть. И с одной стороны моста и с другой. По временам из нее вытряхивали обратно в воду рыб. Поплавки семи злорадно покачивались на волне.

Данила услышал, как Олег сказал нехорошее слово. Простое до тупости и старое, как мир, противодиверсионное ограждение исключало возможность подобраться к мосту водой. Многочисленная охрана — сушей. Ночью эти паразиты разожгут костры и будут освещать сваи моста фонариками. Народу у них хватит, чтобы выспаться, и не скучать на дежурстве, и отбиться от нападающих. А Колька, может быть, уже спалился и горит синим пламенем.

Помимо всего прочего, это означает, что буквально каждую секунду могут прибыть подкрепления.

— Сколько здесь глубина? — отрывисто спросил Олег. Артур пожал плечами:

— Пять. Шесть. Не больше.

— Пролезу под сетью, — решил Олег и начал раздеваться. — Я не карась не запутаюсь.

— Почикают, когда минировать будешь, — покачал головой Сашко.

— Не почикают, — мотнул волосами Олег. — Прикроете.

— А как мы узнаем, что добрался? — спросил Сашко. Олег начал:

— Три минуты мне дайте... — но Данила перебил его.

— Фуфло все это. Они сразу догадаются, что их отвлекают. Половина рванёт ловить нас, а остальные тебя расстреляют, как только ты всплывёшь.

Олег остановился. Процедил:

— Блин точно... Что же делать?!

— Я придумал, — вдруг сказал Севка. Обвёл взглядом старших ребят: — Нет, правда придумал!...

... Трактор с прицепом, нагруженным сеном, ворча и порывая, въезжал на мост. Тракторист с самокруткой в углу рта и кепкой пол Лужкова весело проорал:

— Очищай дорогу, оккупанты! Не разъедусь!

Охрана лениво очистила мост, отхлынув от берега. Покачиваясь на неровностях давно нечиненного настила, трактор вполз на середину.

— Йо! — только и смог сказать Джек — именно он командовал охранной сменой — когда из сена прямо на мост выскочили пятеро. В следующую секунду его обожгло градом ампул, с краской, и он, понимая, что его НАДУЛИ, заорал, падая: — Да тревога же!!!

Трактор, всё ещё ползший по мосту, мешал охране ударить в спину диверсионной группе. Лихорадочно спеша, свесившись с настила, севка закреплял пакеты на сваях, остальные, присев у перил, вели огонь по берегу. Сашко крутанулся на пятках и, разбросав руки, свалился на мост. Оставшись верен себе, подёргал ногами — на груди его алели сразу два пятна. Но на берегу лежало уже человек шесть!

— Севка, скорей! — завопил Олег. Но тот плачуще ответил:

— Не могу, я убит!

Он тоже лежал на мосту, отбросив руку с зажигалкой — закрепить пакеты успел, а поджечь непромокаемый шнур не получилось. Трактор съехал на берег, тракторист остановил маши и, вывесившись из кабины, с неподдельным интересом уставился на побоище, подбадривая "своих"

полуцензурными выкриками. Артур бросился к пакетам, Олег и Данила вели

107.

ураганный огонь по обе стороны моста...

— Псс... бамп! Бамп! Пи-иу-у! Бамп!

Фейерверк не подвёл. Лица охранников из азартных и злых стали несчастными, кто-то бросил автомат под ноги. А наши диверсанты, сидя на мосту, весело и облегченно хохотали, глядя на ошеломлённых и растерянных товарищей по клубу.

Мост был взорван. Взорван в наглую, на глазах у охраны.

...Главный плюс нормального привала — костёр. Около него можно высушиться. Когда Данила сказал об этом Олегу, тот засмеялся и заявил, что в этом заявлении есть лапотная мудрость. Данила не обиделся. Трудно обижаться на того, с кем отмахали по лесам и болотам, лугам и полям несколько десятков километров, а сейчас сидишь у огня и сушишь кроссовки и одежду.

Подошёл, присел рядом Джек. Печально сказал:

— Да-а... — и подбросил в костёр веток. Он был на "разборе полётов2 у Тимура и выглядел так, словно об него вытерли ноги. Может, так оно и было — Данила уже успел

убедиться, что Тимур может быть очень вредным, если дело касается ротозейства. Но Джека было жалко, и Данила сказал:

— Ты не обижайся...

— Да я на себя обижаюсь, — грустно ответил Джек, — поймали, как маленького... Мы ведь сначала проверяли все эти машины! Но за сутки столько наслушались — люди-то торопятся... Да и лень стало. Жара.

Он снова вздохнул и устроился поудобнее. Данила проверил стоящие у огня кроссовки — носы обуви были набиты сеном.

Костров на опушке разожгли штук тридцать, не меньше. Три сотни парней возле одного просто не поместятся. Вокруг некоторых костров было тихо, возле других — гомонили во всю, кое-где уже спали, а рядом пели. Завтра утром ещё предстоял пеший марш до города — теперь уже всем вместе.

Олег вдруг коротко рассмеялся. Данила лениво спросил:

— Ты чего?

— Не хуже тебя — подумал, как мало нужно для счастья человеку, — весело откликнулся Олег. — Сытый, сухой, огонь горит. И комарья нет... - он ловким ударом прихлопнул на руке одного кровопийцу, — почти. А прошлая ночь?! Слышишь, а?

Данила слышал, только почему-то не отвечалось. И ещё услышал, как Джек сказал:

— Не ори, он спит.

А потом почувствовал, как его накрыли сухой, тёплой курткой. И, кажется, действительно уснул.

... - День-ночь, день-ночь —

Мы идём по Африке! — рявкали мальчишеские голоса — может, не очень музыкально, зато слаженно. Им отвечали другие:

— День-ночь, день-ночь —

Всё по той же Африке!

И — вместе:

Пыль, пыль, пыль, пыль

От шагающих сапог!

108.

Отпуска нет на войне!

Колонна шагала через поля в облаках не африканской, а вполне русской, но от этого не менее надоедливой пыли. Приторочив к рюкзакам автоматы и куртки, "Хорт" шагал с самого утра, по временам останавливаясь на привал по обочинам. Тогда пыль оседала — а остальное время висела в горячем воздухе, припудрив лица, тела, одежду и снаряжение тонким серым слоем. Всей колонной орали песни — не те, которые поют у костра, а другие под которые хорошо шагать. Артур не уставал их вспоминать. Закончили про то, что "вновь барабаны по площади бьют — старый король начинает войну, а молодые на гибель пойдут..." — Артур секунду помолчал, и вот уже колонна распевает:

— У похода есть начало —

А конца походу нет!

Мы прошли дорог немало —

Но огромен белый свет!

Ты никогда, пожалуйста,

На белый свет не жалуйся —

Он переполнен тайнами

Необычайными!

И у края пропасти,

И у тигра в масти

Не теряйте бодрости

И верьте в счастье!

— Подтянись! — вдруг зычно скомандовал Тимур в голове колонны, и песни смолкли. Данила увидел на вершине появившегося полого, но небольшого холма памятник.

Похоже, он стоял прямо в траве, без ограды и без высокого постамента — четырёхгранная белая игла, особенно яркая, будто светящаяся на фоне неба, похожая на проросший из-под земли старый штык русской винтовки. Алела венчавшая памятник звезда — каплей крови на штыке.

— Это памятник партизанам того отряда... — успел шепнуть Олег Даниле, и Тимур скомандовал:

— Смирра! Рав-не-не на... прав!

"Ух, ух, ух, ух!" — в лад дружному шагу отзывалась полевая дорога.

Когда памятник остался позади, и Тимур скомандовал "Вольна!", Артур помолчал и дернул:

— Птенчики окраин поднялись —

Полетели стройным клином!

Прямо в поднебесье вознеслись —

Как их деды

под Берлином!...

...Отгадайте, что Светлана Александровна сказала, увидев своего ненаглядного сыночка, когда он бесшумно вошел домой и крался в сторону ванной?

109.

ГЛАВА 13.

Проснулся Данила в отличном настроении. Настолько отличном, что даже не встал — откинув одеяло, выстрелил себя пятками в потолок, кувыркнулся и заслужил одобрение Люськи, заглянувшей посмотреть, что происходит:

— Псих.

Данила засмеялся в ответ и пообещал поймать ей в подвале живую мышь. Люська сгребла в охапку Куся (чтоб не набрался придури!) и умелась к подружкам. Значительную часть времени эта мелюзга проводила, потеснив с лавочек местных бабулек и занимались тем же, чем они — обменом сплетнями.

— Упускаем молодёжь, — задумчиво сказал ей вслед Данила

Он успел привести себя в порядок, поесть и одеться, когда явились Олег и Клара. Данила удивился — эти двое вместе никогда не ходили. Впрочем, Клара тут же пояснила:

— Мы у калитки встретились.... Ты только встал, что ли?

— Вроде того, — покосился на Олега Данила. Вообще-то он рассчитывал провести весь день с Кларой. Похоже, Олег это понимал. Он был в форме и сразу сказал:

— Я долго не зависну. Проводи до бригады, я по пути кое-что покажу.

Они вышли на улицу. Данила шагал в середине, Клара — справа, Олег — слева. На ходу он достал журнал: тот же, где была статья об "ЭсЭсовцах", молча сунул Даниле. Номер был другой, а статья похожая, подписанная заковыченным псевдонимом "Скальпель".

"Эти парни в форме ненавидят всех, кто отличается от них. Они могут избить вас за то, что вы одеты иначе, говорите иначе — если вас заподозрят, что вы думаете иначе. Главный критерий отношения к человеку для них — похожесть на них самих. Если вы не обладаете похожестью — берегитесь. Вам не будет пощады. Ненависть к врагу является для них смыслом жизни — а врагов они изобретать умеют."

Данила опустил журнал. Олег стоял перед ним, широко расставив ноги, заложив руки за спину. Данила подумал, что стоит его сфотографировать в таком виде — и готов снимок

для очередной подобной статейки. А ещё подумал, до чего же легко даже ничего не придумывая, а просто передёргивая и подтасовывая ФАКТЫ, облить грязью что угодно. Особенно — чистое. На чистом грязь очень заметна.

Ни слова не сказав, все трое зашагали дальше по улице. Клара помалкивала — если и не поняла до конца, что к чему, то уловила настроение мальчишек.

— А проснулся-то я — так здорово было, — досадливо заметил Данила.

Олег неожиданно сказал:

— Мне иногда кажется, что вот таких людишек — вроде того, что писал эту статью — стоит убивать. Почаще, пока совсем не переведутся... Раньше было проще. Я бы непременно вызвал его на поединок.

Данила невольно усмехнулся без веселья:

— Он как бы не стал драться. Он наверняка трус — вот такие, только масштабом побольше, наняли первых киллеров и подложили первые бомбы. А на поединке и самого убить могут.

110.

— Да я понимаю... Но в суд ведь не подашь на подлеца за то, что он подлец... Хоть бы морду ему набить!

— Утрётся и сочинит о своей разбитой морде поэму. Тебя же и душманом выставит, — вздохнул Данила. Олег раздражённо выкрикнул:

— Так что же — молчать?!

— Жить, — ответил Данила и взял под руку Клару. — Собака лает, караван идёт.

Они подходили к воротам КПП бригады — по другой стороне улицы.

Данила хорошо запомнил этот момент. Словно фотографию "поляроидом" сделал.

Ворота открывались. УАЗик выезжал из них. Часовой возле ворот держал руку у голубого берета. Отец Олега стоял на крыльце КПП. И — продуктовая сумка лежала под липой, наискось от ворот.

Взрыв.

...Кровь. На тротуаре, на сером железе ворот — яркая-яркая. Воронка, бледные язычки пламени на разбитом асфальте. На боку, как УАЗик, лежит человек и двигает ногами. Крики. Отвратительный запах — словно раздавили много — много чеснока. Горелые клочья летят в небо. Свежая, праздничного цвета щепка на месте липы. Кружится листва, кружится.

Олег, опираясь на левую руку, правой зажимал висок. Кровь сползала из-под ладони на щеку. Данила понял, что тоже лежит на асфальте, и Клара тормозит его:

— Что с тобой, что?!

Данила сел. В затылок ахнуло болью, он понял, что лежит снова. Вставать не хотелось, Клара кричала, что-то густо текло изо рта. Офицер — тоже в крови, опаленный — приподнимает Олега, спрашивает:

— Сынок, ты жив?! Сынок!

Неподалеку, приближаясь, выла сирена. "Скорая", — понял Данила и отрубился окончательно.

...Известие о том, что взрыв подготовил Тимур, а в исполнении подозревают двух "хортовцев", в том числе и его, Даниле принес страшно смущавшийся младший лейтенант милиции. Он рассказал о деталях взрывного устройства, найденных в клубе, каких-то планах, конспектах... Данила слушал плохо, — болела голова. И в конце концов попросил офицера:

— Уйдите, пожалуйста.

Младший лейтенант ушёл безропотною сквозь бол Данила слышал, как он на лестнице уверяет Светлану Александровну, что это всё чушь и недоразумение... но потом он же скомканно попросил, чтобы "чтобы мальчик никуда не отлучался во избежание".

Итак, они с Олегом по приказу Тимура взорвали сумку, чтобы убить отца Олега. Они с Олегом искалечили офицера и убили дежурного сержанта. Они подстроили взрыв так, чтобы

самим попасть под него и "отмазаться" — но вовремя сделанный неизвестным человеком звонок позволил обнаружить в помещении клуба массу предметов, напрямую свидетельствовавших о проводившейся в его стенах подготовке к терактам.

Бред. Как сам офицер сказал: "Чушь какая-то." Но...

Он попытался пробиться через туман, наплывавший от сделанного ему укола, найти зацепку во всей этой ерунде... но наркотик оказался сильнее. Данила толи уснул, то ли потерял сознание.

111.

Пришёл он в себя ближе к вечеру — слабый, но в целом куда более нормально себя чувствующий, чем раньше. Светлана Александровна сидела рядом с постелью на стуле и плакала.

— Не надо, ма — попросил Данила. И добавил: — Ты веришь, что...

— Я верю, что вас подставили, — женщина промокнула глаза, всхлипнула снова. — Но Данила, это же...

Данила понимал её. Все равно будет суд. И придётся оправдываться. Им всем. Мальчишку пугало не то, что их судят — уж больно нелепо все выглядело. Но ОПРАВДЫВАТЬСЯ! УБЕЖДАТЬ ВСЕХ, что он не бандит, не наемник-убийца. Это даже жутко — это НЕПРЕДСТАВИМО. И клубу конец. А тот, кто на самом деле устроил взрыв — он будет разгуливать на свободе. А самое мерзкое — что даже краешком не ясно: КТО? КАК?! ПОЧЕМУ?!

— Ма, ребята не заходили? — спросил Данила. Светлана Александровна покачала головой, серьёзно сказала:

— Они все под домашним арестом. И ты, кстати, тоже.

— Весь клуб?! — вырвалось у Данилы.

— Да.

— Что мы сделали плохого? — не выдержал он, привстав и чувствуя, что сейчас заплачет. — Кому мы помешали?! Мы... Мам, где Клара?!

— Она звонила, — помолчав, ответила Светлана Александровна. — Мать не выпускает её из дому.

Данила упал в постель и крепко зажмурился. Его тошнило. Он повернул голову и, промычав: "М-м-маа..." — не смог удержать рвоту.

Совершенно безучастный, словно выпотрошенный, он наблюдал, сидя в кресле, как мама перестилала его постель. Получалось, что он остался один. И совершенно не ясно, что делать. Совершенно.

— Ма, где Тимур? — тихо спросил он. — Его арестовали?

— Его нет в городе, — коротко ответила женщина.

— Ма, он не в чем не виноват. Мы все не виноваты.

Это прозвучало беспомощно, по-детски. Тут как раз в дверь сунулась Люська. Её взгляд был испуганным и сочувственным, она позвала:

— Ма-а... там пришёл этот... из школы, я не помню, как зовут. Он с Данилой хочет говорить.

— Матвийчук? — вырвалось у Данилы. Люська закивала, потом вошла, постояла рядом, погладила руку брата и решительно предложила:

— Я знаю, он тебе не нравится. Давай я на него Куся натравлю?

— Не надо, — Данила улыбнулся, — я поговорю.

— Данила... — повернулась Светлана Александровна. Данила упрямо повторил:

— Я поговорю. Я хочу знать, что ему нужно. Мам, ты выйди пусть он войдёт.

...Матвийчук вошёл с лицом таким скорбным, что Данила снова почувствовал, как его тошнит. А Станислав Викторович сочувственно улыбнулся и покивал. Потом вздохнул соболезнующе и, остановившись около кресла, заговорил:

— Ах, Данила-Данила, вот ведь как всё обернулось... Так всегда бывает — привлекают

молодёжь внешней атрибутикой, а потом втравливают в

112.

противозаконные дела. Ведь ваш Тимур — самый обычный наёмник... Клуб ваш, конечно, закроют. Я уже хлопочу, чтобы здание отдали под наш филиал "Детей без границ"... Ведь в ваших бумагах обнаружен устав, ты знаешь?

— Устав? — не понял Данила. — Его что, долго искали? Он висит на стене около знамённого поста!

— НАСТОЯЩИЙ устав, — улыбнулся Матвийчук. — Подписанный кровью, в котором говорится о подготовке боевиков...

Данила вдруг фыркнул и... захохотал. Неожиданно для самого себя. Потом оборвал смех и спросил:

— Кровью? Знаете, Станислав Викторович, я всегда думал, что вы просто немного не в себе. Но вы-то оказывается, ещё и дешёвый, глупый провокатор.

Никогда в жизни Данила не говорил взрослым таких вещей. Но сейчас шла другая игра — их с Матвийчуком разделял не возраст...

— По вашему Астафьеву тюрьма плачет! — Матвийчук подался вперёд. — А вы — вы все можете оказаться в детской колонии! Ты знаешь, что такое колония?!

Глаза, смотревшие в лицо Даниле, не были глазами нормального человека. Сейчас мальчишка почти уверился в том, что "улики" подбросил в "Хорт" Матвийчук во время одного из своих многочисленных визитов. Но остальное...

— Вам нужно лечиться, — брезгливо сказал Данила. — Только лечиться вы будите скорее всего в тюремной больнице.

— Если дойдёт до суда... — прошипел Станислав Викторович, — если тебя осудят...

— Когда-то, — невозмутимо ответил Данила, — персы осадили спартанскую крепость и послали защитникам ультиматум: "Если мы возьмём вашу крепость, мы сожжём все дома, вырубим все деревья, убьём всех мужчин, продадим в рабство всех детей и женщин". Спартянцы ответили одним словом: "ЕСЛИ".

ГЛАВА 14.

На деле Данила вовсе не ощущал той уверенности, которую продемонстрировал в разговоре. Когда Матвийчук унёсся, кипя от ярости, Данила свалился в постель и лежал в дурном полусне, пока не постучали в дверь.

— Входи, ма, — отозвался он.

Стук повторился. Только это не в дверь стучали, как ему сперва показалось.

Стучали в переплёт окна.

Данила подошёл, встав с постели, к окну. Осторожно открыл его. И отшатнулся. Прямо за окном, удерживаясь за карниз и выступы в стене, висел Сашко.

— Хай тоби... — прохрипел он. — Чого вылупився, як на биса? Ру-ку...

Данила перевалил его в комнату и молча, изумлённо наблюдал, как по деловито закреплённой Сашком за батарею отопления в комнату перевалились Олег, Джек, Артур, Мишка и... Клара.

113.

Ну, если честно, Данила бросился обнимать её. Остальные захмыкали и отвернулись.

У Мишки почему-то были заплаканные глаза, но сопел, как при насморке.

— А как же твоя мать? — спросил Данила, когда отпустило горло. Клара сердито буркнула:

— А её!.. Перелякалась: "Ой доню-доню-доню, сиди у хати, не ходы, как батьку вобьют гэти террористи!" То есть, — поправилась девчонка, — она испугалась...

— Розумию, — засмеялся Данила, — що ты казала.

Клара смущённо улыбнулась. Данила повернулся к мальчишкам:

— Матвийчук...

— Па-ашёл он, — безапелляционно ответил Джек. — Тут такое!.. Мишка, рассказывай!

Младший мальчишка шмыгнул носом и заговорил...

... Буквально несколько часов назад к его папаше, который уже успел ритуально заложить за воротник, явились двое. Один — местный, алкаш-охотник, которого по недоразумению ещё не выгнали из общества. Второй — худощавый мужчина, похожий на кавказца, но говоривший без акцента. Алкаш сватал мишкиного отца подработать — сдать свой сарай для скотины (всё равно пустует) под хранилище сахара, который приезжий мужик явился закупать из Осетии. До конца осени, авансом — четыреста, ещё столько же — по окончании пользования. "Всё равно у тебя без дела стоит, ни себе, ни людям," — толковал охотничек. Папаша Мишки, хоть и бухал, но мозги не пропил, поэтому резанул сразу — мол, может ты и хороший человек, а денежки всегда нужны, но сейчас время такое... короче, извиняй. Мишке, который при этом присутствовал (конечно, никого не оповестив о том, что сидит под окном!) показалось, что кавказец даже растерялся — очевидно, охотничек убедил его, что дело верное. Но в знак того, что обиды никто не держит, все трое раздавили бутылку водки, которую гости принесли с собой. Потом они ушли, а Мишка, войдя через какое-то время в кухню, обнаружил папашу практически без дыхания на полу. Прибывшая бригада "скорой" вроде бы откачала его и увезла в больницу. Мишка, не будь дурак, собрал кое-какие остатки из трёх стаканов и огородами рванул к Талашко. У Артура помимо гитары осталось кое-что от его увлечения химией год назад. Он и определил наличие в одном из стаканов зверской дозы клофелина. Уже вдвоём они смылись к Сашко — пролезли через дыру в заборе погранотряда...

... - И вот тут я догнал, — блестя глазами, Сашко подался к Даниле, — догнал, что мы лохи, дерево по пояс и вообще. Мешки с сахаром на болоте! Поняли?! Никакой самогон там не гонят, вся та вонь — для отвода глаз! Ну мешки с сахаром!

И тут Данила почувствовал, как бледнеет. Он, москвич, хорошо помнил, что такое может быть в мешках с сахаром.

— Взрывчатка, — еле выговорил он. — И кинжал...

— Вот же! — бушевал Сашко. — Вещь приметная, он её там и оставляет, чтобы не таскать! А покопайся мы как следует в барахле — ещё бы и не то надыбали!

— Заткнись. — попросил Данила разошедшегося друга. — Неужели Станислав Викторович...

114.

Он коротко рассказал о недавнем визите. Едва замолчал — заговорил Олег: с расстановкой, словно выстраивал схему:

— Кто-нибудь из вас верит, что Тимур террорист?

Ответом было возмущённое молчание. Олег продолжал:

— Мы ЗНАЕМ, что он нам ничего не поручал. Значит, взрыв произвели не мы.

— Тогда КТО?

— Да что тут!.. — не выдержал Сашко. — Эти, в сарае, на острове. Они ж мишкиному отцу....

— А если предположить, что на острове обычные самогонщики? — повернулся к нему Олег. Сашко скривился:

— Ты ещё скажи, что мишкиного отца траванули торговцы сахаром!

— Да, это след, — согласился Олег. — Но повторяю — не факт, не факт, что на острове их база.

— Что ты предлагаешь? — напрямую спросил Данила. — Сидеть, сложа руки — и пусть Тимура хватают и судят? А заодно и всех нас? А эти сволочи гуляют на свободе?!

— Они крепко надеялись на мишкиного отца, — не обратил внимания на запальчивость

друга Олег. — Хотели организовать у него склад — значит, собирались провести ещё несколько терактов. Возможно — куда более крупных. Может быть, даже хотели свалить их на тот же клуб — мол, мстят за своих. Или опять-таки на отсутствующего Тимура. Вот зачем вся эта шумиха — мы для них прикрытие. Но мишкин отец отказался — его отравили. Вопрос в том, хотели его убить или нет?

— Это не важно, — возразил Джек, — им всё равно придётся прятаться. Если бы мишкин отец умер — начали бы выяснять, с кем он пил.

— Да, верно! — вскинулся Олег. — Значит, они могут только одно — бежать. Бежать и затаиться — история с нами опять-таки послужит для них прикрытием.

— Шо ты размовляешь?! — не мог удержаться Сашко. — На кой чёрт все эти слова?

— А вот на какой, — сообщил Олег. — Сейчас ты, Миш, пойдёшь в милицию.

— В ментовку? — забеспокоился тот, но Олег отрезал:

— Это не игры. Пойдёшь с Джеком, все расскажете подробно. Всё, о чём мы говорили все доводы, подозрения, события. Джек?

— Понял, — отозвался тот.

— Клара, — продолжал распоряжаться Олег, — я тебе дам телефон, дозовишься Астафьеву на мобильник, тоже все расскажешь. Спокойно и связно, без тыр-тыр-тыр.

— Ясно... — Клара беспокойно посмотрела на Данилу. — Мальчишки, а вы что будете делать?

— А мы пойдём на остров, — Олег вздохнул, и только теперь Данила заметил у него на шее пластырь. — Если там есть бандиты — задержим. Пустим на дно лодку, без лодки они оттуда будут сто лет выбираться. А если всё это туфта — вернёмся обратно.

— Мальчишки, вы с ума сошли, — тихо сказала Клара. Данила улыбнулся:

115.

— Мы же не воевать с ними идём...

— Тебе бы лучше не ходить, — заметил Сашко. Данила, не глядя на него, ответил:

— Ещё одно слово и ты горбатый.

— Правда, да... — начал Олег, но Данила сжал кулаки:

— А потом?! — зло спросил он. — Искать новое место жительства, где на меня не будут показывать пальцами: "Вон пацан, который своих бросил!"?!

— Да кто на тебя будет показывать? — неуверенно спросил Олег. Данила шёпотом рявкнул:

— Я!

— Ладно, — согласился Олег, — и правда — не воевать же идём... Пистолет возьми все-таки. У меня с собой.

Джек, Артур и Сашко были без оружия. Данила, сунувшись в стол, сказал Кларе:

— Ты потом тут сделай в постели "куклу" — ну, вроде сплю, что ли... Больного будить не станут... И тихо все!

Впрочем, предосторожности оказались излишними. Неизвестно, спала или нет Светлана Александровна, но из окна всей кампании удалось спуститься бесшумно. И также бесшумно выбраться на улицу.

— Нарушение режима ареста, — задумчиво сказал Сашко. — Ну, что Миш пошли сдаваться?

Они затрусили по ночной улице Олег проводил их взглядом:

— Ну, мы тоже пошли... Клара на телефон.

— Ага, — она неопределённо махнула рукой. — Даня...

— Иди, — в место других слов сказал Данила. И сам повернулся и пошёл.

... - А теперь, — сказал Олег, когда они свернули за угол, — нам придётся угонять машину, а потом лодку.

ГЛАВА 15.

Лодку угонять не пришлось. Артур пригнал лодку Талашко — с вёслами и полным баком бензина. А вот "жигули", на которых добрались до пристани, пришлось там и бросить.

Если честно, Данила слабо верил в террористов на острове — уж очень напоминало даже не плохой детектив, а детскую книжку 50-х годов, со шпионами-буржуинами и отважными пионерами. Сейчас, сидя в лодке на носу, он неожиданно задумался над тем, насколько эти книжки (он их прочитал года два назад уйму — нашёл ящик, кем-то выброшенный на помойку) соответствовали действительности?

Разве не было шпионов?

Разве нет террористов?

От этих мыслей становилось как-то плоховато в районе живота. А тут еще и голова побаливала — заходами. Волнами...

Удивительно, как на моторе они быстро добрались до плавней. Тут Олег взялся за вёсла, Олег согнал Данилу с носа и сам уселся на нём, едва слышным голосом подавая команды. Судя по всему, они пробирались к сараю какой-то другой дорогой. Данила даже вздрогнул, когда впереди нарисовалась на фоне просвечивающего между камышами неба знакомая

116.

избушка.

— Пусто... — разочаровано протянул Артур. Но тут же поправился: — Смотрите...

На берегу возникла фигура человека. Кажется, он вышел из сарая — ночной ветерок донёс до мальчишеских носов запахи самогона и рыбы. На руке у человека различалось ружьё.

Данила напрягся. Вот сейчас всё и разрешится. Самогонщики — или...

— Вахит, — человек зевнул, — скоро они вернутся-то? Слышишь?

— Скоро, — ответили из сарая; в голосе говорившего, вроде бы правильно произносившем все русские слова, сквозил какой-то акцент. — Капитан сказал — когти рвать будем. Не вышло ничего с твоим алкашом...

— гадом буду, — заволновался "человек с ружьём", — ни сном, ни духом... Кто знал, что он откажется? Сам виноват!

— Виноват или не виноват — дело десятое, — скрипнула дверь. — А нам теперь только прятаться. Пока не заглохнет... Непруха с вашими местами — в июне тут тоже прокололись, еле ноги унесли... За Капитана на небе праведники молятся, не иначе.

— Праведники... — хохотнул тот, с ружьём. — А, мне поровну, лишь бы с расчётом не наколол.

— Не наколет, — коротко ответил Вахит, появляясь на берегу. У этого тёмного силуэта через плечо висел автомат.

Данила тихо обернулся. В темноте виднелось лицо Олега — такое белое, что даже страшно.

Капитан. Глава ростовской мафии, который ушёл от ФСБ месяц назад. И одновременно — полевой командир бандитов.

Лодка закачалась. Олег оказался рядом с Данилой — в руке у него поблёскивал в свете звёзд "вальтер". Он показал на Вахита — и на себя. Потом — на мужика с ружьём и на Данилу.

Дыша почему-то пересохшим ртом, Данила вытащил ТТ. Поднял длинный ствол на уровень глаз, прицелился. Метров двадцать. Он вспомнил, как лихо дырявил мишени и на тридцати метрах... И сказал еле слышно:

— Не могу, Олег.

— И я, — так же отозвался тот, бессильно опуская немецкий пистолет.

"Они бы смогли", — подумал Данила. Да, они бы смогли. И он, наверное, когда-нибудь

сможет, без этого, пожалуй, нельзя бороться с такими... но не сейчас. Не сейчас.

...Охотника-алкаша — а это был именно он — приласкал Джек. Тот молча врубился головой в стенку и замер. Вахит успел только обернуться и сказать: "А!.." — когда словно бы сама темнота бросилась на его и поглотила раньше, чем он успел испугаться.

— Смотри, он не старше нас, — с удивлением и брезгливостью сказал Олег, выдёргивая из брюк бандита ремень.

— Старше, — возразил Джек, — просто хлипкий... Лежи!

Это относилось к местному — здоровый, хотя и поддатый, он было застонал, завозился, но тут же вновь притворился бессознательным. Артур сплюнул, разматывая снятую со стены верёвку:

— С-сволота... Это же он за деньги... на такое! — и скрутил запястья так, что мужик взвизгнул и застонал, забыв притворяться:

117.

— Ой... полегче, полегче!

— Заткнись, лучше помолчи, — сказал Олег. — Вашей бомбой парня убило, он же тебе в сыновья годился! И дяде Толе руку оторвало, гадина!

Охотник испуганно примолк.

Скрученных бандитов отволокли подальше от сарая и положили отдельно от оружия. Джек и Артур юркнули внутрь сарая, свет зажигалок поплыл между щелями, что-то треснуло, зашуршало... грохнуло. Джек выскочил наружу, держа на ладони что-то, похожее на кирпич, только размером поменьше.

— В мешках, в сахаре, — одышливо, словно пробежав километров десять, пояснил он.

— Тротил, — определил Олег.

— И ещё дискета какая-то, — Джек протянул её, — прямо на столе лежала.

— Дискета?... — удивился Олег. И вдруг прислушался: — Мотор!

В ночные безопасные звуки тонкой ниточкой вплёлся отдалённый, но приближающийся гул — звук мотора катера.

...У человека, ведшего катер, было имя. Но он предпочитал, чтобы его называли Капитаном.

Когда-то он на самом деле был капитаном Советской Армии. Это было очень давно — и, по странной прихоти, Капитан до сих пор гордился тем, что в 87-м получил орден Красной звезды. Люди, которым он служил сейчас, не одобряли советских, "русских" орденов, поэтому Капитан носил его внутри, кармана куртки. Своих "командиров" он презирал и плевал на их мнение — но жизнью дорожил. Незачем нарываться на пулю по обвинению в том, что он пропитан "русским духом". Да и неправдой это было. Орден орденом, но последние десять лет почти Капитан воевал против русских. Хотя приходилось убивать не только их. Не только.

Капитан был зол. Второй раз неудачи начинались именно с этого городка. Но в прошлый раз он попал в ловушку ФСБ и с честью выпутался — даже самые откровенные из недоброжелателей не имели претензий, он достаточно заработал денег на священную войну, прежде чем бизнес рухнул. А в этот раз всё началось из-за двух алкашей, первый из которых не разбирался даже в собственных собутыльниках, а второй оказался с не пропитыми понятиями об осторожности. А как всё хорошо складывалось! Этот сумасшедший "учитель", готовый помогать кому угодно ради своих амбиций и идей... Разработанный план не только обеспечивал два или даже три дня свободы действий, но и позволял потопить здешний подростковый военный клуб. Может быть, это выглядело смешно, но такое обстоятельство особенно радовало Капитана. Его бесили такие мальчишки, как в этом клубе. Они олицетворяли для него Россию — с которой он воевал и честно и подло, которую не раз помог вывалить в грязи... и которая всё равно непостижимым образом продолжала оставаться на ногах. Вопреки всему — не упала, не развалилась, как он надеялся в 91-м, 93-м, 96-м... А всё вот такие мальчишки! Всё они! Подросшие, может быть — но такие, такие,

такие! Упрямые, непонятные; неподкупные, хотя и нищие; не нужные своей стране, но погибающие ради неё! Нет уж. Пусть вырастают такими, как нужно ЕМУ. Наркоманами, алкашами, послушными рабами, тупым скотом, быдлом — но только не такими, каких он встретил на улицах этого городка, каких он...

118.

Каких он боялся. Капитан мог себе признаться в этом. Боялся.

И теперь придётся уматывать снова. Ликвидировать склад, забрать дискету — и прятаться в плавнях ближе к Дону. Этот местный придурок поможет, а потом... потом можно будет отправить его за борт. Здесь Капитан больше не появится. Хватит.

Опасение царапало сердце. Он оставил дискету именно из страха — она была дороже его жизни, потерять её было нельзя, а в городе могло случиться всякое. Но лучше было бы взять её. Тем более двух лучших людей он уводил с собой в город. Они ликвидировали "помощников" — того... "педагога" и продавца одной из коммерческих палаток, чьим катером пользовались и кто снабжал их продуктами. Что могло случиться ночью за время отсутствия, когда ищейки идут по ложному следу?

Но почему же так не по себе? Он оглянулся на своих людей. Один был из того же горного села, что и Капитан. И так же не отзывался на своё имя, предпочитая кличку Палач. Он и был таким — кряжистым, хмурый, неразговорчивый. Капитан даже не помнил, скольких людей этот бородач зарезал по его приказу. Второй — посложнее. Русский, дезертир из погранвойск. Не пленный, а именно дезертир, пришедший к бандитам ещё в 95-м. Образованный, начитанный — только с ним Капитан и отводил душу, остальные окружавшие его люди были непроходимо тупы и думали, что "Война и мир" — сборник наставлений по стрелковому делу и агитации. Дезертир был отличным стрелком и предпочитал, чтоб его называли Доцент.

Доцент, так Доцент...

Ещё немного — и... ЧТО ЭТО?!

Огненный вихрь пронёсся над плавнями. На миг стало светло, как днём. Катер подбросило волной тугого воздуха.

Впереди над чёрными на фоне пожара зарослями закручивался огненный столб. Он постепенно втягивался сам в себя, гас, ночь возвращалась.

— Наш склад, — сказал Капитан. Но только сказал — подумал он о дискете.

...Хорошо, что они не воспользовались для бегства лодкой. Катер, на котором прибыли бандиты, догнал бы её в два счёта. Мальчишки лежали в кустах и смотрели, как беснуется на противоположном берегу протоки худощавый рослый человек в камуфляже — он кричал на развязанных, оглушённых, мотающих головами сторожей. Кричал по-русски, совсем без акцента:

— Ублюдки! Уроды! Вы нас всех убили, понимаете?! УБИЛИ! Лучше бы эти щенки не вытаскивали вас из сарая, лучше бы вы сгорели там, взорвались, кретины!

Данила отметил, что ругается-то он вполне пристойно, интеллигентно даже — но очень зло, это звучало страшнее, чем привычный вялый мат, например.

— Вы знаете, что на дискете?! — орал худощавый, локтем отбрасывая автомат, висевший у него на плече. — Имена! Адреса! Неспалённая агентура! Явки! Весь юг страны! Два года работы! Придурки!

— Капитан, — сказал молодой мужчина, гладко выбритый, в отличие от щетинистого Капитана и бородатых остальных; даже у сопливого Вахита

119.

было что-то вроде бородки в три волоска. — Капитан, надо уходить.

Похожий на гоблина здоровяк молча кивнул. Автомат на его широченной груди казался китайской игрушкой. Капитан бешено посмотрел на них. Потом резко кивнул:

— Да, спрячемся подальше. Там нас не найдут. В, катер, живо, мразь!

— Уйдут, — отчаянно сказал Джек. — Уйдут. Уйдут. А там их...

Да, понял Данила. В плавнях их не найдёт даже рота спецназа. Где же милиция, где?! Данила посмотрел на небо — и увидел, что начинает светать, просто пожар на берегу мешал различить рассвет. Бандиты торопились к катеру.

Олег вскочил на ноги и махнул рукой. Вроде бы незаметное движение, но бандиты тут же ошетинились стволами, залегли. Олег бросил дискету Джеку и прошипел:

— Лежите! — а сам побежал прочь через кусты.

— Пацаны! — заорал охотник. — На берегу прятались! Вон же!

И — плеск.

Какой-то секунды хватило Даниле, чтобы понять — Олег решил задержать бандитов погоней. чтобы не уплыли. чтобы погнались за ним по плавням.

— Вахит, у катера! — крикнул кто-то. Капитан, наверное...

Данила обнаружил бегущим рядом с Олегом.

ГЛАВА 16.

Бежать, чтобы бежать — это понятно. Но бежать, чтобы и не дать себя догнать и НЕ УБЕЖАТЬ — ЭТО сложнее. А если учесть, что у преследователей оружие — то сложное становится смертельно сложным.

Вот и сейчас Данила был готов к тому, чтобы стрелять. Ему стало так страшно, что он нажал бы на спуск, не раздумывая. Только стрелять было не в кого — сзади хрустели кусты и временами безобидно, весело посвистывали пускаемые наугад пули.

Стоит одной из них попасть... Нет, не думать. Бежать. Странно, недавно ему казалось, что по плавням не то что бегать — ходить нельзя, а сейчас летит во всю...

Вот так, наверное играли с егерями в прятки партизаны. Много десятилетий назад, но здесь же.

— Стой, погоди, — Олег остановился, припал к земле, огляделся. Он не спросил, зачем Данила рванул за ним в этот дикий кросс — берёг силы. Да и рад был, наверное.

Данила один точно чокнулся бы.

Олег тяжело дышал. Совсем рассвело, лицо его блестело от пота. Он ещё раз посмотрел по сторонам, прислушался к хрусту веток и ругани. И, шагнув в сторону, бросил:

— Помоги.

... Капитан ненавидел болота. На его родине их не было — почти подсознательно он испытывал страх перед тем, как земля может уйти из-под ног. Но дискета!.. Такое везение — мальчишки остановились рядом, а когда его люди бросились к катеру, то решили, что сейчас будут искать их. И не

120.

выдержали — рванули бежать! Нельзя их упускать, нельзя! Даже если придётся ползти или научиться летать. Упустить то, что на диске — подписать себе смертный приговор. Однозначно.

Он ненавидяще смотрел по сторонам. Зелёный ад смыкался вокруг, над головой нависали ветви, гудели комариные стаи — злорадно, многообещающе... Капитан был чужаком здесь. И чувствовал инстинктом хищника — всё вокруг напряглось. Вся эта земля будто проснулась и отвечает на его ненависть! Она прячет этих щенков — не слышно, как они передвигаются, хорошо ещё, что тропа видна; ветки поломанные, взбаламученная вода, пригнутая осока. Они тоже торопятся, только гонит их страх, а значит — ошибутся, устанут, попадутся! Хоть бы и болото — лучше пусть пропадёт дискета! Правда — и это не здорово, но по крайней — мере не в руки "федералам! Он прислушался — нет, не слышно вертолётов, ни катеров.

— Пошли! — прохрипел он, сплюнув воду.

Палач двинулся первым. Проводник шёл вторым — его нельзя терять ни в кое случае, а мальчишки от отчаянья могут что-нибудь выкинуть. Палач был не против идти первым.

Капитан не сразу понял, что произошло. Отводимая рукой ветка Палача вдруг подпрыгнула вверх, толстый ствол дерева, спрятанный за осокой, со свистом разогнулся, срезая головки трав — и с силой ударил палача в грудь. Тот взмахнул руками, потеряв равновесие...

Трое бандитов молча, с ужасом смотрели на то, как быстро сошлась ряска над тем местом куда упал Палач. Прошла даже не секунда — мгновение. Бездонная яма утробно заурчала, как живое существо, зелёный покров заколыхался.

Всё. Человек, променявший свою человечность и имя на кличку Палач, умер вообще-то легко. Куда легче тех людей, которых он казнил по приказу Капитана: русских, чеченцев, дагестанцев, ингушей, грузин...

Капитан взревел и, полоснув кусты очередью, бешено рыкнул проводнику:

— Веди!

Но тот пятился, припадочно тряс головой:

— Не подписываюсь... не, эти пацаны сумасшедшие, я же тебе сразу сказал.... пошли они... не подписываюсь... никакие бабки и крем не нужны...

— Считаю до трёх, — тихо и страшно сказал Капитан, расстёгивая кобуру "бердыша". — Ну?

— А-а-а!.. — охотник схватился за ружьё.

Грянул выстрел. Капитан стрелял от бедра, не целясь. Когда болото чавкнуло во второй раз, он повернулся к Доценту:

— Ты?! — прохрипел он.

Узкое, загорелое лицо дезертира осталось невозмутимым:

— Пойдём, — сказал он спокойно. — Только тихо, Капитан. Иди за мной. Я в таких местах вырос. Крутят они нас. Не надо за ними гнаться. Покараулим, я покажу — где.

— ... -Что-то... — Олег остановился. "Вальтер" шевелился в его руке, шевелился словно живой. Мальчишки замерли на краю зелёной прогалины, переводя дыхание.

121.

— Что? — Данила вытер мокрый лоб мокрой рукой, махнул ею — с пальцев сорвались мутные капельки пота. Он не слышал ничего кроме его дыхания и дыхания Олега.

— Да... — начал Олег, но не договорил. Данилу сбило с ног. Он услышал, как крикнул Олег, перекатился через плечо, ловко пнул ногой неизвестного противника, попав в мягкое, вскинул руку с пистолетом, который не выронил даже в падении — но получил такой удар по "косточке", что вся рука онемела, потом — второй удар, ногой в грудь, бросивший его на спину.

Олег лежал рядом. Пластырь на его виске отклеился, рана разошлась, по лицу текла кровь.

Бандиты стояли возле них. Капитан придерживал бок. Второй — русский, узколицый — кривясь ощупывал подбородок. Он сказал:

— Резвые мальчишки...

Капитан подобрал оба пистолета, бросил за спину. Дёрнул стволом автомата:

— Встать.

Данила поднялся сам, помог подняться Олегу. Глаза у Капитана были узкие, злые и жёлтые, как хищного зверя.

— Дискету, — сказал он, глядя своими страшными глазами, то на одного мальчишку, то на другого.

— У нас её нет, — зло и без страха ответил Олег. — Накололся, бандитская морда.

— Так, — обронил Капитан.

Данила почему-то сразу понял — он поверил. Поверил, и это как раз для них было самым страшным.

— Сколько вас было? — спросил он, доставая кинжал. Тот самый — длинный и прямой.

— четверо, — ответил Данила, с трудом отводя глаза от синеватого лезвия.

— И твоего Вахита наверное уже в протоке утопили, — добавил Олег. Что он, в самом деле не боится?!

— Так, — повторил Капитан. Улыбнулся: — Здорово. Никогда не думал, что это произойдёт до такой степени тупо. Вот что значит — поддаться злости... НО для вас у меня тоже есть плохие новости, — он покачал головой. — Свидетелями на нашем процессе вам не выступать. А земля достаточно велика, чтобы скрыться от ФСБ и от... - он не договорил и поинтересовался: — Вы видели, как режут баранов?

Ноги Данилы ослабели. Пот, катившийся по спине, стал холодным и липким.

Да нет, это не со мной. Этого не может быть. Я сплю. Я лежу в своей кровати и сплю, сплю, сплю... Мальчишка даже сделал усилие над собой, чтобы проснуться. А Капитан продолжал:

— Тот, кто первым упадёт на колени — получит пулю. Уверяю вас — смерть от пули куда быстрее и легче.

Кинжал сверкал в его руке — грязно, с длинными сильными пальцами. Данила представил себе, как вот такая же рука схватит его за волосы, откинёт голову и...

— Считаю до трёх. Раз...

122.

Данила покосился на Олега. Понял, что тот сейчас броситься вперед — на пулю или кинжал. И приготовился тоже.

ПРИ ЛЮБЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ СТОЙ ПРЯМО.

Шестая храбрость воина. Не будет тебе "на колени", сволочь!

— Два

— Что тут происходит? — спросил Тимур

Обернулись все. Тимур стоял чуть сбоку — не потный, не мокрый, словно спрыгнул сюда с вертолёт. (Бандиты даже зашарили по кустам взглядами.) В правой руке держал длинную палку, упирая её нижний конец в носок ноги — шесть для ходьбы по болотам. Данила, видевший его глаза, заметил, что их выражение не соответствует спокойному тону Тимура.

Его глаза были сумасшедшими. Почти такими же сумасшедшими, как у Капитана. Страшными были эти глаза.

— Подними руки, — скомандовал узколицый русский.

— Ладно, — пожав плечами, Тимур... и палка, подброшенная его ногой, мелькнула в воздухе, вонзилась...

Данила закрыл глаза. Палка попала в левый глаз бандита.

Дезертир по кличке Доцент умер мгновенно — остриё палки, превратившейся в копье, прошло в мозг.

Капитан взмахнул кинжалом, одновременно хватаясь за кобуру. А через секунду лежал на мокрой траве с вывернутой рукой. Тимур держал кинжал в одной и пистолет бандита — в другой руке.

— Не смотрите ребята, — кивнул он в сторону убитого. И отошёл к мальчишкам, которые вцепившись в него с обеих сторон. Данила и сам не понял, как он схватился за Камуфляж Тимура, почувствовал, как трясёт Олега — и сообразил, что так страшно ему не было никогда в жизни. Как теперь. Когда всё уже закончилось.

— Тим, ты как здесь?.. — счастливо спросил Олег, впервые в жизни называя командира на "ты" и "Тим".

— Стреляли. — отозвался он. — Мальчишки на катере подвезли... Подождите, ребята, не мешайте.

Он отстранил от себя Олега и Данилу, те отошли к подходящим из-за кустов Артуру и

Джеку — у Джека был автомат Вахита. Мальчишки ЧУВСТВОВАЛИ: сей час что-то произойдёт.

— Сядь, — приказал Тимур. Капитан сел. Равнодушное у него было лицо. Не ни смерти, ни боли. Лицо... морда волка, попавшего в клетку. — Помнишь меня?

— Нет, — безучастно отозвался Капитан.

— Восемь лет назад, — сказал Тимур. — Мне было пятнадцать. Станица Алевская. Ты и твои люди убили мою семью. Прямо в доме.

— Может быть, — пожал плечами Капитан. Скривился — правая рука не работала. — Сколько их было — семей, станиц...

С ужасом мальчишки слушали этот разговор. За словами Капитана открывалась бездна, которой не было названия в человеческих языках.

— Вспомни, — вроде бы даже попросил Тимур. — Я стоял в дверях сарая. Ты вошёл во двор и бросил в сарай гранату. Я чудом успел вылезти через заднее окно.

Капитан вскинул голову выше, всмотрелся в лицо Тимура.

123.

Узнал. И Тимур тоже понял это.

— Восемь лет, — сказал он. — Восемь лет я искал тебя, чтобы убить. В Чечне, — Капитан кивнул, — на Балканах, — кивнул, — опять в Чечне, — снова кивок. — Несколько раз мне казалось, что убитый мною — ты. Я ошибался. Потом мне сказали, что ты убит в Дагестане.

— Я был ранен, — отстранённо ответил Капитан. — Тяжело ранен. После этого меня перевели... на другую работу.

— Да, — согласился Тимур, — на другую. Когда мне рассказали про тебя — про человека по кличке Капитан, про беспредельщика из Ростова — я не поверил. О твоей смерти в Дагестане мне сообщил мой старый друг.

— Он не виноват, что ошибся, — усмехнулся Капитан, — я был очень похож на мёртвого.

— Даже когда я увидел тебя здесь, САМ увидел, СВОИМИ глазами — я поверил не сразу. Восемь лет, — Тимур поднял пистолет. — Вот и всё, убийца. Ты последний кого я убью.

В глазах Капитана появилось наконец-то чувство. Но это был не страх, не раскаяние, не сожаление. Только удивлённая досада.

— Ну почему я так плохо искал тебя тогда, мальчик? — спросил он. Тимур оскалился, его лицо стало неуловимо похоже на лицо самого бандита...

— Нет, Тим! — изо всех сил крикнул Олег. — Ты воин. А он убийца. Воины не убивают безоружных. Ты хочешь стать, как он?

— Здесь не сказочки, не игра! — прорычал Тимур. Олег не опустил глаз:

— То, чему ты учил нас — сказочка? Мы играли в игры? — требовательно спросил он.

Взгляд Тимура пробежал по лицам мальчишек. Что-то осмысленное, человеческое мелькнуло в нём, выросло и стёрло страшные бешеные искры. Тимур улыбнулся и, повернувшись, бросил "бердыш" в траву.

— Живи, — презрительно сказал он.

— Трус! — выкрикнул Капитан. — Ты трус, мальчишка!

— Нет, — покачал Тимур головой. — Хочешь, я скажу тебе, что будет с тобой дальше? Дальше будет суд. Я выступлю свидетелем. И ещё найдётся немало, я думаю. Тот же твой Вахит. Тебе дадут двадцать пять лет. Ты сядешь в тюрьму и отсидишь их от звонка до звонка. Когда ты выйдешь, вокруг будет совсем другой мир. Вот у этих пацанов, — он показал на мальчишек, — может быть, уже будут внуки. А у тебя никого не будет, понимаешь? Ты только убивал. Тебя никто не пожалеет. И ты выйдешь на свободу старый. Больной. Одинокий. И ни-ко-му не нужный. Живи, Капитан. Мне... жаль тебя.

Никогда не забыть Даниле, какие глаза были у Капитана.

— Не-на-ви-жу-у! — прохрипел он и вытянул к Тимуру и мальчишкам руку со скрюченными, дрожащими пальцами, разом постарев лет на двадцать. — Ненавижу вас всех! Если б мог... каждого бы... своей рукой...

Тимур засмеялся.

В небе уже несколько секунд стрекотали винты двух вертолётков.

124.

ЧТО-ТО ВРОДЕ ЭПИЛОГА.

Получилось так, что Данила, Олег, Артур и Джек раньше остальных устали от веселья, кипевшего в стенах (и за стенам) клуба. Им что-то взгрустнулось... или просто вспомнилось, что трупы были настоящие, что настоящим был пережитый ужас...или они ощутили себя взрослее даже многих взрослых, что пришли поздравить "Хорт" со своим рождением...

Короче говоря, они встретились у каморки Тимура, куда еле доносился шум дискотеки. Зато в каморке горел свет и сидел сам Тимур.

..Его навел на след старого врага Астафьев, сохранивший большие связи в спецслужбах. Именно поэтому Тимур и отсутствовал в городе — ездил на встречу со спонсором клуба. И успел обратно как раз во время, чтобы поговорить с Кларой — она как раз дозванивалась Астафьеву а мобильник. Но вот предотвратить два убийства Тимур не успел — бандиты убрали "помощников".

В том числе — и Матвийчука. Его было очень жалко, как ни странно — и эта смерть снова подтвердила, что ВСЕ БЫЛО ПО-НАСТОЯЩЕМУ.

И дальше Тимур успел здорово — скрутив Вахита во второй раз, Артур и Джек собрались уже искать своих друзей. Эти поиски могли закончиться побоищем. Спецназовцы из ОМОНа уже подходили, но ждать Тимур, конечно не мог.

Промедли он минуту — всё закончилось бы по-другому. Совсем по-другому — закончилось бы СОВСЕМ.

Тимур Лей рос в обычной станице, где бок о бок жили люди разных национальностей. Не считая обидами и не думая, что однажды это может закончиться так страшно. Чудом спасшегося мальчишку подобрали казаки из одного отрядов самообороны. А потом за восемь лет, где только не искал Тимур Лей сед своего врага. Подробно рассказывать он не стал — не захотел, и мальчишки его поняли ТЕПЕРЬ поняли. Не всегда приятно вспоминать о военных подвигах. Лучше бы их не было — таких подвигов. Тимур из тоже не хотел, поэтому и осел в Горенске-Колодезном, когда поверил, что его враг мёртв. Астафьев, с которым познакомился юноша во время своих скитаний, предложил ему воспитывать и учить мальчишек. Тимур согласился.

— Ты нас не бросай, — попросил Джек. Тимур улыбнулся:

— Не брошу, если вы себя хорошо вести будете.

— Будем. — клятвенно пообещал Олег. — Мафию разогнали, с бандитами справились, палки в колёса нам ставить больше некому. Станем жить-поживать и добра наживать.

— Ох, не получится так-то радужно, — покачал головой Тимур. — Вы теперь и сами представляете, сколько всякой швали на свете. И тихой, и с автоматами, и с ноутбуками...

— А нас??!! — удивился Артур. — Нас разве мало?!!! вон нас сколько! Весь клуб гудит!

За дверями и правда за весь клуб гудел Сашко: "Да тут они, почекай хвылилку, Клара! Данила!!!"

— Меня, — резво вскочил и смущенно улыбнулся Данила. — Мама с Люськой ищут, наверное...

— Ага, — кивнул Олег. — Мама с Люськой.

Все засмеялись.

125.

— У нас ещё весь август впереди, — сказал Данила. — Целый месяц лета!

— А потом ещё осень, — кивнул Артур.

— И зима, — напомнил Олег.

— И весна, — вставил Джек.

— И снова лето, — закончил Тимур. — Беги, а то мама волноваться будет.

— Мальчишки, Данила у вас? — в дверь просунулась голова Клары.

— У нас, забирай, — Олег слегка пнул Данилу пониже спины. — Мама его ищет?

— Тетя, — Клара показала язык, и они с Данилой выбежали через дверь, за которой бурлило веселье, навстречу кончавшемуся июлю и начинавшемуся августу, осени, зиме, весне — всем временам года, бесчисленным и прекрасным, которые им ещё предстояло прожить.

— Нас тоже ждут, — резво поднялся Артур. Джек подтвердил его слова энергичным кивком, и мальчишки выскочили наружу. Олег остался сидеть.

— Всё ведь правильно? — спросил он Тимура. — мы все делали правильно?

— Иди, — в место ответа сказал Тимур. — Сегодня праздник. А они нечасто бывают.

— Каждый день, — ответил Олег, поднимаясь на ноги. — Ты просто забыл, как это бывало, Тим — каждый день. Это, говорят, пройдёт с возрастом, но пока — каждый день!

И Тимур сказал своему "командосу":

— Правильно.

КОНЕЦ